

ЭДМУНД МАТЕР

*Meiner Frau Raisa für ihre Unterstützung und Geduld während
Der langjährigen Arbeit an diesem Werk gewidmet
Моей жене Раисе за её помощь и терпение во время
долголетней работы над этим трудом посвящается*

автор

ВРЕМЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА

РОМАН-ЭССЕ

Обновлено: 01.05.2024

Рисунки Курта Гейна и др.

© Все права у автора

Читатели, смейтесь со мной и плачьте,
беседуйте со мной и спорьте.

О своём романе-эссе я могу сказать немного. Он достался мне очень трудно. Сорок лет я шёл к нему, а он уходил от меня. Это не развлекательная вещь. Читателю придётся много раз возвращаться назад, в прошлое. Но, тем не менее, я не призываю жить прошлым, а просто иногда задуматься о будущем.

Эдмунд Матер

Предисловие к первой части романа-эссе «Время Великого Поста»

Вы открываете не совсем обычную книгу. Канва повествования выткана самой жизнью, и сюжет складывается из реальных судеб людей, чей жизненный ОПЫТ заключен в генной памяти каждого из нас. Лишь на стыке этих судеб, на пересечениях их, высекается искра чистого пламени человеческой души, заставляя его совершать Поступки.

Целая историческая эпоха противоречивого существования «колосса на глиняных ногах» — «великого и нерушимого» Союза Советских Социалистических Республик, — за сравнительно короткое время превратившая в тюремную зону сообщество сотен наций и народностей, всколыхнет вашу память, заставит плакать и смеяться, грустить и негодовать, сожалеть и просто жалеть...

Голос Эдмунда Матера, вдумчивого и внимательного собеседника, с едва уловимым акцентом русских «немцев», не выветрившимся с Екатерининских времен, увлечёт вас в долгое путешествие по времени, от Октябрьской революции до наших дней, заставив заново пережить свою собственную судьбу и судьбу всей Родины.

Русские, немцы, казахи, калмыки, кавказцы, — одним словом, простые «советские люди», — гонимые властью «уполномоченных» с насиженных мест при первых признаках благосостояния и покоя, живущие одной семьёй не по указке «сверху», а по велению сердца, по законам человеческого сопереживания и сочувствия, простые люди, остающиеся Людьми, невзирая на условия жизни Зоны, в которую превратила страну тоталитарная власть, — главные и второстепенные герои этой книги, — они станут вам, читатель, близкими и родными к концу книги, потому что это и есть вы, ваши бабушки и деды, матери и отцы, сестры и братья.

Русская женщина Стефания, её приёмный сын Митя Герцен, потерявший дар речи, когда его десятилетнего брата повесил у него на глазах полубезумный от безнаказанности властитель немецкого поселения Крыльков, олицетворяющий всю властную структуру, пребывающую в постоянной эйфории неограниченной нечеловеческой власти, — именно эти судьбы, всколыхнув душу, начнут ваше полное прозрений путешествие в родовую генную память, к истокам ваших непонятных страхов и несвобод, комплексов и самоограничений...

Уже другие герои, узнаваемые вами до боли, — казашка-певунья Жибек и её возлюбленный муж: Арон Кронштейн, спасенный женою из самого ада; их сын Эдуард Кронин и потомок русского купца Петр Протопопов; и повзрослевший немой поэт Дмитрий Герцен, — как и каждый из нас, всю свою сознательную жизнь не имеющий голоса, сжигающий творения души своей, крик её, в ненасытном печном огне бытия; и десятки других, — помогут вам вновь пережить все унижения и трудности военных лет и послевоенной разрухи, обманчивой «оттепели» и «застойного», а затем и «демократического» разворовывания всего Отечества, помогут и научат — своими поступками, мыслями, намерениями, — оставаться Людьми: со своим чувством достоинства, с гордостью за свою национальность и с чутким уважением к другим людям, отстаивающим человеческое право на свободу личности и духовность.

«Читатели, смейтесь со мной и плачьте, беседуйте с книгой моей и спорьте», — начиная свое повествование, пишет автор. «И любите, — хочется добавить к этим словам, — любите, как я люблю вас, любите, без страха и упрёка, вопреки всему, что не любовь, а зло; любите так, как умеете это делать вы, люди, на которых держится жизнь». Эти слова Эдмунд Матер доказал каждой своей строкой.

Светлана СУСЛОВА, поэт, публицист, заслуженный деятель культуры Кыргызстана, член Союза писателей Кыргызстана, лауреат премии Ленинского комсомола

Творческие надежды

Роман-эссе Эдмунда Матера «**Время Великого Поста**» в значительной мере знакомый. В центре - корневая проблема бытия: вечное противостояние человека Добра и человека Зла. Это чрезвычайно трудная для положительного решения проблема всецело занимает немецкого писателя, ставшего большим другом Кыргызстана. Да и не только Кыргызстана. Его хорошо знают в Республиках Центральной Азии. Вспоминается Международная конференция «Творческое взаимодействие писателей стран Центральной Азии», проходящей в Бишкеке и на Иссык-Куле. Эдмунд Матер был участником этой конференции. Тогда мы и познакомились довольно близко. По натуре он – обстоятельная, отзывчивая, добрая личность. Поэтому все его творческие надежды – на торжество Добра в мире.

Абдулхамид Самадов.

Секретарь Союза писателей Таджикистана

Потрясение века

Кыргызстан, горный и солнечный край, мне дорог тем, что он исторически связан с моим родным калмыцким народом, как легендарный кыргызский эпос «Манас» духовно родствен калмыцкому эпосу «Джангар». Ну а Чингиз Айтматов - один из самых близких моих друзей. И как же меня взволновало такое литературное событие, как издание в Кыргызстане романа немецкого писателя Эдмунда Матера «Время Великого Поста». В романе воскрешена неимоверно трудная жизнь простых людей, переживших ужасные потрясения двадцатого века. Одно такое потрясение постигло и меня – мое многолетнее пребывание в «зоне» – в лагерях Воркуты. Наряду с заключенными разных национальностей там были и репрессированные немцы. И произведение Эдмунда Матера живо напомнило мне это, за что я ему очень благодарен, хотя мне тяжело вспоминать ту пору. Мы – конечно, не все - выжили благодаря стойкому духу, именуемому: все люди земли – братья.

Давид Кугильтинов

Народный поэт Калмыкии,

Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР и России,

Герой Социалистического Труда

Строитель мостов толерантности

*«Время разбрасывать камни.
И время собирать камни...»*

Книга Екклесиаста, гл. 3,5

Роман-эссе Эдмунда Матера «**Время Великого Поста**» для пытливого читателя представляет несомненный познавательный интерес.

Автор в роли народного сказателя расстилает во времени и пространстве широкое эпическое полотно. Повествование периодически замедляет ход. Повторы имеют свое позитивное значение и для понимания сути происходящих событий (всегда интересна оценка одного и того же явления, сделанная разными людьми) и для более выразительного раскрытия характеров героев произведения. Да и ломка стереотипов восприятия мира всегда вызывает особые чувства.

Удачны названия частей «**Пересечения судеб**», «**Расставания и встречи**». Их содержания отражают и будничность, и несут глубокий философский подтекст. Больше, чем даёт жизнь, не придумаешь. Проблема выбора, прежде всего морального выбора, всегда стояла, стоит и будет стоять перед человеком, а значит, и перед человечеством в целом. Поэтому так интересно вместе с автором наблюдать за его героями, сопереживать. Кажется, автору (тут надо отдать должное его мужеству) труднее всех, так как он знает, что ожидает его героев в будущем. Раздумывая над общим названием книги «Время Великого Поста», вглядываясь в судьбы героев, а с их помощью в суть ключевых проблем ушедшего века, постигаешь, что ничего случайного не бывает, все связано между собой. Размышляешь и над многозначностью понятия «**Пост**». Это и великое испытание, это и очищение. Так, в начале XXI века ощущаем невидимую связь времен. Сосредотачивается внимание на благотворном влиянии того явления, обозначенного еще в античные времена, как понятие «**трагический катарсис**», то есть очищение человеческой души от ненависти, злости, страха, горькое и трудное достижение гармонии и мудрости, дух мужественного просветления, прозрения.

Роман-эссе Эдмунда Матера близок нам, живущим в Украине, так как читатели старшего поколения в судьбах персонажей, как в зеркале, найдут отражение, если не своей собственной жизни, то своих близких, знакомых. Да, простой человек сложен. Исповедуя эту мысль, Эдмунд Матер, создает образы настоящих мужчин, не боящихся брать на себя ответственность, и женщин, достойных преданной любви. Как не вспомнить, что герой из первой главы в условиях войны, чтобы спасти товарищей от преследований врага, взрывает мост, основательно построенный ещё в прошлом веке, и погибает. Другой герой – Альвин Остерманн, чудом оставшийся в живых на той же войне, но потерявший своих родственников, со временем много переоценивает в своей и окружающей жизни. Его вывод бескомпромиссен: «...зло и жестокость могут породить только себе подобное». Он задумывает сюрприз для жены к юбилею свадьбы. Какой? Думается, читатель по достоинству оценит оригинальность подарка близкому человеку. А мы в контексте наших размышлений подчеркиваем кульминационное значение приёма «театр в театре». Герои передают следующему поколению читателей, зрителей уже XXI века выстраданное ими понимание, что у людей есть будущее, если они помнят о своих корнях, если при любых обстоятельствах, исповедуя человечность, не разрушают, а наводят мосты толерантности.

Евгения Еленина/г. Житомир, Украина

Пересечения судеб

часть первая

1 глава. Стефания и Митя

Говорят, что театр начинается с кассы и вешалки. Очевидно, так оно и есть. Театру на окраине Сибирска в этом смысле повезло. В кассе, вот уже который год, со времён войны работала одна и та же женщина. Немногие знали её фамилию и полное имя. Звали просто тётя Стеша. Не совсем обычной была история её жизни.

Замуж студентка педагогического института Стефания Дундич вышла перед самой войной в Ленинграде за молодого офицера Ивана Фотова. Ей, родившейся на юге Украины и привыкшей к тёплому климату, Ленинград поначалу показался неуютным, но со временем она привыкла и полюбила этот удивительный город. Особенно была очарована его жителями. Часто совершая длинные пешеходные прогулки по городу, много расспрашивала, и не было случая, чтобы ей ответили неприветливо или грубо. Нравилось любознательной женщине общаться с людьми пожилого возраста. Те знали о своём городе, действительно, всё и порой могли рассказывать такое, чего ни в одной книге или справочнике невозможно найти. Так и стал северный город для южанки родным.

Появилась дочурка Марина. Учёбу пришлось прервать. А тут война... Мужа отправили на фронт, а Стефания с первым эшелонами эвакуированных отправилась в Сибирь. Попала в глухую деревню Дмитровка. Сразу же по приезду тяжело заболела дочь, простуженная в дороге. Да и работать приходилось со всеми вместе от зари до зари. Хорошо, что ещё соседи попались – чудные люди. Соседская бабушка, Матильда Курц, приглядывая за своими внуками, и маленькую Марину не оставляла без присмотра. Именно бабушка Матильда народными средствами и поставила дочурку на ноги. Возвращаясь поздно вечером домой, Стефания заходила по пути к соседям за дочерью. Старушка-соседка, очень плохо говорившая по-русски, пыталась объяснить молодой женщине, что, мол, пусть спит ребёнок, незачем тревожить сон. Но молодая женщина, ужасно устававшая от непривычно тяжёлой физической работы, брала сонную дочь на руки и, сердечно поблагодарив бабушку за заботу, уходила. Как объяснить бабуле, что без этого маленького крохотного существа жизнь теряет всякий смысл.

Похоронка на мужа нашла и в далёком сибирском краю. Кто знает, как бы после этого пошла жизнь дальше, но маленькая дочурка давала силы. Заставляла двигаться, думать, работать. Заставляла жить.

И ведь какие только неожиданные перекрёстки не строит жизнь. Родители офицерской вдовы остались на оккупированной фашистами Украине, муж погиб в сражении с фашистскими захватчиками в болотах Белоруссии, а жизнь дочери спасла немка, бабушка Матильда, в далёкой от родной стороны Сибири. Дмитровка была заселена, в основном, немцами. Стефания поначалу не очень охотно вступала в контакты с местным населением, наслушавшись всяких слухов, очень активно распространяемых определённым кругом лиц.

Но совместная работа постепенно сблизила её со многими женщинами. Появились подруги, обучавшие горожанку немудрёному сельскому труду. От граблей, вил, тяпок и другого инвентаря на руках были кровавые мозоли. Их тоже помогала лечить бабушка Матильда простыми, но очень действенными народными средствами. Ведь до врача добираться не менее двадцати километров, а пешком попробуй это сделать. Самое сложное было для горожанки – это работать с тягловым скотом. Лошадей позабирали для нужд фронта, а с быками и коровами обращаться не просто. Пахотную норму дай. А как? Уставший бык, получающий горстку зерновых отходов да охапку соломы в придачу, сил в запасе имеет немного. Ляжет в борозду, тяжело поводя боками, и, ты хоть убей его, не поднимется с места, пока не отдохнёт.

В один из таких тяжёлых дней на пашне одновременно легли в борозду три пары быков. Застряли в ней сразу три плуга. Женский крик. Ругань. Слезы. Смех... Все вперемешку. Одна из бойких предложила попробовать тащить плуг женской сцепкой. Вначале ради шутки, а потом взялись женщины всерьёз и потянули, не заметив за криком и гамом, что от ближайшего околка* к ним наёмом приближается группа верховых. Остановились, испуганные, лишь тогда, когда увидели подъехавших вплотную всадников.

Все в военной форме. Но совсем не похожи были эти, так неожиданно появившиеся на поле военные, на их председателя колхоза, тоже, кстати, носящего военную форму.

Тот был зверь из зверей, и знали его дикие повадки все женщины без исключения. Только, пожалуй, одна Стефания не получала ещё от него кнута и то только потому, что при первой же попытке поднять на неё руку она, смело глядя ему в глаза, заявила: «Напишу командиру части, где служил мой муж, он лично сам с тобой разберётся». Угроза подействовала. С женщинами-немками воевать одно, а с фронтовиками иметь дело – совсем другое.

Пётр Иванович Крыльков, назначенный ещё в начале войны председателем колхоза, как это было принято, усвоил эту истину очень хорошо. Как-никак, сам бывший фронтовик. Правда, где и как он воевал, не знал никто. Потерял где-то руку в начале войны. Может, даже из своих кто-то оттяпал за вредность или сам сподобился, сумев смастерить хитрый самострел. Лечился, конечно. Но, видно, не полностью вылечили его доктора. Сшили повреждённые наружные части, а что с психикой у него далеко не всё в порядке не заметили. Имени его не только дети, а и все взрослые боялись по всем пяти подвластным ему деревням. Стегануть мимоходом кнутом до крови было для него в порядке вещей. Не одного мальчишку, девчонку или женщину избил он до полусмерти. Ночами, набравшись до одурения самогону, носился на своей трашпанке** из деревни в деревню, паля из ружья куда попало. Прятались от него не только люди, но даже собаки не высывали носа, услышав его дикий рёв и стук колес.

Образ его военной формы настолько врезался людям в мозги, что они при виде формы сразу знали – это начальник, притом, злой.

Верховые, спешившись, подошли к женщинам.

– Кто из вас Стефания Фотова? – спросил один из военных.

Напуганная женщина медленно вышла вперед.

«Неужели заберут? За что? Вроде ничего не натворила? А как же Марина, Митя?» – мысли металась в голове, не находя ответа.

Мужчина подошёл и крепко, двумя руками, пожал ей руку.

– Стеша, неужели не узнаёшь меня? Я Николай Мороз. Твой муж служил вместе со мной. Забыла? Я был у вас дома незадолго до войны. У тебя ещё пирог с грибами подгорел в печи, а мы с Ваней тебя успокаивали. Неужели не помнишь меня?

Только после этого напоминания, женщина узнала Колю Мороза. Как изменился. Белый как лунь и постаревший. Полковником стал.

Кровь ударила в голову, и она медленно опустилась, присела на край борозды.

Дошло всё же письмо, написанное офицерской вдовой, до командира части Николая Мороза.

... Дмитровка была такой же немецкой деревенькой, как и все остальные, но только до одного чёрного дня. После трагического случая по всей округе стали её звать не иначе как: «Там, где повесили мальчика». И это проклятье закрепилось за ничем не повинной деревней не на один десяток лет. Может, именно поэтому и умерла она. Выхали оставшиеся в живых люди. Только бугры да ямы остались от неё со временем.

Жила семья Герцен, как и все во время войны, впроголодь. Отца давно забрали, бабушка с печи не слезает, а мать – сутками на работе. Днём в поле, вечером уезжает на всю ночь, везёт на быках зерно на ближайший элеватор. Одно было всё-таки хорошо. Нет-нет, да и принесёт мать немного зерна, спрятанного в потайных карманах, специально для этого пришитых где-нибудь внутри. Даже скромный запас удалось сделать на чёрный день.

Прибрались колхозники немного на полях, свезли почти всё на тока, а здесь – новая беда. Приехал председатель колхоза и зачитал целый список женщин, которые были отобраны для угона на принудительные работы. Мария Герцен тоже была в списке. Деревня словно вымерла. Даже плача уже не было слышно.

На следующее утро пошли женщины пешком, подгоняемые одноруким председателем колхоза, восседающим, как на троне, на своей телеге, на железнодорожную станцию, находящуюся в двадцати километрах от деревни. Плач и крик стоял до неба. Долго было ещё слышно из деревни, как уходящие женщины пели молитвенные, жалостливые песни.

Меньше половины вернётся их назад, а многие из вернувшихся больше никогда не найдут своих детей.

Стонали под гнётом председателя Крылькова все пять деревень, а он отводил свою душу в истязаниях и издевательствах. Жена его, добрая русская женщина, заступалась, как только могла, за беззащитных людей.

Не по нраву пришлось это извергу. Не долго размышляя, отправил тётю Надю всесильный чиновник с партийным билетом в кармане в места, где окна в решётках, а на буйных пациентов одевают усмирительные рубашки. Недолго прожила бедная в этом неласковом приюте. Ещё одна незаметная могилка появилась на ближайшем кладбище. А причиной ссылки жены была молодая красивая бабёнка, жительница одной из подвластных Крылькову деревень. Сумела она найти подход к местному диктатору. В шелках стала ходить

красавица и как сыр в масле кататься. Возможно, что именно она и была вдохновительницей извращённых идей сумасшедшего председателя.

Как-то одна из рядовых пожилых немок-колхозниц, сопровождавшая, как носильщик, фаворитку председателя в город, невольно стала свидетельницей совсем уж неприглядного дела. Распаковывая вещи фаворитки, женщина случайно открыла не тот чемодан и ахнула от испуга. Чемодан был набит деньгами. Хозяйка квартиры, сердобольная женщина, увидев это, посоветовала ей как можно быстрее закрыть чемодан и сделать вид, будто ничего они не видели. Только через много лет после происшедшего рассказала чудом оставшаяся в живых свидетельница о деньгах, случайно обнаруженных в чемодане. Спасительным оказался вовремя поданный совет хозяйки. Угодили бы они обе куда-нибудь подальше, если бы Крыльков или его напарница по воровству колхозных, а может быть и заёмных денег, заметили, что их секрет раскрыт.

Из немок-старожилок была новая избранница председателя колхоза, которая правила им, как запряженным меринком, несколько лет. Быстро забыла она рабский труд рядовой колхозницы, но судьба её оказалась горькой. Недолго длилось для неё сладкое время.

Сразу же после того, как забрали председателя, жизнь бывшей фаворитки превратилась в ад. Все отвернулись от молодой женщины, и не выдержал её разум столь резких прыжков судьбы. Ходила она потом целыми днями по деревенским улицам, распугивая детвору своим невнятным бормотанием и грязными лохмотьями. И первыми протянули ей руку именно те, кого она со своим возлюбленным больше всего притесняла. Простые крестьянские женщины подали кусок хлеба умалишённой.

Остались в доме Герценов два мальчика да лежачая бабушка, которая вскорости умерла. Перебивались мальчишки, чем могли. Ходили по убранным полям, собирая колоски, за что их нещадно гоняли. Спасал лес. Услышав и увидев нежданного прохожего, стремглав неслись в заросли кустов, под прикрытие деревьев.

Однажды всё же чуть не настиг председатель одного из братьев, но лошадь оказалась намного умнее человека, промчалась, не слушаясь вожжей, боком возле мальчика, обдав теплом, но не задев его ни копытом, ни колесом. Пока председатель, разрывая пасть лошади удилами, разворачивал телегу, спасительный лес укрыл беднягу.

Так протянули почти год. Наловчились делать всё. Но пережить войну вместе им всё же не удалось. Попались на картошке. Подрыли немного сладенькой и, поджаривая её на костерке, забылись. Беда пришла на этот раз не с открытого поля. Председатель, наученный неудачами, подъехал со стороны леса. Снял чересседельник и потихонечку подкрался к возившимся с картошкой мальчишкам. Двоих одной рукой не схватить. Сгрёб в охапку одного. Накинул чересседельник петлёй на шею и повел в лес. Второго и след простыл. Успел спрятаться в кустах. Мальчишка, придя в себя, стал упираться, что есть сил. Знал он, чувствовал, что добром это не кончится, а кричать не мог, горло было накрепко перехвачено петлёй. Окончательно озверев от усилившегося сопротивления и потеряв остатки человеческого разума, председатель свалил мальчика на землю ударом хромового сапога в живот и волоком потащил в лес.

Второй мальчишка, посидев некоторое время в кустах, крадучись отправился следом. Пройдя пару сотен метров, увидел, что старший брат висит в петле на берёзовом суку, как подвешенный мешок. Сначала не поверил своим глазам.

Подбежал. Попробовал поднять его, подхватив под коленки, но брат только как-то странно захрипел, а руки остались плетью висеть вдоль туловища.

У мальчишек военного времени всегда в кармане на всякий случай находился нож. У Мити он тоже был при себе. Мигом, обезьянкой, забрался на дерево. Перерезал ремень. Брат упал на землю. Митя спрыгнул следом и стал теревить брата, пытаясь привести его в чувство. Сзади раздался грохот телеги. Стремглав кинулся в кусты. И вовремя. По дороге, делящей лес на две части, в сторону деревни ехал председатель. Увидев, что повешенного вынули из петли, а его брат убегает, он, матерясь на чем свет стоит, спрыгнул с телеги и побежал за нежеланным свидетелем, но, поняв, что не догнать ему убегającego парнишку, вернулся к его брату.

Работающие на поле женщины издали увидели бегущего к ним изо всех сил мальчишку. Стали спрашивать, что случилось, но говорить тот больше не мог. Со страхом глядя в сторону леса, проводил всё время рукой себе по горлу и мычал что-то нечленораздельное. Чуть позднее увидели проехавшего недалеко председателя колхоза. Упряжь как-то боком висела на лошади, хомут болтался на шее, словно рассупоненный. На удивление всех, он не подъехал к работающим и не обматерил, как обычно. Митя сразу же спрятался за спины женщин и трясло его все время, как в лихорадке. «Что-то страшное случилось в лесу», – подумали женщины. Решив проверить свои догадки, так кучкой и направились в лес.

Как сумел этот одорукий мужчина повесить мальчика, можно было только догадываться. Но факт остаётся фактом, когда женщины пришли вместе с его меньшим братом в лес, то Петя Герцен, десятилетний, худенький, как скелет, ребёнок, висел на берёзе, повешенный на чересседельнике от сбруи, в которую колхозным конюхом-инвалидом была запряжена председательская лошадь.

Его меньший брат, Митя Герцен, остался на всю жизнь немым и до самой смерти боялся чёрного человека-тени. Он не мог говорить, но умел писать и читать. Потерял чувство времени. Не мог отличить день от ночи.

Очень боялся выходить на открытое место. Не выносил солнечного света. Панически боялся тени, сторонился людей. Очевидно, в мозгу отпечатались тень председателя, подошедшего к ребятам со спины. Позднее, немного успокоившись, он по просьбе Стефании описал всё, что произошло в лесу.

Стефания, стоя в лесу возле мёртвого мальчика, дала себе слово: «Так дальше продолжаться не может. На этого сумасшедшего нужно найти управу». Но как обуздать человека, облечённого всеми правами власти? Пожалуйешься на него в район? Так жалоба вернётся к нему же назад, и всё останется по-прежнему, если не станет ещё хуже. Осатанеет совсем и так уже давно осатаневший человек.

И решила женщина потревожить письмом бывшего командира мужа. Тот время от времени писал ей короткие, как рапорт, письма. Иногда с оказией присылал даже небольшие посылки с продуктами.

И вот стоит перед вдовой, с непокрытой головой, виновато опустив руки по швам, бывший однокурсник Ивана Фотова, полковник Николай Мороз.

– Что же мы стоим здесь, Коля? Если у тебя есть время, пойдём в деревню, посмотришь, как я живу. Мариночку мою увидишь, подросла уже, только дикая стала, по-русски почти не говорит. С детишками во дворе и с бабушкой Матильдой только на немецком и щебечет. По дороге расскажу кое-что о моей жизни. Как работаем, сам увидел, много рассказывать нечего. Тягловый скот истощён до предела, а с нас требуют: кровь с носа, но норму дай.

Прости, пожалуйста, что потревожила тебя письмом и написала о том, что натворил этот мерзавец, но поверь мне: это был край для меня. Я стала бояться

сама себя. Хотелось взять вилы и запороть этого зверя в человеческом обличье. Если бы не Мариночка, то я, наверное, так бы и поступила, чтобы очистить русский род от такой нечисти. Только письмо, которое я написала тебе, немного меня успокоило. Я решила, пусть всё-таки власти сами исправляют свои ошибки, и притом принародно. Ведь кроме меня никто не решится жаловаться на него. Люди здесь до того напуганы, что своей тени боятся. Я одна-единственная русская, жена погибшего на фронте офицера, была в тот день вместе с немками в поле. И почему-то именно ко мне прижался оставшийся в живых восьмилетний, навсегда душевно покалеченный мальчик. Он знал, что только меня боится трогать этот сумасшедший, но облечённый распорядиться жизнью и судьбами людей, зверь в обличье человека. Мальчишка этот так и живёт у меня. Ходит следом за мной, как привязанный. Из дома выходить боится: всё мерещится ему какая-то чёрная тень. Часто пишет мне длинные письма. Жалуется, что какой-то человек-тень мучает его день и ночь и он нигде не может спрятаться от этого чудовища. Успокаиваю его, как могу...

Николай Мороз шёл рядом с говорящей женщиной и молча слушал, опустив голову. Потом спросил идущего с ними молодого бледного мужчину: «Слышал? Всё понял? Не примешь меры, я сам застрелю этого гада. Мне терять нечего, дальше фронта не пошлют и меньше взвода не дадут».

Подходя к маленькой саманушке, в которую поселили Стефанию и дочь, увидели в окне совершенно белое лицо мальчика, выглянувшего в окно. Стефания, быстро открыв входную дверь, бегом кинулась в дом.

– Митя, Митенька, не бойся, это хороший дяденька. Он наш друг и ничего плохого нам не сделает. Митя! Где ты!

Мальчишка, испуганно переводя взгляд с приёмной матери на вошедшего следом за ней Николая Мороза, показывая пальцем, то на него, то на свою шею и, делая при этом понятные обоим знаки, стал выбираться из-под деревянной, похожей на огромный резной ящик, кровати. Стефания подхватила его на руки, прижала к себе, приговаривая: «Сбегай, пожалуйста, за Маришей, приведи её домой. Объясни: мама пришла...»

Мальчик, опасливо, бочком пробравшись мимо стоящего Николая, опрометью бросился во двор.

– Присаживайся, я быстренько плиту растоплю, попьём мятного чайку. Извини, Коля, другого нет.

– Стеша, у меня очень мало времени. Завтра уходит мой эшелон. Твоё последнее письмо застало меня в Сибирске, в госпитале. Я тебе очень благодарен за то, что ты написала. Все твои письма на фронт были у меня в планшетке, но от неё одни ключья остались. Адреса нет. Не знал, где искать. Сядь, пожалуйста. Я коротко расскажу, как погиб Иван. Ты знаешь, мы артиллеристы. Уходили на восток не просто шагом, а бегом, местами даже галопом. Тягачи все встали без топлива. Понабрали в сёлах лошадей. Совместной конско-людской тягой выволакивали пушки из окружения. Оставалась только одна дорога, по которой ещё можно было вытащить пушки из котла. А вокруг печально известные белорусские болота и трясины. С пушкой туда не сунешься. Но по болотам и танк не пройдёт, и приходилось фашистам каждый метр дороги отбивать силой. Прикрывала нас горстка пехоты. Этим ребятам мы, выжившие артиллеристы, обязаны жизнями. Они в прямом смысле этого слова ложились под танки. Противотанковых гранат уже давно не было, и им приходилось использовать остатки противотанковых мин. Для надёжности оставались обычно дожидаться германцев тройками. Один с

миной в руках, двое с автоматами охраняли его от пехоты врага. Дожидались, когда танк уже почти поравняется с кустами, в которых засели бойцы, и один, с миной в руках, бросался на дорогу под танковую гусеницу, двое других в это время косили очередями фашистов. Из этих солдат нас ни один не догнал, наверное, погибли все.

Фашисты быстро раскусили эту тактику. Боеприпасов у них хватало. Стали танковыми пулемётами прочёсывать все кусты подряд и пускать, для надёжности, свою моторизованную пехоту вперёд. Но голь на выдумки хитра. Валили мы, где только можно было, деревья, делали заломы. У нас снарядов давно нет, а гул фашистских танков уже хорошо слышен. Нас спасали деревья, извилистая дорога и туман, иначе танкисты достали бы нас снарядами из пушек. А туман, на наше счастье, и неприятельскую авиацию сделал в тот день слепой. Добежали, донесли пушки до моста. Река неширокая, переплыть можно, но берега такие топкие, что лошадь пройти не может. Мост этот, наверно, ещё при царе был построен. Весь – как каменный монолит.

И, как назло, застрял на нём какой-то штабной грузовичок. Не выдержала слабая ось белорусское бездорожье, разъехалась на две половины.

Майор-штабист, размахивая пистолетом, бегал кругом, орал, суетился, но толку от этого не было. Попробовали мы грузовик волоком протащить вперёд, но не тут-то было. Иван предложил протащить автомобиль лошадиными сцепками назад, потому что провести лошадей вперёд по узкому мосту из-за застрявшего грузовика не было возможности. А майор, выставив пистолет, разорался не на шутку. Сцепился Иван с ним прямо на мосту. Хлопнул негромкий выстрел. Майор схватился за голову.

Сквозь пальцы ручьём полилась кровь, и он, заваливаясь на бок, через жидкие перила упал в реку. Как всё произошло я не видел, может, Иван попытался обезоружить штабиста, а, может, и помог ему немного, я по сегодняшний день не могу понять.

Выдрали мы злополучный грузовик на западный берег, приказав солдату поджечь его, после того, как пушки будут на другом берегу. Гул приближающихся фашистских танков был уже хорошо слышен. Пушки, одна за другой, исчезали в тумане на восточном берегу.

Иван, подойдя ко мне, сказал, что мы два единственных офицера из нашей части, оставшихся в живых. Одному из нас нужно подорвать мост и он остаётся, чтобы сделать это. Я спросил, почему именно он.

– Ладно, кинем жребий, – быстро согласился он. Вытащил две спички из коробка. Сказал, что обладатель сгоревшей уходит. Мне попала сгоревшая.

Мы оба знали, что тот, кто остаётся, идёт на верную смерть. Динамита не было, а каменный мост поднять в воздух ручной или противопехотной гранатой невозможно. Держали в запасе, на всякий случай, несколько гаубичных снарядов, не подошедших по калибру, и три противотанковые мины. Вместе они должны были разнести мост вдребезги. Потенциала должно было хватить с запасом, но взрывник неминуемо погибнет. Ни кабеля, ни взрывной машинки.

Мы обнялись в последний раз. «Выживёшь, найди Стешу, позаботься о ней и Мариночке. А теперь ходу. Спасёте все пушки, то дайте потом хорошего жару фашистам и за меня, и за всех ребят, здесь оставшихся», – его последние слова, обращённые ко мне. Он поспешно вынул папиросы и спички из кармана, отдал их мне в руки и бегом направился назад к мосту, где ребята из его подразделения уже всё подготовили для взрыва.

Николай тяжело вздохнул. Закурил.

– Я написал позднее в рапорте, что майор-штабист застрелился сам, но мне не поверили. Ивана вместо того, чтобы посмертно наградить, обвинили в убийстве офицера. Меня после того, как мы вырвались из котла, долго таскали по допросам. Угрожали всевозможными карами, но свой рапорт я не переписал. Чем дело Ивана закончилось, не знаю.

Николай выбросил окурочек в ведро, стоявшее у печи. Постоял, молча глядя в окно, а затем продолжил свой рассказ-исповедь.

– Мы пробирались, где вскачь, где ползком, на восток. Через некоторое время донёсся взрыв, приглушенный расстоянием и туманом. Оторвались, наконец, от танков противника. Муторно было до тошноты, но надо было двигаться дальше. Все солдаты с надеждой смотрели на меня, теперь уже единственного офицера.

Один из них предложил перекурить, как-никак мы все уже более трёх суток были на ногах.

Я полез в карман, достал свои папиросы и спички. Папиросы раздал без остатка. Почиркал своими спичками. Бесполезно, отсырели. Достал из другого кармана спички Ивана. Открыл коробок: полный, но сварившиеся в один комочек от огня, спичинки были все до одной сгоревшие.

Рассчитал Иван всё заранее. Умел он всегда концентрироваться на самом главном. Зная, что с табаком у нас очень трудно, отдал мне папиросы, а что спички сам заранее сжёг, впопыхах забыл.

Позднее нас догнали солдаты, которые вели подготовку к взрыву моста. Иван, когда всё было готово, отослав всех, остался один. Издали видели, что середина однопролётного моста разлетелась вдребезги, открыв брешь в несколько десятков метров.

Нечестно поступил Иван со мной. Сам решил всё за нас обоих, и мучает меня это теперь всё время. Ведь этот долг я так никогда и не смогу ему отдать. Поэтому, Стефания, разреши, пожалуйста, позаботиться о тебе и Марине. В Сибирске я купил небольшой дом. Он ждет тебя. И прошу тебя зарегистрировать со мной брак. Формально. Погибну, всё останется тебе и дочери, и пенсию за мое звание будешь получать. Останусь жив и ты не захочешь быть моей женой, мы сразу же после моего возвращения оформим так, как ты захочешь. Но ты должна знать: если бы Иван был жив, я никогда не произнёс бы слов, которые произнесу сейчас... Я люблю тебя с того самого дня, как первый раз увидел у вас дома...

Стефания сидела молча, не находя слов. Слишком неожиданно всё было. В один раз на неё свалилось столько нового, что она даже с мыслями не могла собраться. Новый перекрёсток выстроила жизнь, и очень нелегко выбрать правильное направление, ведь самый лучший вначале путь не всегда бывает правильным.

– А что это за люди с тобой?

– Рядом со мной шёл Степан Николаевич Дубок, назначен прокурором области. Мой бывший однополчанин. У него прострелено одно лёгкое. Узнав, что я ранен и нахожусь в госпитале в Сибирске, он сразу же навестил меня. А после того, как я получил твоё письмо, мы договорились, что, как только меня подлечат, мы сразу же съездим к тебе в деревню. Своё обещание он выполнил. Его люди с нами, и я думаю, что вашему мучителю сегодня будет не до самогона и ночевать он будет уже где-то далеко отсюда.

Стукнула входная дверь, и на пороге появились, держась за руки, Марина с Митей. Мальчик был намного выше девочки. Но выглядела она бойчее мальчишки. Смело подойдя к Николаю, она спросила его, мешая русские и

немецкие слова: «Ты что, мой папа? Почему так долго не приезжал? Мы с мамой так ждали тебя. Она говорила, что ты какие-то сладкие конфеты привезёшь. Это правда? Ты привёз? А где они?»

Николай молча полез в карман галифе, достал увесистый кулёк конфет и протянул девочке. Та взяла, отогнула сверху бумагу и протянула открытой стороной кулёк мальчику.

– Как тебе не стыдно, Мариночка? Ты даже не поблагодарила.

– Спасибо, папочка. Спасибо и за Митю, он у нас не хочет говорить, но ты, папочка, не волнуйся, он тебе потом напишет.

Так, одним махом, всё решила – за себя и за свою маму – маленькая девочка, и поехала Стефания Дундич-Фотова-Мороз вместе с дочерью Мариной и приёмным сыном Димой в большой город Сибирск. Поселилась она со своими детьми на окраине города в небольшом, опрятном домике, оформленном по всем нотариальным правилам на её такое странное имя. Устроилась работать билетёршей в Народный театр. Митя, Дмитрий Герцен, так и прожил всю жизнь у своей приёмной матери.

Председателя колхоза осудили. Дали десять лет и, как говорили в те годы, дополнительно пять лет по рогам. Он выжил. Вернулся в края, где так страшно зверствовал во время войны. Покаялся во всех своих грехах в церкви. Но не давали, очевидно, ему его прошлые грехи спокойно умереть. Ходил пешком по всем пяти деревням, в которых пробыл почти всю войну палачом, и на коленях вымаливал прощения у людей, которые пережили войну и его зверские истязания...

Нелегко было молодой неопытной женщине и в городе, но надо было жить дальше. Марина была ещё маленькая и по дому мало чем могла помочь, но Митя был прекрасный помощник во всём. Не по годам домовитый, он очень успешно справлялся с хозяйством. Ухаживал за сестрёнкой, топил печь, рубил дрова, прибирался в доме и во дворе. В общем, Стефания не могла на него нарадоваться, и только вечерами мальчик грустил, уныло уставившись глазами в огонь печи или керосиновой лампы.

Возможно, что именно тогда, в те тяжёлые годы войны и послевоенного времени начал фантазировать и играть мыслями неудавшийся поэт и писатель Дмитрий Герцен.

А какая драма разыгралась в доме, когда Митя при чистке нечаянно разбил стекло новой керосиновой лампы. Стефания с трудом разыскала в темноте зарёванного и всхлипывающего приёмного сына. Хорошо, что Марина знала все тайные убежища мальчишки. Она и помогла матери найти укромный угол в кладовке. На пару, в два голоса, они довольно долго уговаривали перепуганного до смерти, но по сути дела ни в чём не повинного мальчишку, покинуть своё убежище. Стефания даже клятвенно заверяла, что она своими глазами видела щербинку на стекле и что именно поэтому стекло лопнуло, а вовсе не по вине Мити. На следующий день женщина с огромным трудом и за немалые деньги добыла всё же два новых стекла, которые, действительно, были в те годы большим дефицитом. Она торжественно вручила их своему приёмышу и сказала, что именно у него они лучше всего сохраняются. Нужно было видеть глаза бедного мальчика. Они блестели от радости и гордости, что именно ему доверили охранять такую ценность.

Так и прожила эта семья много лет дружно, в любви и согласии. Бывали, конечно, ссоры, споры и размолвки, но скандалов не было никогда, как бы трудно всем ни приходилось.

Очень не хватало мужской ласки ещё не старой, здоровой женщине. Не одну подушку смочила она слезами. Тосковало молодое тело, требуя своего. Но не попался на её жизненном пути человек, который сумел бы завоевать сердце, а до обыкновенных приключенческих связей с любителями острых ощущений она себе никогда не позволила опуститься. Не будь в доме детей, может быть, когда-нибудь и не устояла бы Стефания против зова природы, но именно дети удерживали её от последнего шага навстречу какому-либо из многих охотников за красивыми женщинами. А поклонников у нее хватало.

Всекие гастролёры залетали в театр иногда на день, а иногда и на месяцы. Делали женщине и серьёзные предложения, но она их всегда отклоняла и прожила, не выходя замуж, до старости одна.

Николай Мороз, попросившись с недавно обретенной семьёй, уехал на фронт. Эшелон, составленный из обыкновенных теплушек, разрывая ночную тишину грохотом разбитых колёс, навсегда увёз офицера Мороза из Сибири.

Нагрузки, которые выдерживали железная дорога, вагоны и люди, простыми словами не описать. Далеко за границей возможного лежала стрелка действительности, но с таким напряжением жила, дышала, работала почти вся страна.

Воинская часть, сформированная в Сибирске и переданная полковнику в распоряжение, не была кадровой единицей. Различный народ попал в эту, на скорую руку сколоченную часть, и пришлось бывшему артиллеристу, перестраиваясь на ходу (благо опыт имел уже немалый), командовать пехотой.

С первых же дней войны приходилось Николаю накапливать горький командирский опыт. Командовал всем и всеми, кем только не приходилось и кого отправляли к нему, а зачастую брал под начало и своей волей бредущих толпами солдат, и теперь этот опыт очень помогал ему справляться с разношерстной ордой новобранцев.

Немало офицеров легло под пулями фашистских снайперов, которые вели охоту именно за командным составом, и приходилось оставшимся в живых командирам на своих плечах нести груз за себя и за того парня, как сказал человек, который знал толк в этих делах.

По нескольким причинам не находил мужчина себе места. Перед глазами постоянно стояла Стефания, её очень постаревшее и какое-то равнодушно-безразличное лицо. Одно успокаивало: успел он при помощи своего сослуживца устроить любимую женщину в городе. По крайней мере, на первый случай она обеспечена, а там будет видно. Степан тоже пообещал делать всё возможное, чтобы молодой женщине с двумя маленькими детьми на руках было не так трудно.

Вторая причина, которая тревожила офицера Мороза не меньше, чем первая, была ненадёжность собственного заместителя по политической части. Замполит не был кадровым офицером и на фронт ехал впервые, но считал, что его лозунгами в два счета можно было бы фронт проломить и добиться победы. Такого гада и мерзавца выискали командиру новой воинской части в помощники, что Степан, узнав об этом, схватился за голову и откровенно сказал Николаю, чтобы тот его остерегался.

Объяснять осторожный юрист ничего не стал, только добавил, что по клеветническим доносам новоиспечённого заместителя командира части по политике уже немало невинных людей сидит по лагерям.

Только доказать, что доносы выеденного яйца не стоят, никто не отваживался: очень уж складно и хорошо они были написаны и с филигранной точностью попадали в самое русло общей политической струи, которая приходила сверху.

Одно имя, на которое ссылался ретивый писака и при звуке которого все вздрагивали, ломало нормальные человеческие и логические понятия. Обратного хода такие доносы не знали.

Судьба человека, оклеветанного другим, который сделал на этом всю свою маленькую карьеру, была предрешена: тюрьма, немалый срок, пересылки, лагерь, а очень часто и скорый смертный приговор.

Как на грех, в составе вновь сформированной части было немало и «крестников» Трифона Бойкова, вновь испечённого замполита и бывшего партийного активиста, работника районного комитета комсомола, а позднее – комитета партии.

Боялся, и не без основания, полковник, что кто-нибудь из его солдат пырнёт доносчика при удобном случае ножом или штыком. Разберись потом, кто прав, кто виноват, а отвечать придётся ему, командиру части.

Капитан Бойков, получивший своё звание за то, что летом принимал участие в учениях и очень чётко умел прочитывать и понимать все директивы сверху, был среднего роста, с рано появившейся умной лысиной во всю голову и с замашками павлина, который распускает свой красивый хвост при виде самочки. Именно так держал он обычно свою речь перед строем солдат. Гордо оттопырив грудь и полноватый зад, выдавливал он из себя один за другим, словно фокусник шары, лозунги, но до сознания солдат не доходили шаблонные идеи-призывы ретивого проповедника насилия над духовностью.

Не сошлись капитан Бойков с полковником Морозом характерами, и неприятные чувства не оставляли Николая ни на минуту. При вынужденном общении ему казалось, что гладкая кожа змеи соприкасается с его горлом и начинает медленно душить. Знал мужчина, что этого не может быть, что чушь это всё и мистика, но ничего не мог с собой поделать и от этого навязчивого состояния никак не мог избавиться.

Но есть всё-таки на земле и высшая справедливость. Даже до фронта не доехал браваый писака. Догоняя свою воинскую часть после какого-то экстренного сбора политруков, погиб он, как написали родственникам, при исполнении служебного долга. Правда, очевидцы рассказывали, что погиб он, убегая с дороги в лес от самолёта-охотника, но факт остается фактом: от капитана Бойкова даже хромовых сапог не осталось. Почему именно на него не пожалел фашистский летчик стокилограммовую бомбу, осталось загадкой. Может, заметив блестящие, начищенные хромовые сапоги, принял обыкновенного капитана за генерала и поэтому так ретиво охотился именно за ним, а, может, просто, не находя нужной цели, решил потренироваться в точности бомбометания.

Но не зря мучили-тревожили Николая мысли.

Успел всё же настроить борзописец на него клязу про пьянки в поезде, про не совсем лестные отзывы офицера о высшем командовании. Даже про злосчастное происшествие на мосту при отступлении сумел где-то разнюхать ретивый заместитель. Написал и про то, что разрешал иногда Николай подсаживать женщин, которым надо было ехать в попутном направлении, и закрывал глаза на некоторые вольности своих подопечных.

Знал ведь командир, что большинство из них едет на верную смерть. Одного не терпел он у своих подчинённых: это насилия по отношению к слабым или женщинам.

По согласию, пожалуйста, пользуйся, может быть, последним моментом в жизни, но когда ему пожаловались, что в его эшелоне обидели кого-то, то озверел тогда полковник не на шутку и наказал по-своему. Ехал дальше этот горе-донжуан похуже, чем на углях. Наказанным оказался весь вагон. Двери по приказу командира завязали снаружи проволокой. Выпускали всех только по прошествии нескольких часов, на каком-нибудь глухом разъезде и то лишь вынужденно: по быстрому справить нужду. И опять загоняли всех в вагон, а двери вновь демонстративно завязывали проволокой. Подыши-ка в жару спёртым воздухом. Виновнику нельзя было позавидовать.

Ребята применили к нему свои меры воспитания. И меры эти действовали лучше самых строгих и умных приказов.

Но даже этот случай хитрый писака сумел вывернуть наизнанку и обвинил полковника в том, что в случае бомбёжки личный состав не смог бы вовремя покинуть вагон. А что всё это происходило ещё в тысячах километров от фронта, никто и разбираться не стал.

Быстро разменяли полковнику Морозу его большие звёзды на кучу маленьких. Хорошо ещё, заступился за него один из высоких чинов его армии, который знал Николая ещё с довоенных времен и вместе с ним отступал в начале войны от самой границы, а то, быть может, и к стенке поставили бы в назидание другим.

(Однако из уважения к Николаю Морозу мы и дальше будем называть его полковником, несмотря на официальное разжалование).

Но не только служебные проблемы мучили влюблённого мужчину. Прочитал, наверное, неглупый мужик между скупых строк редких писем, что не по любви согласилась Стефания оформить с ним брак, а только ради детей, а в особенности, из-за Мити. Не было ни одного письма, в котором бы она не описывала его состояние. Ничего не имел Николай против мальчика-немца, усыновлённого Стефанией, но хотел бы, чтобы она иногда и о своих чувствах к нему писала, а именно этого не находил он ни в одном письме.

И стал полковник увлекаться не в меру спиртным. С жадностью поглощал он всё, что попадало под руки из алкоголя. Ещё и шутил при очередном запое: давайте всё, что с ног валит, кроме пулемёта, конечно.

Зная его причуды, солдаты заранее при каждом новом загуле своего командира развешивали по брустверам трофейные фашистские каски. Вываливался из блиндажа бравый, но в дымину пьяный офицер и палил по каскам из пистолета до тех пор, пока в магазине были патроны. Не знало начальство Николая о его причудах, иначе несдобровать бы ему, но любили и уважали своего командира его подчинённые и прощали ему все недостатки. Не прятался он во время атак за чужие спины, как многие другие, а шёл или бежал в одном ряду со всеми. А штыком и сапёрной лопатой умел офицер работать не хуже бывалого солдата или сержанта.

Но в одном всё же повезло командиру новой воинской части. Вновь назначенный замполит был неплохой человек. Старый интеллигент, идейный коммунист, правда, коммунист с опалёнными крыльями. Не одному из похожих на него сломала диктатура хребет, и именно одним из таких был Иван Борисович Сазанов.

Видел замполит все пьяные выкрутасы разжалованного полковника, но знал и его лучшие стороны, а потому прощал слабости и не докладывал, как он выражался, каждый чих наверх.

Так и прошёл пешком бывший артиллерист, а потом пехотинец Николай Мороз, почти половину Европы. Дослужился опять до полковника, но до победы не дожил. Слишком настойчиво искал он всё время смерти.

*Околок – небольшой лес.

**Трашпанка – двухосная телега, предназначенная для перевозки одного и более пассажиров.

2 глава. Жибек и Арон

Понакидало в сибирские деревни народу со всего света. Так по странной игре судьбы попал в эти края вместе со своими родителями, маленькими сёстрами и братом парень-немец Арон Кронштейн из далёкого волынского немецкого округа, стёртого с листа истории ещё задолго до начала Второй мировой войны. Помыкались они по свету. Ведь убраться из своего дома пришлось в течение двух часов, да и что можно унести в руках? Понесла злая судьба семью по свету, подстегивая время от времени очередной бедой. Учёная карьера маленького Арона закончилась навсегда. Четыре класса в смешанной русско-немецкой школе, вот и вся наука. Осели поначалу в Сибири на небольшой железнодорожной станции. Отец парня попытался сопротивляться вступлению в колхоз и, продав кое-какие вещи, купил лошадь. Частный извоз, кроме очередной беды, ничего хорошего не принёс. Закончилось всё очень плачевно и быстро. Налогами задушили до смерти. С каждым днём только росли долги, а семья стала голодать. Были вынуждены уехать, продав всё, что ещё можно было продать. Так попали в глубинку России, на самую границу с Казахстаном, в маленькую немецкую деревню Александеркрон, основанную ещё во времена столыпинских реформ. Жители деревни не бедствовали, жили в относительном достатке. Хлеба и всего прочего хватало с избытком. Но приезжих чужаков не очень-то жаловали, и пришлось вновь прибывшей семье поселиться на колхозной конюшне. Ну что ж, как говорится, терпенье и труд всё перетрут. Работали в колхозе всей семьёй не только от зари до зари, а намного больше. Построили крохотный, глинобитный домик. Появилась своя крыша. Арона, вместе с бригадой животноводов, обслуживающих большие стада молодняка и нетелей, на всё лето отправляли на дальние животноводческие отгоны пасти лошадей. Находились эти отгоны уже на степной территории Казахстана. Степь без края, кое-где небольшие озёра и тальники, да несколько маленьких аулов в отдалении. Мастер на все руки, Арон плёл из молодого тальника различную кухонную утварь и корзины разной величины. От самых

маленьких – для швейной мелочи, до большущих коробов на телеги и сани. Менял свои изделия в ближайших аулах на понравившееся ему сушёное мясо, курт*, баурсаки**. В общем, не отказывался ни от чего, брал всё, что давали. Делился и с членами бригады, а при случае отправлял домой. Такая помощь не была лишней для живущей впроголодь семьи. Так продолжалось не один год. Колхоз, построив на отгонах фермы, стал и на зиму оставлять там овец, ненужных для транспорта лошадей и недоный рогатый скот.

Арон освоился в степи, стал своим. Часто ездил в аулы к вновь появившимся друзьям. Учился понемногу казахскому языку. И судьба сделала парню-табунщику неожиданный подарок. Встретился он взглядом с девушкой-казашкой и у обоих перехватило дыхание. Девушка не отвела взгляда, а смело смотрела парню в глаза. Оба поняли – жить друг без друга дальше нельзя. Такого в степи, да и в немецкой деревне ещё никогда не было. Стал парень всё чаще посещать именно этот аул Эбеты. Как смогли найти общий язык парень-немец, владеющий в совершенстве двумя языками, русским и немецким, но почти совсем не говорящий на казахском, и девушка-казашка, говорящая только на своём родном языке, было загадкой, но в один прекрасный день обоим не стало. Исчезли, словно сквозь землю провалились. Ревнивые братья певуньи Жибек обыскали всю округу. Без результата...

Украли лучшую девушку аула.

Такого позора никто не хотел принять. Проверили братья лошадей на колхозном отгоне: все до последней клячи были в табуне и ни одна не обнаруживала признаков недавней скачки.

Не один раз прочесали джигиты и немецкую деревню Александеркрон в надежде напасть на след исчезнувшей девушки, но она словно испарилась.

А секрет был очень прост. Табунщики – ребята общительные, и во всех близлежащих колхозах все знали друг друга, а при случае и выручали один другого. От аула Жибек, вышедшую потихонечку с узелком и домброй, взял Арон на свою лошадь. Именно поэтому ни одна собака в ауле и не подняла тревогу: чужого табунщика и его лошадь уже давно все признали за своих. Друг Арона Руди Науман, ждал их в ближайшем распадке с первой подставой. А дальше всё шло, как по эстафете. Подставные лошади с очередным ночным табунщиком ждали Жибек и Арона через каждые пять километров.

Пересев на новых лошадей они, оба прекрасные наездники, мчались дальше, а подставы возвращались назад. К утру всё было в порядке. Десять километров пробежки для хорошей лошади пустяк, через час невозможно определить, гоняли её или нет. Так и оставили порядочное расстояние, более тридцати километров, позади себя до рассвета красавица-казашка Жибек Елюханова и парень-немец Арон Кронштейн. И поезд, громяхая на стрелках, увёз влюблённых в далекий город Сибирск.

В Сибирске поселились у хорошей знакомой родителей Арона, одинокой русской женщины, с которой Арон, побывавший в городе, обо всём договорился заранее. Родители, конечно, ничего не знали об этом. Тётя Паша имела небольшой дом на окраине города и выделила молодым отдельную комнату. Арон, по рекомендации все той же тёти (так стали молодые звать свою хозяйку), устроился работать на городском элеваторе. Парень смыслённый, схватывающий всё на лету, быстро пришёлся начальству по душе. Жибек, опять же при помощи тёти-опекунши, устроилась работать на местный молокозавод. Мастер молочного производства, приглядевшись к молодой женщине, быстро понял, что её учить ничему не нужно. Она получше специалистов знает, как обращаться с молоком. Стал доверять он Жибек

изготовление различных молочных продуктов, а проявляемую ею инициативу только поощрял.

Побежало счастливое для молодой пары время. Тетя Паша хорошо играла на гармошке, Жибек виртуозно владела домброй, а Арон неплохо умел играть на гитаре. Все трое чудесно пели. Сообща разучивали песни. На их бесплатные домашние концерты очень часто собирались все соседи. Душа в душу жили в одном доме дети разных народов. Для хозяйки дома тоже наступили лучшие времена. Жибек и Арон относились к ней, как к родной матери, и она платила им тем же. Одинокая женщина, с появлением в доме молодых людей, словно вновь родилась и полюбила их, как собственных детей. Они помогали ей на приусадебном участке и огороде. Жили, как одна дружная семья.

В ауле постепенно тоже всё успокоилось. Через полгода, набрав кучу подарков, молодые супруги отправились с повинной в родной аул Жибек. Поворчали, конечно, на непослушную дочь обиженные родители, но вернуть назад ничего нельзя. Простили и признали Арона за зятя, который время даром не терял, усердно изучая казахский язык и одновременно обучая молодую жену немецкому. И русскому, естественно, Жибек обучалась и дома, и на работе.

От случая к случаю посещали и родителей Арона, тоже шокированных выходкой старшего сына, но сноху родители приняли в свою семью, как родную.

Потомства тоже не пришлось ждать очень долго. Зашумел на весь дом крепыш сын. Долго спорили о том, как назвать. Послушались тётю Пашу. Та предложила дать нейтральное имя, русское. И защебетал в люльке, запел маленький Андрюша. Хозяйка в нем души не чаяла. Приезжали и родители Жибек и Арона посмотреть на наследника. И он своими красивыми глазками стёр остатки обид, оставшихся в душах родителей после побега непослушных детей.

... А тут война. И всё пошло по-новому, вкривь и вкось. Отец Жибек поехал на запад воевать с фашистами. Отца Арона отправили на угольные шахты на Крайний Север. Арона, как специалиста, придержали немного на броне, а потом и он загремел в так называемую трудовую армию. Уголь и руду добывали и в Казахстане. Молодого мужчину, с сотнями таких же, как и он, бросили туда в забой на прорыв.

В городе жизнь стала ещё труднее, чем в деревне, и Жибек, собрав пожитки, уехала назад с маленьким сыном на руках в свой родной аул Эбеты. Мужчин почти не осталось, и пришлось ей сесть на коня и пасти лошадей. С малышом оставалась престарелая мать и меньшие сестрички.

В немецком колхозе мужчин тоже вывели подчистую. Даже женщин, у которых не было на руках грудных детей, целыми партиями отправляли по шахтам да лесоповалам. И остались в деревне одни дети, подростки, да многодетные женщины. Беда и горе стали во всех семьях полновластными хозяевами и правили очень жестоко. Семьи выручали коровы. Они были нужны везде. Привезти хворост для топки, солому или сено, надёрганное по опушкам леса, а молочком от коровы поддерживались силы всех членов семьи. Так и жили, перебивались, чем могли. Колхозная же продукция, вся без остатка, отправлялась на фронт.

Попробуй-ка возьми колосок – сразу загремишь без фанфар и барабанного боя в места очень отдалённые. Редко кто из обвинённых в краже колосьев возвращался домой живым, даже из подростков, не говоря уже о взрослых.

Война – страшное горе и всеобщая беда, но не для всех. С каким отчаянием смотрели голодающие люди на дикие выкрутасы иных зарвавшихся

чиновников. Были в то голодное время так называемые «уполномоченные». Конечно, не все поголовно, но очень многие из них до того злоупотребляли своей властью, что почти во всех немецких деревнях Сибири это слово служило устрашением для детей ещё много лет после войны. Пользуясь безнаказанностью и неограниченной властью, такие горе-властители издевались над беззащитными женщинами и детьми. Им ничего не стоило избить до полусмерти за малейший проступок, а подчас и просто так, ради собственной забавы, ребёнка или беременную женщину, притом на виду у всех. Жаловаться-то было некому. Самое же ужасное было в том, что требуя от жителей деревень производительности труда и не давая им никаких продуктов, сами они занимались сплошь и рядом пьянством, обжорством и разгулом. Как правило, верхом на лошади, с кнутом, а очень часто и с ружьём, такие изверги вели войну со своими же подчинёнными. Каждодневное избиение кого-нибудь из жителей было нормой.

Кормились семьи, кто чем может. Женщины собирали летом грибы, ягоды. Очень выручали огороды. Именно они в тяжёлые годы войны спасали от голодной смерти. Картофель давал очень хорошие урожаи, не требуя большого ухода. Свеклой тоже запасались на всю зиму. Особенно же трудно пришлось семьям, где вообще не оставалось никого из взрослых, а таких семей было немало. Пережили войну далеко не все. Мальчишки разоряли птичьи гнёзда и яйца тоже были большим подспорьем. На питание шло всё, что можно было жевать и при этом не отравиться.

Война уравнила всех жителей и этой отдаленной от городов деревни: приезжих и старожилов. Дополнительно, волна за волной, прибывали и эвакуированные из западных областей. Первыми прибыли финны и другие прибалтийцы. Потом было очень много эвакуированных ленинградцев. Последними, уже в конце войны, партия за партией, привезли калмыков.

Этих, вновь прибывших жителей сибирской деревни Александеркрон, всех без исключения, быстро заставили адаптироваться. Много времени на раздумья им не давали. Работы хватало всем.

Все саманки и землянушки до отказа были забиты пожилыми людьми, детьми. И везде, в каждом доме, не хватало еды. Но жить надо было дальше, и все перебивались, кто как мог.

Удивительная вещь – жизнь человека. Война. Голод. Невыносимо тяжёлая работа. Скрытые от посторонних глаз молитвы.

И... песня.

Да! Именно песня помогала забыться. Очень часто можно было видеть, как группа девушек и женщин, отправляясь работать на поля или огороды, пела песни. Разные они были. Смотря по настроению – от весёлых до самых унылых. Песня была повседневным спутником. Она придавала силы, заставляла забывать боли и печали, отвлекала от тяжёлых горьких мыслей.

Может, именно поэтому так бесились иные представители власти, что во время пения эти похожие на тени девушки, женщины и подростки как бы ускользали, уходили из-под их подчинения. Они становились свободными, а такое вынести уполномоченные представители уж никак не могли. Можно запретить молиться или читать псалмы при открытых дверях, но запретить петь невозможно, и продолжали звенеть по деревням вперемешку немецкие и русские песни. Очевидно, именно в эти страшные годы и появились песни со смешанным набором слов из русского и немецкого языков, которые и по сегодняшний день можно услышать на свадьбах и гулянках где-нибудь в глубинке.

Так жило большинство немецких сел Сибири. Крик боли сменял вой страшного горя и только песня была отдушиной. Она, и только она одна, могла в какой-то мере отвлекать людей, была спасением для души.

Жибек день-деньской проводила в степи. Выручала песня, вводила от тяжёлых безрадостных дум. И звенел колокольчиком, споря с жаворонками, её чудесный голос над степью. Песни слагала сама. Этот дар она получила в наследство от своих предков. Очень жаль, что в те тяжёлые годы никто не записывал песни, и все они, или по крайней мере большинство из них, утрачены навсегда.

Тяжёлая весть добралась до неё и в степи. Уже издалека, увидев, что меньший братишка вскачь несётся к табуну, поняла: случилось что-то страшное. Мальчик велел ехать домой, в аул, мол, ждут там тебя.

Узун-кулак, беспроволочный, но самый надёжный в мире телеграф, донес восточку издалека: муж Жибек, Арон Кронштейн, лежит тяжело больной в бараке смертников. Вычеркнут из списков работников. Это означало: получает только треть пайка и его ждёт неминуемая голодная смерть.

Жибек отправилась к своему деду Ербулану за советом. Тот, глядя своей любимой внучке в глаза, тихо проговорил:

– Он твой муж, пусть и не нашей веры, но член нашей семьи и оставить его в беде мы не можем. Нас после этого в степи даже негодяи не будут уважать, а порядочные люди обходить далеко стороной. Девочка моя, тебе нужно самой ехать за ним. Я поговорю с бригадиром. На всякий случай он приготовит тебе справку, что едешь по делам колхоза. Возьми мою повозку, она сделана на совесть настоящим мастером и не подведёт в дальней дороге. Лошадей выбери сама, не мне тебя учить. За табун не беспокойся, я сам с внуками буду смотреть за ним. А за малышом присмотрит твоя мать. Словом, за дом не волнуйся, сообща мы со всем справимся.

Дед Ербулан встал, прошёл в угол, где стоял чёрный, продолговатый ящик, всегда закрытый на замок. Все знали, что у него там хранится ружьё и боеприпасы к нему, и детям доступ туда был заказан.

Удивилась Жибек, когда дед, вынув два свёртка, один совсем крохотный, а другой побольше, положил их перед ней на стол. Развернул оба и внучка широко раскрыла глаза от удивления. На одной тряпице лежал хорошо смазанный чёрный револьвер и рядом с ним приличная кучка патронов. На другой тряпице – пять золотых царских рублей.

– Я ничего больше не имею. Это всё, что у меня есть. Прими, пожалуйста. Не обижай старика и не урони честь нашего рода. Привези домой своего мужа. Золото открывает любые замки, а оружие охраняет в дороге. В повозке, спереди под сиденьем, есть тайник для револьвера, спрячь его туда, может пригодиться. Всякий народ сейчас шагает по степи, и ты можешь повстречать волка в человечесьей шкуре, именно его бойся больше всего. Ночевать останавливайся только у табунов или в аулах, наши люди тебя в беде не оставят.

Дорогу Жибек знала хорошо. Не один раз ездила она с отцом и братьями на конские базары в Аксугол. Именно недалеко от этого небольшого города находился объект, куда и попал Арон Кронштейн.

Как и советовал дед Ербулан, ехала женщина от аула к аулу и проситься ночевать никогда не надо было. Двери всегда были открыты. Люди помогали всем, чем только могли, и даже в дорогу всегда клали в телегу узелок с едой и, пока она отдыхала от тряски где-нибудь в уголке, гостеприимные хозяева

кормили и поили её лошадей. В телегу подкладывали свежего сена, а при случае и овса, ценимого в то трудное время на вес золота.

Охраняли этот совсем не похожий на обычный рудник объект злые, как псы, откормленные, как бугаи, охранники, и просто так подступиться к нему было невозможно.

Опять же помогли сердобольные люди. Хлеб для охраны рудника выпекали на хлебзаводе, который находился в близлежащем городе Аксугол.

В Аксуголе жил давний приятель отца Жибек, бывший русский купец и скотовод, Иван Самойлов. Поселился он здесь ещё в царское время. Построил в центре городка большой дом. Торговал скотом и лошадьми, но в основном занимался поставкой лошадей для царской армии. Советская власть, отнявшая у Ивана всё, что только можно было отнять, всё же проявила снисходительность и оставила ему самое дорогое: жизнь, жену и детей. Построил он своими руками крохотный домик на окраине городка и зажил тихо, мирно, зарабатывая себе и семье на пропитание частным извозом – пока ещё было разрешено, а потом немало лет трудился в артели. Постарев, устроился на бывшей булочной фабрике, переименованной в хлебозавод, развозить различную продукцию по точкам.

Жибек заехала к ним. Старики с трудом узнали её. Видели ещё девочкой, уже немало лет назад, но встретили очень сердечно. Женщина рассказала им, по какой причине проделала она такой длинный путь. Дядя Ваня, как всегда называла его Жибек, задумался.

– Знаешь, дочка, известен мне этот проклятый рудник, и не рудник это, а так называемый почтовый ящик. У них за территорией, примерно в километре от забора, расширяется кладбище не по дням, а по часам. Люди у нас в округе зовут это место теперь не Аксугол, а Карагол. И только из-за объекта. Ничего оттуда не вывозят – ни угля, ни руды. Завода тоже нет, потому что не видно больших дымящих труб. Людей прут туда целыми колоннами, столько же вывозят на кладбище, а что-то никакой продукции не производят. Приедет иногда какой-то автомобиль, странный, как гроб, и уедет через некоторое время неизвестно куда. Правда охраны тогда столько, что пройти невозможно и с дорог нас сгоняют, как бешеных собак, а потом опять на целый месяц затишье.

Я вожу туда хлеб, но не рабочим, конечно, им-то этот хлеб не достается, он только для охраны, и знаю там пару человек, которые за деньги родную мать продадут. Завтра постараюсь узнать, что к чему, а ты пока отдохни.

Какой уж здесь сон. Жибек с трудом дождалась дядю Ваню.

Он сообщил всё, что сумел разузнать. Рассказал, что переговорил с одним из своих знакомых. Тот знает Арона Кронштейна. Есть такой на объекте. Арону очень повезло, что он не попал куда-то там вниз, в яму, как выразился знакомец. При отборе, прямо с этапа, его, как мастера по металлу, отправили в слесарный цех, где ремонтировалось поломанное оборудование. Люди, прибывшие с Ароном одним этапом и попавшие вниз в яму, давно за забором, а он ещё жив, правда, приболел и теперь находится в изоляторе, по-простому говоря, у смертников. Пока жив, вывезти его за территорию шансов нет абсолютно никаких. Смерть удостоверяет только главврач, а купить его невозможно. Он немцев ненавидит и повторяет на каждом шагу очень известную поговорку, переиначив её по-своему: «Немец хорош только тогда, когда мёртв».

Есть возможность вывезти Арона мёртвым. Не в прямом смысле, конечно, а в переносном. Все трудармейцы после нескольких месяцев похожи друг на друга

и отличаются только по росту и имени. Можно, поменявшись местами, уехать вместо мёртвого на кладбище. Вывозят мертвецов обычно два раза в день, утром и вечером. Утром канаву, куда их сваливают, присыпают слоем земли, вечером, если припозднятся, этого обычно не делают. Вечерком, в сумерках, с кладбища можно беглеца забрать, будет он ещё жить или нет, никто, конечно, не знает.

Загвоздка в одном: санитар, который согласился помочь в этом деле, не берёт деньги. Он требует камни или золото. Иначе он не соглашается сделать анестезирующий укол беглецу и обменять его.

Жибек развернула на столе маленький узелок, полученный от своего дедушки.

– Ого, сумел всё же Ербулан сохранить часть своего золота, – проговорил дядя Ваня. – А у меня всё повычистили товарищи комиссары до последнего золотничка, удивительно – как жизнь оставили. Обычно они таких свидетелей, как я, сразу убивали, и драгоценности текли совсем не туда, куда планировалось сверху. Только часть для всеобщего отчёта регистрировалась и отправлялась в центр, а очень жирные куски делили между собой эти хищники, прикрываясь большими лозунгами. Двух таких красавцев хватит с лихвой на всю команду. Я, для надёжности, разрублю их на четыре части. Будет казаться намного больше, да и видно хорошо, что это чистое золото, а не подделка. Ты остальные спрячь подальше и не дразни, пожалуйста, ими никого. Голову быстро можно потерять из-за этих блестящих штучек.

Дядя Ваня разрубил золотые рубли, разложил их по разным карманам и, пообедав, отправился на работу.

Приехал поздно, вымотанный до предела, но очень довольный.

– Всё складывается наилучшим образом. Мне сегодня пришлось перевозить мёртвых из этой проклятой зоны. Трупы какие-то неестественные, зелёные. Может, серу добывают у нас под боком, а мы и не знаем. Ездового, обычно выполнявшего эту работу, отправили куда-то за сеном на несколько дней, а на руках охранники не очень-то хотят таскать мертвецов и меня на несколько дней перенарядили на эту работу. Я всё обговорил со своим знакомым. Отдал часть золота, но условились, что остальное он получит только после того, как всё пройдет благополучно. Завтра вечером всё и должно случиться. Я постараюсь протянуть время, чтобы попозже вышло.

С начальником конвоя я сегодня тоже переговорил. Он долго смеялся над моими фантазиями. Я ему рассказал, что у нас на фронте погиб родственник, а его мать помешалась от этого. Ходит каждый день по чужим могилам, молится и ухаживает за ними. Не все понимают в чём дело, да и не объяснишь каждому, что она помешанная. Вот и решили купить мёртвого, похоронить при ней, она будет думать, что это её сын похоронен. Может, успокоится.

Начальник конвоя, насмеявшись вдоволь, сказал, что ему ещё ни разу в жизни не приходилось пропивать трупы и затребовал вознаграждение водкой. Придётся теперь побегать по знакомым и поискать, до завтра у меня должно быть не менее двух литров крепкого спиртного.

Дядя Ваня отсутствовал довольно долго. Пришёл, погромел в углу бутылками и очень усталый опустил на табурет у стола. Вытащил из кармана какие-то бумаги.

– Вот, доченька, тебе документы на нового мужа. У нас сегодня умер контуженный фронтовик Арон Шульц. Не удивляйся, именно контуженный на фронте, но не на фашистской стороне, а на нашей. В первые призывы брали немцев на фронт вместе со всеми, это уже позднее кому-то в голову пришла мысль объявить их одним махом врагами советского народа. Он и до фронта

толком не доехал. Разбомбили эшелон вдребезги. Выжили единицы. Он один из них. Сшили, как смогли, его хирурги и отправили в тыл. По распределению и попал в наш город для умирания. Работал здесь шорником, ремонтировал конские сбруи и хомуты. Там же и жил при шорной. Умер незаметно. Родственников никаких. Похороним мы его втихую, а документы возьмёшь ты, и всё будет законно. Если начальник конвоя что-то и заподозрит, пожалуйста, могила есть, а нужно будет поставить женский спектакль с плачем и криком, так за этим дело не станет. Моя старушка им такое устроит, мигом убегут. С учёта моя родственница, работающая в отделе приписки, его сняла, не указав причину отбытия.

Жибек, плача, обняла дядю Ваню: «Ох, боюсь я. За вас боюсь. За Арона боюсь...»

– За меня бояться нечего, я своё отжил, тем только и держусь на свете, что могу ещё иногда людям добро сделать, а за Арона не бояться надо, а радоваться. С этого объекта, как я теперь точно узнал, из заключённых живым никто не выходит. Ты, доченька, молись Богу за успех нашего общего дела. Проси у своего Бога помощи тебе и сил, а я буду у своего молить о помощи. Не за себя просить буду, а за вас, бедных. Ты мне, доченька, ещё одно скажи: есть у твоего мужа какие-нибудь особенные приметы на теле или лице? Могут ведь в спешке подменить, да вдруг не на того, а потом что? Ты подумай хорошо, как можно с первого взгляда определить, что это твой Арон? Ведь я его ни разу в жизни в глаза не видел и узнать не могу, а ошибочка не должна выйти, слишком много риска.

Молодую женщину обдало холодом, как зимой при сильном морозе: «А правда, как можно узнать совсем чужого человека? Высок? Так их много высоких. Волосы золотистые, красивые? Так говорят, что стригут их там налысо. Что красивее Арона нет человека на всём белом свете? Но это для неё, а всё же, действительно, как может узнать Арона дядя Ваня?» И Жибек вспомнила о несчастном случае на элеваторе, незадолго до войны. Регулировал Арон установку ножей у молотилки, а ученик слесаря, подойдя с другой стороны, включил рубильник. Указательный палец левой руки, как бритвой срезало по первый сустав. Хорошо, что ещё не всю руку отхватило. А может и плохо. Однорукого не взяли бы на трудовые работы и теперь были бы вместе.

– Дядя Ваня, есть у Арона очень хорошо видимая примета: у него нет одной фаланги на указательном пальце левой руки. Такое нечасто можно увидеть и, я думаю, вы сразу же узнаете моего мужа по этой примете.

Следующий день тянулся для женщины целую вечность. Дядя Ваня приезжал домой пообедать. Успокаивал, как мог, свою гостью. Сказал, что всё идет по плану и просил её не беспокоиться.

Вечером, заслышав стук копыт, Жибек, не дыша, замерла возле ворот. Повозка, громыхая железными ободьями колёс, въехала во двор, а ноги отказались служить. Обессиленная женщина замерла возле столба ворот, боясь упасть.

Дядя Ваня, прикрыв ворота изнутри, взял гостью под руку и подвёл к телеге. Раздвинул одной рукой набросанное рыхлой кучкой сено, и она увидела совершенно чужого человека и не человека даже, а какую-то раздутую колоду.

И только внимательнее приглядевшись, стала Жибек узнавать любимые до боли, знакомые черты. Бросилась к нему, затряслась в беззвучном крике, обняла, что было сил: «Что сделали с тобой проклятые! За что?»

Дядя Ваня, роняя скупые слёзы, стоял рядом и успокаивал женщину.

– Ничего, доченька, выживёт, он должен выжить. Он теперь не имеет права умереть.

Вдвоём с трудом перенесли Арона на повозку, предварительно плотно набитую сеном.

Дядя Ваня при прощании давал самые строгие наставления:

– Я приготовил тебе в дорогу сухарей, курт, немного сушёного мяса. Добыл, сколько мог, консервов. Всё лежит в вещмешке в телеге. Поставил бочонок с водой и казанок. Кто знает, сколько вы будете находиться в дороге? Арон сегодняшнюю ночь ещё проспит под воздействием наркоза, но под утро будь осторожна. Умиравшие с голода люди теряют подчас разум и совершают неожиданные поступки. Есть ему не давай. Ничего. Что бы ни случилось, не давай. Будет требовать, свяжи его, но не давай наесться досыта. Это его смерть. Только время от времени, как можно чаще, размачивай сухарик и по ложечке давай эту жидко разведённую кашу, но только совсем немного. Лишь через несколько дней, когда организм постепенно снова начнёт усваивать пищу, можно будет рацион увеличить. Но очень осторожно. Постепенно. По две, три ложечки и почаще.

Лошади, застоявшиеся за дни безделья, ходкой рысью несли повозку в сторону родного аула. Наступал рассвет. Город и страшный, призрачный объект остались далеко позади. Жибек решила сделать привал. Выпрягла лошадей, стреножив, пустила их пастись. Зажгла под кустами тальника костёр, подвесила над огнём казанок и отправилась к небольшой речушке умыться и набрать воды для чая. Возвращаясь назад, увидела, что Арон, сидя в повозке, иступлённо рвёт зубами вещмешок с продуктами, пытаясь его открыть. Женщина, закричав, что было сил, бросилась отнимать у него вещмешок. Но откуда только силы взялись у трудармейца-доходяги. Он, оттолкнув Жибек от себя и даже не глядя в её сторону, снова стал терзать мешок, стараясь непослушными, опухшими пальцами развязать его. Женщина бросилась к передку телеги.

Выстрел громом ударил по ушам, и лошади, пасшиеся в отдалении, тревожно подняли головы.

Жибек направила ствол револьвера в сторону Арона:

– Выброси мешок из телеги, а сам ложись, иначе я застрелю тебя, – на одном дыхании прокричала женщина. Второй выстрел прогремел ещё громче.

Трудармеец, привыкший в последнее время беспрекословно выполнять команды, автоматически опрокинулся на спину. Жибек спешно привязала верёвкой распухшие руки мужа к краям телеги. Слёзы градом катились у неё из глаз, но она не останавливалась. Глаза Арона, широко раскрытые, вопросительно смотрели на неё.

Было похоже, что он всё ещё не узнавал свою жену. Она встала перед ним, сняла головной платок и косы, отливающие тёмным старым золотом, тяжело упали ей на спину. Лицо, освещённое восходящим солнцем, склонила над мужем. Они встретились, наконец, глазами так, как тогда, очень давно, совсем в другой жизни. Арон закрыл глаза, а из их уголков предательски потекли светлые струйки, смывая дорожную пыль. Он узнал свою певунью Жибек.

– Любимый, ты должен это перенести. Тебе нельзя много есть. Ты сразу же умрёшь. Я буду тебя понемногу подкармливать. Ты потерпи.

Он открыл глаза и кивнул головой, в знак того, что всё понял и узнал её, но столько боли и мольбы было в его взгляде, что Жибек, не выдержав, отошла к костру. Приготовив жиденькую похлёбочку, она, не глядя мужу в глаза, споила ему пару ложек.

В этот день женщина так и не собралась ехать дальше. Через определённое время Арон получал свои пару ложечек жидкого супа из сухаря и ни капли

больше. Кипячёной воды жена давала ему немного больше, но тоже в меру. Отвязать побоялась. Так прошёл день. К вечеру женщина запрягла лошадей и они отправилась дальше. В аулы не заезжала. От греха подальше. Мало ли кого из представителей власти можно встретить. Попить на дармовщину кумыса, айрана и покушать свежего мяса всегда находились охотники из различных советов, управлений и комитетов.

Ехали в основном ночами, а днями делали привал где-нибудь в распадках, раakitниках. Лошади отдыхали и набирались сил, а Жибек ухаживала за мужем. Развязала ему руки лишь на четвёртый день, после того, как поняла, что он окончательно пришел в себя. Ожили у мужчины глаза. Спала с них какая-то белёсая пелена. Стали они опять тёмными и заблестели, как прежде. Тело, похожее на деревянную чурку, всё ещё было опухшим. И странная какая-то это была пухлота. Стоило тронуть тело пальцем и вмятина потом оставалась надолго, как на мягком воске. Жибек не оставляла его одного ни на минуту. Отходила недалеко, лишь когда Арон спал. Наученная горьким опытом, продукты прятала где-нибудь в сторонке. Муж был ещё очень слаб, даже двигаться толком не мог, и жена ухаживала за ним, как за грудным ребёнком. Так и ехали день за днём. Больше недели длилась поездка.

Подъехали к дому под вечер с тыльной стороны. Детвора высыпала навстречу. Женщина, подхватив подбежавшего сынишку на руки и целуя, понесла его к телеге. Андрюша, увидев на телеге чужого мужчину, зашёлся в плаче от испуга.

– Сынок, это же твой папа, не бойся его. Посмотри же хорошо. Неужели не узнаёшь?

Не узнал малыш отца, да и нельзя было узнать. Слишком велика была разница между человеком, лежащим сейчас пластом на телеге, и Ароном, ушедшим здоровым и сильным из дома.

Так появился в ауле Эбеты, который находился в тысяче километров от столицы республики, новый житель – Арон Шульц. Под чужим именем прожил он оставшуюся жизнь и даже на его надгробном камне стоит чужое имя.

Немало прошло месяцев, пока, наконец, бывший трудармеец первый раз после болезни поднялся на ноги. Ходил поначалу на костылях, но любовь жены, молоко, домашняя еда и вся обстановка совершили чудо. Обречённый умереть на безымянном объекте, Арон, благодаря усилиям многих людей, остался жив. Жаль, что при его жизни никто так и не догадался расспросить его поподробнее о том страшном таинственном объекте. Возможно, что только он один и выжил, но тайну объекта унёс с собой в могилу навсегда.

Жибек, жившая до этого в доме родителей, откупила у дальних родственников избышку на окраине аула и переселилась туда со своей семьёй.

Немного окрепнув, стал Арон помогать Жибек поначалу по дому. Без мужских рук все рушилось, начиная от стен дома, до последней уздечки, всё требовало мужской сноровки. Подлатав по дому всё, что можно было, помогал соседям. Чинил, латал, лудил и мастерил. Специалистом был на все руки. Молва о нём мигом облетела всю округу. Даже новое и уважаемое имя получил. Соответствующее... Стали звать его все не по имени, а по делу, Мастером. И везли со всей округи ему для ремонта всевозможные часы, самовары, утюги, телеги и даже украшения. Неплохим подспорьем было это в хозяйстве. Смышлёный Андрюша, заново привыкший к отцу, во многом помогал ему.

Так и жили Жибек и Арон, прошагав ещё немало жизненных дорог и перекрёстков, которые не всегда были лёгкими.

Жибек всё ещё большую часть времени проводила в степи. Но война подходила к концу, и всё больше земляков, часто покалеченных и изувеченных, возвращалось домой. Подлечившись, приступали к работе. Освобождали детей и женщин от самых тяжёлых работ. Жизнь понемногу стала опять налаживаться.

Пришло время, и молодая женщина не смогла больше садиться на лошадь. Пришлось остаться дома. Потяжелела она, огрузла. И появился в домике на окраине ещё один крикливый, чёрный, как галчонок, малыш.

Родился он в год, когда закончилась эта, тянувшаяся бесконечный, проклятый век, война, которая разделила весь мир на две части. Долго ещё во всех разговорах будет присутствовать эта примета, это деление времени – до войны и после войны. И немало понадобится человечеству времени для того, чтобы освободить свою память от этой чёрной вехи.

*Курт – сушеный сыр, изготовленный из овечьего молока.

**Баурсаки – небольшие лепёшечки, от четырёх до восьми сантиметров в длину, как правило кубической формы, жаренные в бараньем жиру.

3 глава. Уполномоченные

Очень голодно было во время войны. Муки голода испытали на себе все и перебивались, как могли. Лозунги: «Всё для фронта» объясняли всё. Однако через два года после окончания войны наступили для жителей немецкой деревни Александеркрон ещё более мучительные времена, чем военные. Тысяча девятьсот сорок седьмой год был одним из самых тяжёлых. Нелёгкие годы войны и послевоенные времена обессилили и обескровили весь народ, а голод проклятого сорок седьмого добивал окончательно. Дохозяйничались «умные руководители». Пошли представители централизованной власти вместе с милицией и так называемыми «активистами», которые находятся всегда и везде, точно так же, как и было во времена раскулачивания, по дворам. Выгребали без разбора из кладовок и подвалов всё подряд, вплоть до семенного картофеля.

Можно припомнить много смешных и трагичных историй, происшедших в эти дни в маленькой сибирской деревушке Александеркрон, да и во всех остальных деревнях Сибири. Все они похожи на злые анекдоты, но все имели один и тот же печальный конец: тот, кто оказывал малейшее сопротивление произволу власть имущих, мгновенно объявлялся врагом народа, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но не зря говорят в народе: «Голод заставляет думать». Правда, нужно бы добавить к этим словам ещё несколько: «Не только думать, но и действовать».

Одна из деревенских женщин, увидев в соседнем дворе ватагу властвующих дармоедов, вспомнила о своём картофеле, который она загодя приготовила для посадки. Подхватила в каждую руку по оклунку* и недолго думая, волоком утащила их в сарай, благо, дом и все пристройки находились под одной крышей. Завалив оклунки в навозную канаву и прикрыв их набравшимся в сарае навозом, быстренько замела метлой следы.

Эти два небольших, спасённых мешка с семенным картофелем, поделили потом люди на всю деревню. Вырезали каждый глазок по отдельности и обращались с ними, как с драгоценными жемчугами. Не подвёл картофель и на этот раз. Дал невиданный урожай и, уже в который раз, спас от голода не одну семью. Смеялись позднее, при доверительных беседах между своими, иные

особенно «остроумные» уполномоченные: «Мол, посмотрите только, товарищи, на личные огороды колхозников в деревне Александеркрон, картофель растёт вовсю, несмотря на то, что мы весной вычистили всё под гребёнку. Наверное, наши умелые сибирские немцы новую культуру картофеля вывели, многолетнюю».

Смех смехом, но находчивость бесстрашных женщин ещё один раз выручила из беды. Даже в кровати и под юбки прятались в дни узаконенного разбоя различные семена. Везде не только семенной картофель, но и семена подсолнуха и цветов, вопреки всякой логике, выгребали уполномоченные взбесившейся власти, объясняя это тем, что из них изготавливается высококачественное лекарство. Но расцветали опять через некоторое время в палисадниках, на межах, под окнами домов и во дворах цветы, которые бесили иных ленивых и нерадивых людишек до посинения.

Нельзя всё-таки вытравить из людей чувство прекрасного, и летели, ехали и плыли, совсем маленькие, почти незаметные для простого глаза, семена цветов различными путями, даже в почтовых конвертах, к тому месту, где их очень ждали.

Возвращались в деревню выжившие в войну и отбывшие сроки в трудовой армии, в лагерях, в тюрьмах, в ссылках и местах принудительных работ мужчины и женщины. Возвращались и везли с собой семена цветов, которые раньше никто и в глаза-то не видел в этих сибирских краях.

Может, именно поэтому в глубинных сибирских немецких деревнях можно и сегодня ещё встретить богатое разнообразие цветов. Наверное, когда-нибудь учёные-ботаники займутся и этой проблемой и захотят по-своему объяснить парадокс, но не нужно им искать секрета у природы, а лучше поговорить со старыми, пережившими войну и послевоенное время людьми. Они смогут очень доходчиво и просто рассказать, откуда и как попали и прижились экзотические виды цветов в Сибири.

И опять, как во все и тяжёлые, и хорошие времена, цветы помогали людям жить и радоваться каждому мгновению. Цветы приносили душевным покой, а вместе с тем и душевную радость. Расцвела опять деревня Александеркрон, несмотря на то, что каждый квадратный метр, выделённый для личного пользования колхозникам, был на счету.

Встали стеной вдоль улиц не только кусты экзотических цветов, но и обыкновенные неприхотливые сибирская сирень, черёмуха и кусты различных роз. Ведь людям и каждому человеку в отдельности нужен не только хлеб насущный, но кое-что ещё. Человеку необходима отдушина и в тяжёлое для него время особенно.

Любил цветы, как это ни парадоксально, и вечный «уполномоченный» Саммухин. Иногда, что было уже почти чудо, спросив разрешения у хозяйки цветов, составлял букетик и с довольной улыбкой, думая о чём-то своём, потайном, ехал с рассеянным видом по деревне, забыв о своих прямых обязанностях.

Уполномоченных, наезжающих неисчислимыми толпами в деревни, от различных высокостоящих ведомств только для того, чтобы набить свои ненасытные желудки, было не сосчитать. Разные это были люди. Подавляющее большинство из них были, конечно, настоящие паразиты. Ели, пили и гуляли за счёт бедных рабов-колхозников. Ими устраивались роскошные «пиры во время чумы» именно тогда, когда всему народу приходилось очень трудно. Рассказать о всех безобразиях, которые вытворяли звери в человеческом

обличье, невозможно, да, очевидно, и не нужно, потому что не на таких людях держится жизнь на нашей многострадальной земле.

Были, однако, среди уполномоченных и люди с несколько отличными от общей толпы чертами. Чем-то незримым и необъяснимым выделялись они из общей массы власть имущих. Внешне приходилось им быть страшными на вид людьми со звериными повадками, а глубоко в душе эти чиновники всё же оставались людьми. Такими непростыми людьми были Вера Дастархановна Базарова и Александр Петрович Саммухин.

Очень странным человеком был этот Саммухин, но колхозники принимали его таким, каким он был, правда, если бы кто-нибудь спросил рядового колхозника из деревни Александеркрон, как зовут их уполномоченного, то вряд ли бы он получил вразумительный ответ. Иначе как «Кандидат», все колхозники между собой, его и не называли.

При первом представлении Саммухина на колхозном собрании не умеющий чисто говорить по-русски немец-бригадир невнятно зачитал мандат направленного в колхоз, как всегда, на «помощь» колхозникам, уполномоченного: «Кандидат в члены Коммунистической партии...» и т. д. и т. п.

Из всей длинной записи немцам-колхозникам запомнилось лишь первое русское слово, произнесённое на немецкий лад: «Кандидат».

Так и остался товарищ Саммухин, вечный кандидат в члены партии и вечный уполномоченный многих ведомств, комитетов и учреждений, в памяти людей навсегда Кандидатом.

Если бы какой-нибудь специалист по анкетным делам задался целью написать характеристику Кандидату, то она была бы краткой, как военный рапорт: оптимист, умеющий подстроиться под любую обстановку, тонкий гурман с необыкновенными способностями поглощать неисчислимое количество пищи и алкоголя.

В общем, неплохой человек и прекраснейший актер, чего нельзя было сказать о его постоянной подружке, главном бухгалтере колхоза, Вере Базаровой. Но не так прост был Кандидат, как выглядел или каким хотел казаться. Он, будучи многолетней номенклатурной единицей всех мыслимых и немыслимых властвующих инстанций, остался всё-таки человеком. Не смогли вытравить-выжечь из Александра Петровича Саммухина вышестоящие начальники невидимые внутренние границы, которые отличают человека от человека-зверя.

Ораторствовал Кандидат прекрасно, а материться умел по самому высшему разряду. Этого было у него не отнять. Непревзойдённым мастером нецензурной лирики и прозы был весёлый человек Кандидат. Обладая всем регистром голосов, закатывал он такие матершинные речи, что даже лошади и быки на колхозном дворе замирали, высоко задрав головы и наострив уши, во время его выступлений. Об остальной колхозной рабочей силе, то есть, людской, и говорить нечего. Люди принимали каждое ораторское и актёрское выступление Кандидата, как чисто познавательную лекцию. В своих речах искусный оратор подавал всю исчерпывающую информацию о том, каким образом размножается род человеческий, как и откуда происходит человек и т. д. В общем, рассказать обо всех тонкостях ораторского искусства Кандидата не хватило бы и целой книги. Но нужно отдать ему должное: за всё время, которое он был вершителем судеб и законодателем, никого он не заporол до смерти и никого не отправили по его доносам в тюрьму. Даже кнута или ружья никогда никто не видел в его руках. Может, именно потому, что не утратил совести и не

сделал он большой карьеры и остался навечно только «кандидатом» и «уполномоченным».

Выкатив свой круглый живот на колени и прикрыв голову старой офицерской фуражкой, ехал он в своей любимой двуколке** по деревне, одевая иногда для устрашения зверскую гримасу на лицо, но в памяти людей он остался добрым и человечным уполномоченным, которому тоже нелегко было выжить в те страшные, тяжёлые годы. Выжить, оставшись всё-таки человеком, о котором и через много лет все бывшие его подчинённые говорят с улыбкой, без злости и страха.

Совершенно другой по характеру была женщина, которая являлась многолетней, верной подругой уполномоченного Саммухина.

Вера Базарова, назначенная старшим бухгалтером во время войны в колхоз, который объединял три небольшие деревни, была среднего роста, худа, словно щепка, и зла на весь мир, как Цербер. Жила она в центральной усадьбе, в доме, который принадлежал колхозу. Часто наезжала с проверками, вместе со своим другом и с различными представителями власти в деревню Александеркрон. Резали тогда для них, по быстрому, конечно, курицу, утку, гуся, барана или телка, смотря какого ранга были гости, и закатывался за счёт колхоза пир горой, несмотря на общий голод. Но даже с самыми высокими гостями очень свободно разговаривала маленький колхозный бухгалтер Вера. Подозрительно свободно, так, как будто не они, большие шишки, задавали тон в разговоре, а она.

В чём было её преимущество над властью имущими, никто в колхозе не знал, но ходили разговоры, что где-то очень высоко, на самом верху, у этой женщины имеется своя рука. Рука, которая может выбросить любого начальничка из насиженного и тёплого кресла, будь он районного или даже областного значения. Слухи слухами, но чем-то всё-таки владела Вера таким, что заставляло всех приезжающих в колхоз начальников, без исключения, обращаться к ней только по имени-отчеству и на «вы». Она же разговаривала с ними, как строптивая царица со своими подданными. Для всех наций у неё были свои клички, похожие на собачьи, а немцев, всех без разбора, звала она не иначе, как фрицами.

Как появилась в один прекрасный день таинственный человек Вера Базарова в колхозе «Новое крестьянство» (никто, кстати, так и не узнал, настоящее ли было это имя или только прикрытие), так же неожиданно и исчезла из него через пять лет после окончания войны.

Но хотя бы частично правду, ставшую известной лишь много позднее, нужно рассказать. Вера, человек с очень плохим, точнее сказать, невыносимым характером и плохим воспитанием, наладила в колхозе за время своей работы бухгалтерский учёт лучшим образом. На удивление всем колхозникам, она лично себе ничего не присвоила и ничего не украла.

Много лет спустя рассказывала женщина-инвалид, которая постоянно работала учётчиком в конторе, что каждая пьянка и гулянка высоких чиновников за счёт колхоза была зарегистрирована и занесена в соответствующие ведомости. Приезжали в колхоз после неожиданного исчезновения главного бухгалтера различные комиссии и ревизоры. Рылись во всех документах. До чего докопались, осталось, как всегда, тайной. Вся бухгалтерская документация по учёту была увезена неизвестно куда, а колхозники опять остались ни с чем, а вернее сказать, остались ещё и должны государству. Не помогло Вере Базаровой её очень оригинальное, но несбыточное желание обличить и наказать больших любителей дармовщины. Утопией, как и весь выдуманный

ею план, оказалось её стремление к правде. Рука руку моет, и отмылись или откупились высокопоставленные преступники, жившие за счёт колхозников. Не помогло, очевидно, колхозному бухгалтеру и мощное прикрытие сверху, а, может быть, к этому времени и не было уже его, этого прикрытия, и именно поэтому исчезла бесследно и навсегда из колхоза «Новое крестьянство» не понятая никем, кроме Александра Саммухина, женщина.

Что так объединяло таких разных по характеру и мировоззрению людей – непонятно, но Саммухин был единственным человеком, которого Вера уважала и по-своему любила. Только на него одного она ни разу на людях не повысила голос. Становилась совершенно бешеной, если слышала, что произносят его кличку, а сама называла его только по имени и отчеству. Если случалось такое, что Саммухин некоторое время не появлялся в колхозе, то специалист по учёту превращалась в настоящую мегеру. Колхозники, у которых в это время возникали какие-нибудь вопросы к правлению, были не рады, что вообще зашли в контору. Уже издалека, увидев следующую жертву старшего бухгалтера, усмехались и махали рукой. Новый посетитель понимал всё без слов и, если не было крайней необходимости, обходил контору стороной.

В памяти людей Вера Дастархановна Базарова осталась капризным, неуравновешенным, взбалмошным, но безвредным человеком. Человеком, от которого можно услышать в глаза любую грубость и даже гадость. Человеком, с которым нельзя поговорить по-человечески, но от которого простому колхознику не нужно постоянно ждать неожиданного удара в спину, то есть предательства. Вера навсегда осталась человеком, о котором и через много лет, после её внезапного исчезновения из колхоза, вспоминали с сочувствием и сожалением, как о больном или инвалиде.

Но далеко не все уполномоченные были так безвредны, как Александр Саммухин и Вера Базарова. Попадались среди них и подлые люди. Колхозникам бежать от таких было некуда. Ведь даже справку для поездки в районный или областной город выдавали жителям, находящимся под комендатурой, только с позволения начальства, а самым большим начальством на селе были опять же уполномоченные.

Особенно туго приходилось молодёжи. Не хотели они жить по старинке. Хотелось им иногда поплясать, порезвиться и повеселиться. Ведь молодость, юность бывает только один раз в жизни, и именно в это время буйная энергия бьёт через край и не знает никаких границ фантазия.

Работа в колхозе не была такой красивой, как много лет подряд показывали нам в кинофильмах. Навозец тоже надо было вывозить, и даже юшку приходилось черпать огромной бадьёй иногда не только мужчинам и женщинам, а очень часто и девушкам, и парням. Даже дети были привлечены к колхозным делам: пасли скот, возили воду, ухаживали за телятами...

И всё это происходило не только в тяжёлые годы войны. Ещё много лет спустя продолжали находиться в кабале колхозники.

Особенно трудно приходилось всем во время весенней пахоты и при уборке урожая. А недремлющее око уполномоченных, зачастую здоровых, откормленных и сильных мужчин, на которых можно было бы пахать без быков, постоянно следило за всеми. Во время дневной работы никуда не увильнёшь и не спрячешься, а ночью совсем другое дело. И засыпали иногда прямо в борозде или на возу измученные донельзя люди.

При пахоте быками или лошадьми в ночное время работы людям прибавлялось. Иных животных со временем всё же приучали к работе в поле, и они ровно тянули пахотную борозду. Но перед необученным тягловым скотом

приходилось идти человеку-поводырю. Молодые ребята и девушки умудрялись иногда на несколько минут прикорнуть у тёплого бока быка, и отговорка на случай внезапного набега уполномоченного была всегда наготове: «Не могу поднять из борозды уставших быков...» Доставалось им при этом не меньше, чем животным, но время, проведённое во сне, частично восстанавливало силы. Случались и очень весёлые курьёзы, над которыми смеялись по деревне ещё много лет после происшедшего.

Один молодой парень, проснувшийся в борозде от пинка уполномоченного, спросонку, не думая, стал оправдываться: «Быки проклятые! Лежат, как колоды. Не могу поднять с земли...»

Уполномоченный, отвесив парню крепкую оплеуху, а затем, очевидно, для того, чтобы тот окончательно проснулся, добавив ещё кулаком по зубам, проорал ему в лицо: «Ты... Твою... И ещё одну... Совсем сбрендил, что ли?!.. Ты же на лошадях пашешь, балда!..»

И остался в памяти людей на многие годы этот случай, как живой анекдот, а бедный парень лишился в эту ночь нескольких передних зубов.

Совсем другое дело с трактором. Правда, не было в те тяжёлые годы больших тракторов с мощными электрическими фарами. Выручал всё тот же, старенький, довоенный. Жаль, не чувствовал он борозды. А трактористу в темноте ничего не видно. Придумали и здесь люди очень оригинальный выход. Перед трактором по борозде не шёл, а, точнее, бежал человек с фонарём в руках. За этим видимым ориентиром и рулил полуслепой в темноте тракторист. Когда не было фонаря или кончался керосин, спереди ставили человека, одетого в белую одежду. И таким образом работа двигалась дальше.

Следящему за работой уполномоченному особенно удобен был именно такой расклад. Он мог спокойно отдыхать в сторонке, но как только стрекот трактора затихал, он был тут как тут.

Ну, а кто ходил в борозде впереди трактора? Конечно, молодые ребята или девушки. Туго, очень туго приходилось им. Трактор – не лошадь и не бык. Он не чувствует, что ему попадает под колёса, а трактористы – зачастую те же девушки и ребята, вымотанные до предела, – не всегда выдерживали нечеловеческие нагрузки.

Не одного инвалида можно найти в сибирских деревнях с переломанными руками или ногами. Не на фронте получили они свои увечья, а при бесчеловечно тяжёлой, порою рискованной, колхозной работе. На детях, подростках, женщинах, стариках и инвалидах держалось колхозное хозяйство всю войну и ещё много лет после её окончания. Правда, если провести статистический анализ, то окажется, как это ни парадоксально, что в те годы колхоз производил не меньше продукции, чем позднее, а, может, даже больше. Но не в этом суть дела. Ведь не только под давлением уполномоченных работали все до полного истощения, а и по велению внутреннего инстинкта. Все понимали, что так нужно, что только так можно выжить, и это было для них главным.

Люди не ждали, что кто-то подаст на блюдечке хлеб насущный. Все, от мала до велика, знали, что он достаётся только тяжёлым трудом, мозолями...

И, не будь на селе дармоедов-уполномоченных, не хуже работали бы люди, а, может быть, даже ещё лучше. Ведь именно уполномоченные власти и являлись зачастую деморализующим примером и отбивали у всех людей охоту и инициативу к активной работе. А когда человека считают только рабочим

скотом без права голоса, то нет у него ни большого желания, ни большой тяги к творчеству в своей работе. Там, где убивается мысль, там убивается и прогресс, а именно прогресс движет всем и на селе не меньше, чем где-либо.

*Оклунок – обыкновенный мешок, заполненный только наполовину.

**Двуколка – одноосная повозка для одного или двух пассажиров.

4 глава. Эдуард Кронин

Родился Эдуард на границе степи и лесостепной полосы. Места эти испокон веков не были нигде обозначены рубежами, которые бы разделяли кочевников и земледельцев. Находящаяся чуть подалее великая сибирская река, по которой плавал когда-то со своими дружинниками Ермак, была настоящим естественным барьером по обеим сторонам. Для набегов воины переправлялись вплавь на противоположный берег, и стоял тогда стон и плач повсюду. Смешалась со временем кровь соседствующих народов, и нередко можно было среди многих совершенно чёрных голов увидеть и голову, украшенную светлыми, как солнце, волосами и, наоборот, на правом берегу встретить человека с волосами, отливающими чернотой, похожей на смолу.

Мирные аулы бывших кочевников рассеялись на левой стороне реки. В одном из этих аулов и появился на свет черноголовый мальчуган, сын дочери степей красавицы-певуньи Жибек Елюхановой и заброшенного в эти края волей судьбы сына немецкого народа Арона Кронштейна (по документам Арона Шульца). Год рождения Эдуарда был знаменателен тем, что это был последний год войны.

У казахского народа раньше принято было давать детям фамилию по имени отца. Очень хороший, но давно забытый обычай, помогал без особых затруднений проследить родословную на много поколений.

Отца Эдуарда звали Арон. Необычное имя произносилось в этих краях не совсем правильно и так, самопроизвольно, получил маленький непоседа короткую кличку «Крон». Посоветовавшись, Жибек и Арон решили, что пусть так и будет, может, это для мальчика лучше всего. Фамилия нейтральная. Не сразу и поймёшь, к какому народу отнести. Меньше будет у сына проблем в жизни со всеми бюрократами-чиновниками.

Так при первой после войны переписи населения и появился в списках новый гражданин республики – Кронин Эдуард Аронович.

В первый раз мальчугана посадили на лошадь, когда ему едва исполнилось четыре годика. Вцепившись в гриву и весело блестя глазками, малыш смело лупил лошадь пятками по бокам, заставляя её шагать веселее.

Дед Ербулан, приехавший навестить внучку и её семью, сказал родителям малыша, что из него вырастет настоящий мужчина и смелый джигит. А такую похвалу из уст строгого и скупого на слова деда нечасто можно было услышать.

На дальней отгонной конеферме было много овец и лошадей. Рабочих рук, как всегда, не хватало, и всё больше новых молодых семей перебиралось на ферму на постоянное место жительства. Со временем образовался интернациональный коллектив, основной костяк которого составляли казахи и ссыльные немцы. Жили дружно, во всём помогая друг другу. Но очень не хватало специалиста-кузнеца, из-за каждой сломанной железки нужно было отправлять гонца в аул, который постепенно вырос в большой рабочий посёлок. Пришёл как-то бригадир с просьбой к Арону. Пообещал всяческую помощь со своей стороны. Арон, переговорив с женой, согласился. Так попала семья Жибек и Арона на самую дальнюю отгонную конеферму.

Приехали строители. Поставили рядом два небольших строения. Одно под кузницу, другое под электростанцию. Монтёры поставили столбы и натянули провода. Электричество пришло во все дома, даже в конюшнях и кошарах появилось искусственное освещение.

Весёлый стук молотка по наковальне частенько нарушал теперь тишину в этом выросшем на пустом месте новом населённом пункте.

Уважительное прозвище, данное Арону ещё во время войны, и здесь закрепилось за ним навсегда. Иначе как Мастер, его никто и не называл. По сути дела, он и был мастером на все руки. Вновь привезённую дизельную передвижную электростанцию тоже отдали в его распоряжение. Днём Арон чинил, латал и ремонтировал общественный и личный инвентарь, а вечерами отвечал за снабжение электрическим светом всего нового поселения.

Детвора тоже прибывала. Построили школу до четвёртого класса, в которой преподавали на русском языке.

В доме и на улице разговаривали на немецком и казахском языках вперемешку. Все дети, выросшие в этом, возникшем на пустом месте, населённом пункте, свободно говорили на трёх языках, но писали, к сожалению, только на русском. Вечерами, если выдавалась свободная минута, пело взрослое население этой многонациональной коммуны замечательные песни: казахские, немецкие, чеченские, русские и многие другие.

Гортанные чеченские вскрики перемешивались с протяжными казахскими мелодиями. Каждый пел на свой лад, и детвора, собираясь кучками, особенно девочки, очень часто копировали взрослых. И получалось у них всё настолько естественно, что взрослые даже просили детей исполнить несколько песен. Те с радостью, хором, выполняли просьбы родителей.

Старшее поколение играло на разных музыкальных инструментах, а младшие радовали взрослых своими чистыми детскими голосами. Но лучше всех в посёлке пела Жибек. Голос этой женщины напоминал первого весеннего жаворонка, повисшего в голубой высоте и тянувшего нескончаемую песню любви. Если Жибек пела песни, то дома не оставался никто. Голос её притягивал людей, словно магнит. Он заставлял иногда плакать вместе с ним, а иногда и смеяться до слёз. Арон подыгрывал ей обычно на своей издававшей виды гитаре и подпевал вполголоса. Так летели года. В семье Жибек и Арона тоже прибавлялись дети. Помимо старших, Андрея и Эдуарда, появились ещё

четыре меньшие шустренькие сестрёнки. Очень разными были эти девочки, выросшие в одной семье, и по характеру, и по внешнему виду.

Учился Эдуард без особого интереса. Надо, так надо. Родители требуют, значит, нужно учиться. Но всё свободное время проводил на улице. Любил лошадей и свободу. Мог уйти, не спросив у родителей, на целый день к своему старшему брату, который, бросив учебу, уже как взрослый пас лошадей. Частенько попадало ему за самовольство. Извинялся, но быстро забывал, и всё повторялось вновь. Книги перечитывал все, какие были. Мог спрятаться от острого взгляда матери и, под одеялом, при свете карманного фонарика, часами читать понравившуюся книжку. Беда была с батарейками. Выручал старший брат. Он, поворчав для «блезира», выдавал своему любимчику пару новых батарей, напоминая при этом, что следующие он получит только через неделю. В третьем и четвёртом классе свободу подростку укоротили. Пришлось и ему летом, во время каникул, пасти скот. Однако это вовсе не было для него наказанием, наоборот, он с радостью оставался один в поле. Кем только Эдуард не побывал в эти годы в своих мечтах: и лётчиком, и танкистом, и просто солдатом. Именно в эти годы он решил, что будет офицером. Родные о его мечтах, конечно, не догадывались и очень часто укоряли мальчика в рассеянности, но дело было совсем в другом: не рассеянным он был, а мечтателем.

Начиная с пятого класса, пришлось ученику на время учёбы уезжать из дома на центральную усадьбу в интернат. Здесь жизнь была посуровее. Защиты ждать было неоткуда, и частенько постоять приходилось за себя самому.

В первой же драке, начатой мальчишкой из старших классов, Эдуард, поняв, что бьют его серьёзно и, не видя другого выхода, взялся за ножичек, который всегда носил при себе. Метать ножи его научил старший брат, но со временем малыш и того превзошёл в этом деле. В драке нож не метнёшь, особенно если противник схватил тебя в охапку и опрокинул на спину. Зато задница врага удобно оттопырена. Достал избиваемый одной рукой ножичек из кармана. Прихватив ногтем короткое лезвие, выдвинул его из гнезда. Ткнул чуток ниже спины противника. Жало ножа царапнуло ягодицу. Крик до потолка. Никто ничего не понял. Эдуард, успевший сунуть свой «складешок» в потайной карман, встал, отряхиваясь, а его противник выли и хватал себя за зад. Прибежал воспитатель. Старшим воспитанникам интерната признаваться в начатой драке не с руки, и подраненный мальчишка, сжав зубы, молча стоял в сторонке. Воспитатель, выстроив всех в линейку, стал допрашивать младших. Первым в ряду стоял с расквашенным носом Эдуард. При вопросе, кто его ударил, он ответил, что его никогда никто не бил, а он просто споткнулся и ударился носом о косяк. По одобрительным взглядам стоящих в рядах воспитанников интерната, он понял, что поступил правильно.

Суд чести, как называли его старшеклассники, оправдал новичка. Нельзя требовать от новенького того, чего он не знает, а уж просто без вины избивать малышкой права вообще никому не дано. Конечно, если кто-то всерьёз и умышленно нарушает неписанные интернатские правила, то наказать можно и нужно, но опять же только по правилам.

Больше попыток потренировать силу удара на физиономии Эдуарда не было никогда. Спросили его ребята, чем он уколол своего незадачливого противника и почему именно в зад. Он показал свой маленький складной нож со многими лезвиями и объяснил, что серьёзного увечья в этой части тела нанести невозможно, мол, лошадям тоже ставят клеймо на задней ляжке, но они от этого не бегают хуже. Смеху было много. Перевязку «подколотому»

мальчишке старшие ребята сделали сами, благо, и не рана это была, а глубокая царапина. Смазали йодом и заклеили пластырем, вот и вся обработка.

А прозвище «Клеймо» так и осталось за пострадавшим забиякой на всё время. Новичок быстро вжился в ученический коллектив интерната, стал своим среди воспитанников. Появились друзья и жить стало веселее. Особенно сдружился с мальчишкой-ровесником из детдома. Тот охотно проводил часть своих каникул вместе с одноклассником в его доме на конеферме. Вместе наперегонки скакали на лошадях. Зимой один из них садился верхом на лошадь, а второй становился на лыжи. К седлу лошади, которое было снабжено дополнительной нагрудной шлейей, привязывали длинную веревку и всадник тянул за собой лыжника на буксире. Сколько раз летели кубарем через голову, не сосчитать, но ребята натренировались со временем так, что сбросить их с лыж было уже не так-то просто. Вся поселковая ребятня, глядя на их забаву, многие годы потом занималась зимой именно этим необычным видом спорта, изобретённым в их местности. И даже повзрослев, часто выезжали этим изобретённым способом на дальнюю охоту.

В одну из зим, уже в старших классах, Эдуард, как обычно, был дома на каникулах. Как-то ночью проснулся от необычного шума в доме. Тревожно лаяла собака, запертая на ночь в дровянике. Собакам в зимнее ночное время в те годы ещё нельзя было свободно бегать в этих краях по деревенским улицам. Волчьи стаи совершали иногда неожиданные набеги, и утром от собак, оставленных на ночь во дворе, порой оставались на задворках только клочья шерсти.

Мать торопливо зажгла переносную керосиновую лампу, которая всегда стояла наготове на столе, затем, одевшись, родители вышли во двор и направились к стоящему в сторонке длинному сараю, крытому соломой. Жибек держала в руках лампу, Арон – заряженное ружьё. Этот сарай служил зимой убежищем для всего домашнего скота.

Сын, накинув на голое тело полушубок и сунув ноги в валенки, бегом бросился следом за родителями. Поравнявшись с сараем, он подхватил прислонённые к стене вилы с длинным берёзовым черенком и вошёл следом за матерью с отцом в сарай.

Арон шёл чуть впереди, всматриваясь в темноту, а Жибек, вытянув руку с лампой вперёд, освещала дорогу. Скот сбился в одну кучу в левом дальнем углу сарая.

Парень, осторожно шагая в потёмках следом за родителями, боковым зрением увидел какую-то мелькнувшую от стены в его сторону тень и быстро выставил перед собой рожками вперёд вилы.

Волк прыгнул на него из-за кормушки, стоящей у стены, но напоролся в прыжке на острые, кованые ещё в царское время, рожки вил. Парень, не устояв, стал падать на спину, не выпуская, однако, вилы из рук. И счастье не изменило ему. Длинный гибкий навильник, изготовленный руками Арона из ствола молодой берёзки, упёршись тупым концом в натоптанный овцами навоз, принял удар на себя. Рожки вил до упора вошли в грудь волка и он, перевернувшись в полёте на спину и перелетев через Эдуарда, упал на землю, дрыгая в смертельной агонии лапами.

В этот же самый момент громовым раскатом ухнул по сараю грохот выстрела. Остро запахло горелым порохом. Наступила тишина. Даже скот, оглушенный выстрелом, замер, не подавая признаков жизни. Парень вскочил на ноги и побежал к родителям. Жибек стояла высоко подняв руку с лампой, а Арон – чуть вправо и впереди, держа двустволку обеими руками наготове и оба

глядели вперед, в правый угол сарая, где не было скота. Дым понемногу рассеялся, и все трое увидели большого матёрого волка, лежащего в нескольких шагах от них. Арон сделал несколько шагов вперед, Жибек не отставала.

Волк был мёртв. Крупная самокатанная картечь, выпущенная из ствола с близкого расстояния, вдребезги разнесла ему череп.

Только на следующее утро, когда рассвело, выяснили, каким образом волки попали в сарай. По длинному высокому снежному сугробу, выросшему не ниже сарая, оголодавшие за зиму хищники забрались на соломенную крышу, которая, очевидно, не выдержав их веса провалилась вместе с незваными гостями. Успели они порвать пару овец и полакомиться бараниной, но ни утащить овец, ни самим убежать не было никакой возможности. Слишком высоко от пола была дыра в крыше, а загнанные в угол волки страшны как никогда. Они в этом случае бросаются и на человека, и кто знает, чем бы всё закончилось, не проснись Эдуард вовремя.

На следующий день, услышав о происшедшем, на конеферму приехал дед Ербулан и привёз Эдуарду очень дорогой подарок – германское ружьё «Зауер». Все охотники называли их «Зауер три кольца» из-за маркировки. Иметь такое оружие было мечтой всех охотников округи. Такие ружья в деревне по пальцам можно было пересчитать. Появились они в этих краях не так давно, в основном уже после войны, но о надёжности и отличном бое этих ружей знал каждый охотник. Стоили они невероятных денег, и не одного барана пришлось, очевидно, отдать деду Ербулану, чтобы получить в руки такое сокровище.

Дед при всех торжественно вручил правнуку ружьё, сказав при этом, что настоящему мужчине без него нельзя, а он уже стар и на охоту больше не выезжает. Пусть правнук пользуется подарком и не забывает своего прадеда.

Много лет надёжно служило это действительно уникальное ружьё. Немало добыло оно дичи, начиная от маленьких шустрых чирков до лосей. Не один волк попал под его прицел и ни одному из них не удалось уйти. Поездило ружьё со своим владельцем по свету и ни разу, несмотря на лютые сибирские морозы или южную жару, оно его не подвело.

Эдуард закончил школу без медали, но все экзамены сдал с первой попытки. Попробовал поступить в военное ракетное училище. Не удалось. Со средними оценками и без широких связей деревенскому парню не так-то просто было пробиться в курсанты. Помог случай. Перед призывом в армию все допризывники проходят медицинский осмотр, при котором всегда присутствует представитель местного военкомата. Старый знакомый деда Ербулана, доброжелательный старшина-сверхсрочник Николай Годун, внимательно выслушав призывника, дал ему очень дельный совет: «Ты парень здоровый, но у нас наверху сидят такие бюрократы, что дорога в престижное училище тебе в любом случае закрыта. Есть очень хороший выход. Иди в армию. Послужи с годик. Попотей как следует, потом подай рапорт о желании поступить в военное училище. Как правило, такие рапорты не отклоняют. Я же постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы ты попал в ЗГВ (западную группу войск). На запросы, которые придут в наш военкомат, они получат о тебе самые лучшие отзывы».

Эдуард, не долго думая, согласился. Увёз поезд парня в Европу. Попал служить в ГДР. Станным всё казалось ему в новых краях. Не было казахстанского простора. Всё как-то сжато-скупенно.

Узенькие улочки в городах. Один населённый пункт теснится возле другого. Но главные автомагистрали понравились – широкие, и везде асфальт.

Водитель автобуса, на котором призывников везли в часть назначения, по дороге рассказывал о достопримечательностях.

Первые три месяца из гарнизона не выпускали. Позднее были организованные поездки в близлежащие города. Возили новобранцев в Дрезден и Лейпциг. Особенно понравился парню скрипичный концерт. Он вышел из концертного зала словно околдованный музыкой. Выросший в музыкальной семье, где почти все умели петь и играть на музыкальных инструментах, а особенно мать и младшие сёстры, он всё же настоящей живой игры на скрипке ещё ни разу в своей жизни не слышал. Чувства, которые он испытывал при чарующих звуках скрипки, молодой человек объяснить бы не смог, но тронули они его до глубины души. Никакого сравнения не было между тем, что он услышал теперь в этом чудесном концертном зале, и тем, что приходилось слышать раньше по радио или в кино.

Год срочной службы в армии пролетел, и на поданный рапорт о желании быть курсантом военного училища, пришёл положительный ответ.

Город на Неве показался поначалу неприветливым, серым и холодным. Эдуард, привыкший к более сухому климату, побаливал первое время на новом месте, но молодой организм быстро адаптировался, и вскоре он стал чувствовать себя здесь лучше. Учёба давалась легко. По физическим дисциплинам проблем вообще не было никаких. Курсанту Кронину здоровья было не занимать. При кроссах с нагрузками он часто подхватывал у более слабых ребят вещмешок – ему это было даже на пользу: чем больше груза, тем больше нагрузки, а, значит, здоровья от интенсивной тренировки добавляется.

Осенью курсантов часто отправляли в сельскую местность для помощи жителям при уборке урожая. Приходилось выполнять разные работы: от сбора картофеля и разных овощей до сбора яблок. Часто работали и на зерновых полях. Курсантов, как ударно-пробивную силу, ставили обычно на разгрузку зерна. Огромные плицы*, которыми выгребали зерно из кузовов грузовиков, к вечеру становились в три раза тяжелее, чем утром, а мускулистые тела курсантов делались, как ватные. Но час отдыха после работы – и силы были восстановлены. И давали жару курсанты на танцах в сельских клубах! Танцевали до упаду. Девушек в эту пору тоже хватало. Студентками из различных вузов, училищ и техникумов были заполнены все общежития. Будущим офицерам обычно в домах места не хватало и они жили в палатках. Для ребят так было даже лучше.

Можно было незаметно, приподняв полог, исчезнуть на пару часов ночью и так же незаметно вернуться. И многие курсанты неоднократно проделывали этот фокус безнаказанно. Начальство само было, как правило, озабочено личными делами, и пока не происходило больших ЧП, смотрело на шалости ребят не очень строго.

Как-то, напившись воды у единственного бачка на току и разворачиваясь, Эдуард, боком, в полный мах, задел подошедшую совсем незаметно сзади девушку и чуть не сбил её с ног. Вежливо подхватив её под руку, извинился. Снимая платок с головы, которым она была обмотана по самые глаза, та сказала, что ничего же не случилось, мол, сама и виновата: не надо было лезть под ноги. Отойдя на несколько шагов, он оглянулся – девушка тоже смотрела ему вслед. Увидев, что парень смотрит на неё, она быстро наклонилась над тонкой струйкой воды, бьющей из краника бачка.

«Какие у неё глаза! – думал Эдуард, медленно шагая в сторону своего рабочего места. – Я таких ещё в жизни не видел. Не чёрные, но очень тёмные и с какой-то синей-пресиней глубиной, как кусочек вырезанного тёмно-синего неба...»

И больше не оставили молодого человека в покое эти девичьи глаза. Работал до вечера, словно робот, никого и ничего не замечая вокруг. На танцах выглядывал только её, но девушки, которая обожгла его своими чудесными глазами, так и не увидел. На следующий день обошёл весь зерновой ток в надежде увидеть незнакомку, но нет, там её тоже не было.

Только через несколько дней увидел приглянувшуюся ему девушку на танцах. Она скромно стояла в сторонке с группой девушек и о чём-то весело разговаривала с ними, словно и не на танцы пришла, а поболтать. Парень, как только раздалась музыка нового танца, быстро направился в их сторону. Очень понравившаяся ему синеглазая девушка в танце не отказала. И понеслись два молодых красивых и сильных человека в вихре чувств, музыки и движений, словно оторвавшись от земли и всех земных проблем, в совсем иной сказочный мир.

Любовь – вещь непонятная и необъяснимая.

Невозможно описать словами чувства, которые иногда поражают, как удар молнии, веселят, приносят радость, но, бывает, что и терзают, и мучают несчастных влюблённых. Кто может похвастаться, что умеет управлять любовью, как автомобилем, направляя на нужную улицу? Кто может на перекрёстках любви точно определить дальнейший правильный путь? Если и есть такие, то это большая редкость, и разум у них, должно быть, очень холоден и расчётлив. Настоящей любовью управлять невозможно. Она прокладывает себе дороги сама и – очень часто – вопреки всякому здравому смыслу.

Любовь может, как бурная, полноводная река в дни паводка снести все преграды, а затем целый человеческий век плавно и мерно нестись, принося только покой и радость, но она может построить и баррикады на жизненном пути. Для преодоления этих преград очень часто нужны ясность и спокойствие ума, но ведь они так редко являются спутниками любви.

Эдуард Кронин и Лена Гизбрехт, студентка четвёртого курса педагогического института, ходили целыми днями, словно сомнамбулы, и не могли дождаться вечера. Мысли у обоих, поражённых, как тяжёлой болезнью, любовью, были только друг о друге. Первый же совместный танец, когда молодые тела коснулись друг друга, сблизил их, таких разных по характеру и внешне, настолько, что они одновременно поняли: это судьба и от неё не уйти. Закрутила вьюга-любовь влюблённых в своих жгучих вихрях.

Лена была постарше Эдуарда, но внешне выглядела моложе его.

Невысокую ростом, худенькую, с тонкими чертами лица, её можно было принять за школьницу старших классов. Приехавшая из далёкой Сибири, она и в большом городе осталась прежней: ласковой и доброй Леной. «Леночкой-с-Лены» называли девушку все её однокурсники, потому что на их факультете училась ещё одна местная девушка Лена, за которой закрепилось имя «Лена-с-Невы». Лена-с-Лены всегда была готова помочь каждому, кто плохо себя чувствует или кем-нибудь обижен. Многие из её новых подруг выплакались на плече у Лены и для всех у неё находилось хорошее успокаивающее слово.

Как-то Лена, в один из редких свободных от работы дней, собравшись встретить приезжающую подругу, торопливо шла к железнодорожному вокзалу. Сокращая путь, пошла по тропинке, проложенной параллельно перрону, и вдруг услышала весёлый смех Эдуарда. Влюблённая девушка могла узнать голос своего избранника из тысячи других голосов. Она остановилась и прислушалась внимательнее. Точно, его голос. Посмотрев через листву деревьев, плотной стеной отделяющих перрон от узкой тропинки, Лена

увидела любимого и рядом с ним совсем молоденькую девушку. Девчонка, повиснув на шее парня, дрыгала согнутыми в коленях ногами и чмокала его в обе щеки. Эдуард, весело улыбаясь в ответ, двумя руками крепко держал девушку за талию. Слова девушки, словно тяжёлые удары набата, били по ушам замершей на месте Лены: «Эдя, ты меня ещё не забыл за год, что мы не виделись? Может, успел разлюбить меня? Ну скажи же, что ты всё ещё любишь меня, не забыл и никогда не забудешь!»

Парень опустил девушку на землю. Взял стоящий на перроне чемодан, очевидно, принадлежащий девушке, обнял её свободной рукой за плечи и повёл к выходу с перрона, приговаривая: «Разве тебя, такую красавицу, можно забыть? Ты же, как солнце у меня. Я на тебя даже смотреть боюсь, такая ты у нас красивая барышня стала».

Лена опустила на скамейку, стоящую под деревьями. Не осталось ни сил, ни мыслей. Пустота и чернота перед глазами. Если бы она в этот миг, пересилив себя, подошла к Эдуарду с девушкой, может быть, жизнь обоих сложилась не так трагично. Но она осталась безмолвно сидеть на привокзальной скамейке, парализованная чёрной ревностью.

Девушка, которую встретил Эдуард на вокзале, была красива, и не просто красива, а вызывающе красива, несмотря на свои юные года. Пышные, слегка вьющиеся волосы, собранные в огромный, так называемый «конский хвост», сверкали медно-бронзовым отливом. Фигурка, слегка прикрытая коротким летним платьицем, была словно выточена искусным мастером. Наградила природа эту девушку сполна. Верховая езда тоже немало добавила к красивой осанке девушки. В седле не только сидят, как думают многие несведущие люди, но много приходится и стоять, упираясь, словно балерина, одними носочками в стремя.

Светланы-Сауле Шульц, меньшей сестры курсанта Кронина не была дома, когда он приезжал в очередной отпуск. Она сдавала вступительные экзамены и приехать домой не смогла. Так получилось, что они не виделись целый год. Молодые люди именно в этом возрасте очень меняются, и Эдуард с трудом узнал свою любимую сестричку. Она, действительно, превратилась из угловатой девчонки-подростка во взрослую девушку-красавицу.

Телеграмму о том, что к нему приезжает сестра, дневальный принес курсанту на работу в последнюю минуту. Он попросил одного из своих новых деревенских приятелей, и тот подвёз его на мотоцикле прямо к железнодорожному вокзалу. Занятый разговорами с сестрой и её устройством, он не пошёл вечером, как всегда, в сельский клуб, где обычно встречался с Леной.

Стоя в фойе клуба у билетной кассы, Лена случайно услышала разговор двух курсантов военного училища. Один из них с восторгом рассказывал другому, что вот, мол, опять подвалило счастье пижону Кронину: приехала к нему не девушка, а царевна из сказки, только имя у неё какое-то очень уж не русское, еле разобрался в закорючках на телеграмме, которую принёс местный почтальон. Зовут её не то Сеуле, не то Сауле, а фамилия ещё чуднее, чем имя – Шульц. Может, немка или еврейка, эта прилетевшая издалека птичка? И где только успевает этот шустряк подхватывать столько девчонок? Липнут к нему на всех углах. Отбою нет ему от этих сумасшедших.

Не знали и не думали ребята, незлобно подшучивая над Эдуардом, что именно их разговор добавил последнюю каплю яда в и так уже переполненную чашу ревности Лены.

Этим же вечером Лена Гизбрехт, собрав нехитрые студенческие пожитки и написав короткую записку подруге, живущей с ней в одной комнате, пешком ушла на ближайшую железнодорожную станцию. В записке сообщила подруге, что выходит замуж за парня, приехавшего за ней из далёкой Сибири. Попросила позаботиться о документах и выслать до востребования в небольшой город, который находился на реке Лене, в тысяче километров севернее её родного города.

Парня, который якобы приехал за своей невестой, никто из студенток, живущих вместе с Леной в общежитии, не видел. Однокурсницы были ошеломлены столь неожиданным отъездом девушки. Пошли различные разговоры: «Ну и тихоня. Сроду не говорила, что у неё парень есть, а тут – на тебе, сразу замуж. Даже учёбу бросает, не задумываясь. Ну, даёт девка! Сразу видно, что отчаянная сибирячка».

О том, что Лена с Эдуардом были без памяти влюблены друг в друга и немало ночных часов проводили вместе неизвестно где, знала только её самая близкая подруга. Она же и прикрывала ночные отсутствия студентки в общежитии и была очень сильно обижена тем, что Лена никогда ни одним-единственным словом не обмолвилась, что у неё помимо Эдуарда есть ещё кто-то. А что та просто придумала несуществующего в действительности парня, подруге и в голову не могло прийти.

Эдуарда, пришедшего на следующий день в студенческое общежитие, ждал неожиданный злой сюрприз. Подруга Лены, молча подала записку. Он взял. Прочитал. Бледноватая серость покрыла лицо, как маской. Скомканная записка жалким комочком упала на пол. Казалось, что она обожгла пальцы парня, как огнём. Боком, неуклюже, не глядя по сторонам, вышел из общежития. Молча сел в коляску мотоцикла. Местный парень, приехавший с курсантом, поняв, что случилось что-то плохое, быстро завёл двигатель, и только облако пыли, смешанной с синим дымком, потянулось вслед.

Судьба одним неожиданным, но очень тяжёлым ударом, ранила две чистые молодые души. Замерли они от непривычной боли. Замкнулись в себе. Поставили вокруг себя глухую стену. Обида на другого, горечь от несуществующего в действительности обмана, осталась у них до конца жизни. Гордость не позволила никому из них выяснить причину случившегося, и их дороги, на одном из самых тяжёлых для обоих жизненном перекрёстке, разошлись в разные стороны и никогда больше не перекрещивались.

Лена уехала к дальней родственнице отца, исконного сибиряка Ильи Елизарова, и прожила там до конца своих дней. Выросшая и воспитанная в строгой немецкой семье, она не захотела возвращаться обратно на осуждение родственников. Вскоре родилась дочь. В роддоме медсестры при разговоре между собой сказали, что маленькая девочка похожа на красивенькую живую обезьянку, и это навело Лену на очень оригинальную мысль. Она назвала дочь Айфой.

Владея немецким языком, молодая женщина сама придумала и новую, не совсем обычную в этих сибирских местах, фамилию девочке – Вайзенкинд, что в переводе на русский означало: ребенок-сирота.

Настояла на своём мать-одиночка, проявила характер, пришлось чиновникам уступить и записать в свидетельстве о рождении девочки странные имя и фамилию. Единственное, что осталось у девочки от родного отца, это было отчество, но об этом ни одна живая душа, кроме Лены, не знала.

Мужеству Лены нужно отдать должное: она сама с достоинством пронесла по своей короткой жизни немецкую фамилию, даже не будучи рождённой немкой,

и своей единственной дочери выбрала тоже немецкую фамилию. Можно только предполагать, что именно отчим и мать сумели привить ей чувство уважения к немцам.

Немало было и в этих дальних краях немцев, которых, как пух, одним приказом сверху развеяли от Урала до самой Чукотки. Но к этому времени многие из них, после снятия комендатуры, перебрались на юг, подальше от «Страны вечнозеленых помидоров» (как шутили тогда) туда, где можно было выращивать фрукты и овощи. Часть немцев ассимилировалась, растворилась в среде местного коренного населения. Часто боязнь за своё потомство вынуждала немцев принимать русские и другие фамилии. Натерпевшись досыта репрессий за принадлежность к немецкой нации, эти люди хотели хотя бы немного облегчить своим детям дальнейшую жизнь.

Ведь только единственная галочка-пометка в анкетах и личных делах не одному закрыла в двадцатом столетии вход в высшие учебные заведения. Были, конечно, после революции и исключения – для комсомольцев и коммунистов, например, самым активным из них открывали позднее зелёный свет даже в престижные ВУЗы. Бойцы-атеисты вообще шли вне конкурса, им оказывалась особая честь – *«Выжигайте, выбивайте, вытряхивайте из своих упрямых земляков религиозный дурман любыми способами; в средствах не стесняйтесь, вам выдаётся индульгенция на вечные времена»*. Подавляющему же большинству немцев давалась возможность поступать в ФЗО, УМСХ, ПТУ и подобные им учебные заведения, да и то не во все.

Век-людоед уничтожил физически миллионы людей и к российским немцам был особенно «внимателен». Не потому ли в списках о грамотности народов СССР в конце второго тысячелетия в графе «немцы» стоит уже неоднозначное число?

Времена, когда слово «немец» употреблялось только как ругательное, понемногу уходило в прошлое. Правда, резинкой можно, конечно, стереть страшные годы репрессий на бумаге, но из памяти людей – невозможно. Страх надолго осел в душах людей, переживших все ужасы чудовищных издевательств над немцами во время войны. Многие из них меняли в послевоенные годы свои фамилии на Ивановых, Петровых, Сидоровых. Часто, и только при доверительных беседах выяснялось, что числящийся на бумаге Швайко - на самом деле не кто иной, как Шварц и таких примеров можно припомнить немало.

В последний год учебы Эдуард жил, словно робот. Измена Лены выбила его из жизни, как удар кия выбивает шар с поля. Он делал всё правильно. Командиры были им очень довольны. Все команды выполнял быстро, беспрекословно и точно, но в глаза он никогда никому не смотрел. Боялся, что увидят там умные люди боль без конца, но не хотел снисхождения или милосердия. И только ночами, ещё в курсантской казарме, будил он иногда своих товарищей страшными криками. Парень даже просил иногда дневального, чтобы в случае, если у него участится дыхание и он начнёт всхлипывать, немедленно будить его. Экзамены сдал отлично, но на удивление всем выбрал гарнизон, где кроме медведей и лосей не было ничего на сотни верст вокруг.

Перед выпуском познакомили его ребята с местной девушкой, как позднее выяснилось, мечтавшей стать офицерской женой во что бы то ни стало. Женился. Получив офицерское звание и назначение, поехал перед началом службы с молодой женой в отпуск, домой в Казахстан. Молоденькая жена, привыкшая ко всем удобствам большого города, только кривила красивенькие губки при виде небогатой деревенской обстановки. Всё было не так

романтически, как она себе представляла. Уборная за полсотни метров от дома, злые комары и мухи покою не дают ни на минуту. Непривычная еда и кучи детей кругом нервировали бесконечно. В гарнизоне было ещё хуже. В казахстанской степи спасал иногда ветерок, а здесь гнус мучил всерьёз и спасал только дым. Походила новоиспечённая офицерская жена, прокопчённая как окорок, пару недель по гарнизону и, быстренько собрав вещички, исчезла из жизни Эдуарда навсегда. Только денежные переводы отправлял он ей ещё несколько лет, чувствуя себя обязанным перед официальной женой, пока та, не найдя себе нового муженька, не подала на развод.

Службой молодой офицер не тяготился. Подменял всех, кто только просил его об этом. Всё свободное время проводил в тайге. Залечивал душевные раны таёжным воздухом и охотой. Немало перетаскал он дичи в солдатскую столовую, и было это хорошей добавкой к надоевшим всем консервам. Сверхсрочник-старшина, начальник кухни, весело шутил над ним: «Ты, лейтенант, охотой бы больше заработал, чем сейчас получаешь. Зачем в училище подался?»

Молодой человек и сам теперь не знал, зачем он стал офицером. Желание делать карьеру или учиться дальше, повышать свой уровень у него пропало. Так прошло два года. Начальство, довольное службой, повысило его в звании. Ещё через два года получил за успехи капитана.

Как-то в один из зимних дней Эдуарда вызвали к командиру. Тот неожиданно пригласил его сесть и, глядя на своего подчинённого, заговорил:

– Я знаю, ты не гоняешься, как многие наши молодые офицеры, за звёздочками, именно поэтому я сделал всё, что смог и теперь ты, с твоим небольшим стажем, уже капитан. Наш замполит постоянно был против твоего повышения – не пойму только, чем ты ему насолил, – но я вызвал тебя по другой причине. Помогите мне, будь другом. Я уже не молод, скоро в отставку. Семья, как ты знаешь, не маленькая. Жена тяжело болеет. Возят её мои дочери с одного курорта на другой, но толку не очень много. Ей нужен сухой южный климат, а я из северных гарнизонов не вылезаяю. Ты не глуп и сам понимаешь: в такой гарнизон, как этот, отправляют в ссылку, но под прикрытием самых высоких слов.

Нет у меня высоких защитников и практически никаких шансов получить ещё раз повышение и попасть куда-нибудь в умеренный климат. К нам в часть приезжает с инспекторской проверкой один из высокопоставленных чинов вооружённых сил. Мне позвонил один из моих приятелей и по секрету сообщил, что наш инспектор – заядлый охотник-любитель. Ты, капитан, уже немало бегаешь по нашим лесам и знаешь лучше всех нас вместе взятых тайгу и окружающую местность. Прошу тебя, помоги мне, организуй хорошую охоту, и я по гроб жизни буду тебе обязан. Поверь, слово своё я держу и что такое офицерская честь знаю. Никогда в жизни не позволил бы себе попросить тебя о чём-нибудь, что задело бы твоё самолюбие или честь. Но жизнь диктует свои законы и приходится мне, старшему по званию и должности, просить тебя об этой неофициальной услуге. Если ты, капитан, не согласен, скажи прямо, в обиду не буду и даю слово, что твоя служба будет и дальше продолжаться точно так же, как до нашего разговора. Если согласен помочь мне, то, пожалуйста, сделай так, чтобы всё прошло гладко и без происшествий.

Эдуард уважал своего командира, не просто как офицера, но и как человека. Нелегко было этому уже немолодому военному командовать частью, в которой служили офицеры и даже солдаты и сержанты, более образованные, чем он. Не обиделся Эдуард на просьбу командира, а, наоборот, обрадовался, что может

хоть чем-то помочь этому неискушённому в закулисных штабных делах служаке, тянувшему свою лямку уже не один десяток лет.

Отправились на гусеничном тягаче к берлоге, которую уже давно приметил заядлый охотник.

Нечасто сидели в кузове этого труженика бездорожья такие высокие чины, имеющие столько звёздочек на погонах и притом еще такой величины. Ехали по замёрзшему руслу небольшой реки и, не доезжая нескольких километров до назначенного места охоты, стали у берега. Дальше, вытянувшись гуськом, пошли, не нарушая тишину, пешком. К берлоге подходили по заранее нарисованной схеме. Стали так, чтобы при выходе медведя из берлоги самую лучшую позицию для стрельбы занимал инспектор. Организатор охоты, закинув на плечо свой старый испытанный дробовик «Зауер», принялся шуровать длинным шестом в отдушине логова под кустом. Всё вышло именно так, как он и рассчитывал. Медведь с глухим рёвом стал выбираться из берлоги точно под прицел карабина, который держал в руках генерал. Сухо щёлкнул выстрел. Медведь, дико взревев, сделал прыжок вверх и, поднявшись на задние лапы, быстро направился в сторону охотника, стрелявшего в него.

Второго выстрела не было. Эдуард успел отбежать от берлоги на пару десятков шагов в том направлении, где стоял инспектор. Во время бега поспешно стянул с плеча свою двустволку. Поняв, что у генерала что-то не в порядке с оружием, – тот бешено рвал затвор карабина – опытный охотник, всё ещё бегущий боком к медведю, стал поднимать приклад ружья к левому плечу. Очень пригодилось ему теперь то, что он одинаково хорошо стрелял с обеих рук.

Остальные участники охоты стояли теперь так, что при стрельбе по медведю могли бы попасть друг в друга. Медведь пересёк невидимую черту безопасности намного быстрее, чем все ожидали, и этим он как бы вывёл остальных охотников из действия.

Эдуард, с разворота, навскидку, всадил дуплетом два заряда крупной картечи, которую не зря зовут «медвежьей», в левый бок медведя. Не подвело старое ружьё и на этот раз. Заряды не просто остановили медведя, они опрокинули его на бок. Два полных заряда двенадцатого калибра, и в каждом не менее девяти круглых свинцовых шаров, с близкого расстояния вскрыли грудь, как консервную банку. Эдуард, моментально перезарядив ружьё, стоял неподвижно неподалёку от поверженного лесного гиганта. Всё произошло в несколько мгновений. Остальные участники охоты стояли, словно оцепенев. Медведь не добежал всего несколько шагов до охотника, стрелявшего первым. Лапа хозяина леса одним ударом ломает хребет лошади, а вспороть человека он может и одним когтем. Крупно повезло генералу, что медвежья лапа не смогла до него дотянуться.

Генерал подошёл к Эдуарду. Протянул ему руку и, совсем уж не по-генеральски обняв, проговорил охрипшим голосом: «Спасибо сынок. Выручил ты меня всерьёз».

И добавил громким, теперь уже командным, так чтобы его слышали все, голосом: «Не хотел бы я быть мишенью такого стрелка. Его реакции можно только по-хорошему позавидовать».

Пуля генерала тоже не прошла мимо медведя. Но она прошила ему грудь, словно игла, не задев жизненно важных органов. Второго выстрела не последовало, потому что заклинило гильзу в патроннике, не выбросил механизм её из автоматического карабина и не освободил место для следующего патрона.

Седой инспектор, разглядывая старое поцарапанное ружьё Эдуарда, с улыбкой говорил окружившим его офицерам: «Никогда бы не подумал, что мою жизнь может когда-нибудь спасти ружьё, изготовленное нашими бывшими врагами, но, надо честно признаться, бою этой старушки можно только позавидовать».

На следующий день инспектирующий генерал пригласил Эдуарда прогуляться по тайге с ружьями на лыжах. Вскоре сделали привал, присев на сваленные бурей деревья. Эдуард предложил разжечь костер.

Старый генерал, смеясь, спросил у него, не умеет ли он читать чужие мысли, мол, только подумал, что хорошо бы было у огня посидеть, и пожалуйста: уже есть желающий его разжечь и не только желающий, а, что самое главное, знающий в этом толк.

Разговорились два представителя разных поколений и наций. Время летело незаметно. Прихваченная молодым офицером на всякий случай бутылочка светлой, как слеза, водки, опустела. Задумчиво глядя на своего спасителя, генерал вдруг сделал ему неожиданное предложение:

– Капитан, ты со своим училищным образованием выше майора не прыгнешь. Ваш недальновидный замполит успел подзамарать твоё личное дело. Запись там какая-то странная про драку. Не удивляйся, я имею доступ ко всем документам и на досуге немножко порылся в них. С такой пометкой в анкете, да ещё с отцом-немцем в военную академию тебе дорога заказана, и будешь ты по таким гарнизонам, как этот, все свои двадцать пять лет кочевать и, может быть, если повезёт, в отставку уйдешь подполковником. Ты мне расскажи поподробнее, в каком это побоище с гражданским населением принимал участие. Может, я смогу тебе чем-нибудь помочь. Не люблю я в долгу оставаться. Дурная привычка, знаю, но меня воспитывал ещё царский офицер, а тот в делах чести был эксперт, за что и поплатился жизнью, но я его по сегодняшний день уважаю. Расскажи, что там у тебя в зверосовхозе произошло, ведь не зелёный лейтенантик подрался, а капитан.

Не любил Эдуард вспоминать этот случай. Неприятен он был ему. Первый раз в своей взрослой жизни не сумел он справиться с нервами. Отмечали день рождения одного из знакомых в ближайшем зверосовхозе, который находился примерно в ста километрах от расположения части. Выпито было немало. Разодрались двое мужчин во дворе. Приехавший вместе с Эдуардом прапорщик не поделил девицу с одним из местных парней. Прибежала куча

мужиков, пьянствующих в соседнем доме. Избивать стали, конечно, чужого здесь в селении прапорщика. Эдуард, услышав крики о помощи, бросился во двор и в тёмном коридоре с ходу схлопотал по носу. Разозлился всерьёз. Годы постоянной тренировки самообороной без оружия пригодились. Разложил мужиков по двору, как по полочкам, несмотря на то, что тоже выпил немало. Всю злость, накопившуюся за последние годы, выпустил, словно пар из перегретого котла. Один из мужиков, которому опытный боец высадил скулу так, что пришлось везти пострадавшего в гарнизон к врачу, оказался участковым инспектором милиции. Замполит не поленился проявить политическую бдительность и сходил в санчасть к пострадавшему. Всю вину, конечно, участковый свалил на приезжего драчуна-офицера, а съездить в зверосовхоз и порасспросить людей на месте происшествия замполит поленился, а, может, и с умыслом не поехал. Его устроила версия драки, предложенная пострадавшим участковым, который даже подписал нужную справочку, как свидетель. Так и появилась в анкете эта злополучная запись. Генерал внимательно выслушал рассказ, помешивая палочкой угли в костре и с улыбкой поглядывая на раскрасневшегося собеседника.

– Хорошо, капитан. Понравился ты мне. Молодой, но не хитришь, как многие наши карьеристы. С твоим замполитом я разберусь. Я у него столько огрехов в работе нашёл, что он у меня как шёлковый будет и мигом твои бумаги приведёт в порядок. Дело в другом. Я скоро ухожу в отставку и уже много чем помочь тебе не смогу, но мой заместитель ищет себе энергичного офицера связи. Он из молодых да ранних. Карьеру делает быстро. Думаю, с его хваткой он заберётся на самую крышу. Я замолвлю за тебя словечко и место тебе обеспечено. Он к моим советам прислушивается. Доверяет моему выбору. Повидаешь ты свет на новой службе. Ты холостой, ничем не связанный, и работа курьера подходит в самый раз. Постоянно будешь в дороге, и даже за границей бывать придётся по делам службы. Ты, как я узнал, не очень большой любитель домоседничать, вот и пользуйся случаем. Такая возможность может представиться только раз в жизни.

И вновь жизнь Эдуарда круто повернула в сторону на одном из перекрёстков. В столице получил шикарную квартиру, но жил в ней очень редко. Вторая женитьба тоже была неудачной. Приехав как-то раз из командировки раньше, чем планировал, застал жену в квартире с другом детства, как она второпях попробовала объяснить, но слишком уж очевидны были следы постельной борьбы «друзей». Опять пришлось с годик оплачивать её содержание и развод. Постоянно был в разъездах. Прав был старый генерал, говоря, что придётся поехать по свету. Не успевал отчитаться за прошлую поездку, как уже новый пакет ждал курьера. Погоны через год украсила майорская звёздочка. Почти во всех горячих точках земного шара пришлось побывать офицеру-посыльному за годы службы. И далеко не всегда была на нём офицерская форма. Бывший заместитель старого генерала, давно ушедшего на покой, делал свою карьеру семимильными шагами, но майора Кронина, как своего самого надёжного офицера связи, при каждом новом назначении забирал с собой, и тот верой и правдой нёс свою службу, даже не догадываясь, что используют его очень часто совсем не по прямому назначению.

В последнее время участились командировки на Крайний Север. В какие только дыры не забрасывала молодого человека судьба. Насмотрелся он в этих местах на произвол военных князьков. С боевых вертолётов били здесь всю дичь подряд: от белых до коричневых мишек, от куниц до песцов. И никакой управы на этих самодуров не было. Огромные территории, объявленные

запретными зонами, были зачастую ни чем иным, как частными вотчинами военных варваров. Приезжие высокопоставленные военные инспекторы брали у местных удельных князей подарки не только борзыми щенками. Грузили им в транспортные самолёты и вертолёты в ящиках самое ценное, от лучших мехов до отборной рыбы, и, конечно, ни в каких документах эти дары не фигурировали.

В очередной командировке в один из находившихся на Крайнем Севере крупных промышленных городов пришлось посыльному задержаться надолго. Следом за ним туда прилетел и его непосредственный начальник. Всё местное начальство носилось, как растревоженный муравейник. Офицера связи вызвали на доклад. Посыльный передал, чтобы явился со всеми документами, имеющимися в наличии, к нему на квартиру. Майор удивился: какие документы? Ведь получил всего-навсего один пакет, правда, довольно увесистый.

Генерал встретил своего помощника приветливо. Предложил рюмочку коньяку. Порасспрашивал о самочувствии и делах. Сказал, что выйдет уставшим и дал два дня отпуска здесь же, добавив, что в городе есть где отдохнуть, мол, на удивление хороший театр в этих местах. При прощании как бы между прочим спросил о полученном пакете. Эдуард молча показал на толстую папку.

– Знаешь что, дай-ка я возьму пакет с собой, а все формальности оформим позже, когда ты, закончив все дела, прилетишь домой. Ты же в городской гостинице здесь живёшь, а не в гарнизонной, мало ли что может случиться. Так для нас обоих будет лучше. Ты можешь без забот отдыхать, и мне спокойнее. Никто и знать не будет из наших штабников, что я тебе поблажки делаю, как самому верному офицеру.

Взяв поданный пакет, генерал уложил его в свой шикарный кожаный кейс.

Закончив дела раньше, чем ожидалось, Эдуард решил, что хватит, лучше дома еще денёк-другой побуду. Позвонил в аэропорт – ответили, что места свободные есть и через час вылетает самолёт, но с пересадкой в одном из сибирских городов. Собравшись быстро, по-военному и заказав такси, помчался в аэропорт. Успел к трапу в последнюю минуту. Прошёл по привычке по полутёмному салону в конец, где были свободные места. Самолёт был полупустой, и каждый пассажир мог выбрать себе место поудобнее.

Проснулся от толчка. Привыкший спать в любом положении: стоя, сидя, на корточках и даже на коленях – он в мягком кресле самолёта спал, как в удобной постели.

Незаметный такой был толчок, но для него он послужил сигналом тревоги. Эдуард, не открывая глаз, прислушался. Турбины работали с какой-то уж слишком тяжёлой дрожью. Потом наступила тишина. Оба двигателя большого пассажирского лайнера притихли одновременно. Чуть позднее стало слышно, что одна турбина всё же время от времени подаёт признаки жизни. Она с натугой взрывалась на короткое время, а потом, будто подавившись, примолкала. В салоне наступила гробовая тишина. Затем заговорили все. Крики паники раздалась по обеим салонам. Но стюардессы оказались на высоте. Бедные девушки, пересилив себя и свой страх, громкими, часто срывающимися голосами, потребовали немедленного порядка, сообщив, что самолёт совершает вынужденную посадку на аэродром города Северного. Объявили, что в случае невыполнения команд, они за последствия не отвечают. В этом случае ответственность будут нести сами виновники беспорядка.

Кто же хочет быть ответственным в аварии? Все пассажиры, уверенные в том, что экипаж сделает всё правильно и не оставит их в беде, замерли в своих креслах, положившись на судьбу.

В критическую минуту многие люди, если не сказать, что все без исключения, вспоминают о Боге. Большинство пассажиров, несмотря на очень большую разницу среди них, от генералов до простых трактористов, закрыв глаза, молили об отпущении им грехов. Кто-то совершал это, молча стиснув зубы, а кто-то беззвучно шевелил губами, но были и такие, кто молился громко, во весь голос, не обращая никакого внимания на окружающих.

Эдуард, мельком глянув на часы, определил совершенно точно, что до ближайшего аэродрома, способного принять пассажирский самолёт, ещё не менее двух часов лёту, а это значит, что о нормальной посадке не может быть и речи. В тайге посадочные полосы для самолётов сами по себе не появляются, а на реку такой огромный лайнер не посадишь, это не старый испытанный «кукурузник», который можно было положить на живот даже в большую лужу. Вынужденная посадка означала верную смерть для всех пассажиров.

«Неужели конец? Ведь и не жил ещё», – мысли жерновами разламывали голову, и страх поднимался вверх по телу мужчины так, будто его заживо замораживали. На какое-то время он даже отключился от внешнего мира, словно упал в тёмную яму, а потом стал настолько ясно понимать, что если и есть у него шанс выжить, то только он сам сможет помочь себе.

«Господи, помилуй и прости», – сами по себе произнесли губы Эдуарда, заученные ещё в детстве, но очень давно не произносимые слова.

Самолёт резко терял высоту, но не пикировал, а держался всё ещё горизонтально. Лётчики были, очевидно, мастера своего дела и не боролись, а дрались за свою жизнь и жизни пассажиров, удерживая самолёт в критической точке. Одна турбина иногда отзывалась громким рыком на пару секунд, страшно сотрясая при этом весь корпус самолёта, а потом опять затихала. Но именно этих пару секунд и хватало пилотам, чтобы ещё как-то управлять смертельно раненым лайнером и не дать ему упасть.

Земля быстро приближалась. При ударе, если он, конечно, не будет вертикальным, а глядяще-горизонтальным, именно у пассажиров, сидящих в хвосте, вероятность выжить больше, чем у сидящих впереди. Эдуард, выглянув в окно, понял: до удара остались считанные секунды. Он взял свой туго набитый вещевой мешок, сел на среднее сиденье, заклинил мешок между собой и спинкой сиденья, стоящего перед ним. Туго затянул привязной ремень. Сжал своё тренированное тело в один маленький, как тугая пружина, комочек. Наверное, в таком положении он лежал до своего рождения в чреве матери. Удар не заставил себя долго ждать. От страшных перегрузок потерял сознание. Очнулся от холода. Всё тело болело так, будто его пропустили через мясорубку. Очень холодно. Попробовал пошевелить руками. Правая слушается, левая – нет. Провел рукой по голове, голова мокрая. Подвигался немного, открыл глаза. Огляделся кругом и увидел всюду снег. Местами снег подтаял, а местами, как пухом, накрыл сиденья почти до потолка. Попробовал встать. Не получилось. Привязной ремень держал надёжно и цепко.

Одной рукой открыть заклинивший затвор не удалось. Отломал кусок вздувшейся обшивки и стал бить острым концом по месту, где ремень был прикреплен к сиденью. Но не тут-то было.

Сделанный на совесть капроновый ремень, который спас жизнь при аварии, теперь не хотел уступить. Эдуард продолжал бить по одному и тому же месту, надеясь, что нитку за ниткой, всё же «перегрызёт» ремень. И вдруг услышал

голос, орущий откуда-то издали что было мочи: «Есть кто живой? Отзовитесь!»

Степан Николаевич Дубок, как и каждую зиму уже немало лет подряд, шёл к своей зимовке, где всегда проводил зимний отпуск. Путь был знаком. Места эти он знал, как свои пять пальцев. Ещё мальцом вместе с отцом не раз пробивал лыжный первопуток к ставшим чуть ли не семейными, богатым охотничьим угодьям. В эту зиму снегу успело навалить особенно много. Столько, что, казалось, местами пройти по тайге невозможно. Спасали широкие таёжные лыжи. До избушки, выстроенной собственными руками, оставалось уже немного. Подняться на перевал, спуститься в распадок, а там по реке пару километров – и на месте. Поднявшись на голую вершину перевала, любитель-охотник решил сделать последний короткий привал. Присел на огромный, как матрац, вещевой мешок и снял шапку. Вдруг какой-то необычный для этих мест гул раздался из распадка. Степан, приподнимаясь, глянул через кусты вниз и не поверил своим глазам. По распадку, над самой тайгой, летел большой пассажирский самолёт. И не летел он уже, а рубил верхушки деревьев широкими крыльями, как огромная коса. Нос самолёта был ещё виден. Он как-то странно торчал кверху, а всё туловище самолёта, особенно его задняя часть, уже скрылось за взметнувшейся стеной снега.

Мужчина стоял, онемев от увиденного. Всё произошло настолько быстро и неожиданно, что он с трудом верил в происшедшее. Присмотрелся внимательнее, но огня или дыма не было видно, а высокие деревья скрыли от его глаз прорубленную упавшим самолётом просеку. Взрыва тоже не последовало.

«Может, есть живые и нуждаются в помощи», – мелькнула мысль. И он, подхватив на спину заплечный мешок и одев лыжи, покати́л вниз. Первое, что увидел охотник, заехав с разгону в начало прорубленной упавшим воздушным лайнером просеки, это искорёженные, разломанные и оторванные от корпуса крылья. Немало повалили они огромных деревьев, пока всё-таки металл сдал и стал разваливаться. Снегу именно здесь, в распадке, было очень много и он, как одеяло, медленно опадая, накрыл всё. Далеко впереди, в самом конце просеки, виднелись отдельные части самолёта. Издалека уже можно было определить, что корпус разорван пополам, но не на равные части.

Охотник по пробитой самолётом широкой колее, сбросив лыжи и вещмешок, бегом направился к обломкам. Приближаясь, он увидел, что передняя часть корпуса, оторванная, очевидно, от удара о землю от задней части, которую затормозили крылья, как таран прорубила деревья, и, ударившись об огромный обломок скалы, опрокинулась вбок кучей бесформенных обломков и обрывков. Задняя, меньшая часть корпуса самолёта, проехав по накатанной борозде, как по жёлобу, стояла, чуть накренившись вбок и вперёд, прямо посредине просеки. Охотник обошёл заднюю часть. Его замутило. Он отошёл в сторону, присел на корточки и стал крупными горстями есть снег. Вытер снегом лицо. Ни за что не захотел бы он увидеть такое ещё раз в жизни. На фронте, правда, повидал всякого, но здесь было другое. Передние сиденья были, как копьями, проткнуты обломками деревьев, и не только сиденья, но и те пассажиры, которые сидели на них. Снег забил огрызок салона почти доверху, и что было в самом конце, видно не было. Мужчина сидел на корточках, медленно приходя в себя, и вдруг услышал слабый стук. Снял шапку и прислушался внимательнее. Точно, изнутри доносился какой-то ритмичный стук. Слышалось так, будто кто-то бил деревянным молотком по жести. Подошёл

поближе и закричал, что было сил. В ответ раздался живой голос, просящий о помощи.

Степан обрезал ножом ремень и освободил пассажира. Помог выбраться из обломков самолёта. Левая рука спасённого висела плетью. Степан быстро проверил на ощупь его суставы. Оказалось вывихнуто плечо. Костоправить охотник научился ещё у своего деда, знаменитого на всю округу этим умением. Не глядя в лицо своего пациента и не обращая внимания на его стон, одним умелым рывком вправил сустав на место. Посадил его поудобнее в сторонке и прошёл назад, приглядываясь и приносясь. Керосином нигде не пахло. «Молодцы пилоты, весь керосин успели сбросить, и именно поэтому не возникло пожара», – подумал охотник, быстро собирая в сторонке сухой валежник и разжигая костёр.

Вернулся назад к спасённому. Коротко представился, назвав лишь имя. Спасённый тоже вполголоса сказал, что его зовут Эдуардом.

Спаситель помог своему подопечному встать, подвёл к огню и теперь осмотрел внимательнее. Переломов не обнаружил. Заставил сделать несколько шагов. Вроде всё нормально.

Вдруг оба удивлённо оглянулись на еле слышный из обломков самолёта шорох. Степан бегом бросился туда. Эдуард поковылял следом. Из-под снега между сидений выковыряли молодую женщину. Осторожно вынесли к огню. Всё лицо её было в синяках и обеими руками держалась за правый бок. Была она в полуобморочном состоянии. Степан пощупав бок, от чего женщина, закричав, потеряла сознание, понял, что сломаны ребра. Положив женщину на ровный обломок обшивки и накрыв полушубком, охотник направился к передней части самолёта. Там в живых не осталось никого. Обломки разнесло от удара об скалу, как взрывом, в разные стороны. Эдуард тем временем собрал разбросанные тёплые вещи и, к своему удивлению, даже нашёл свой полушубок и вещмешок. Только шапки нигде не оказалось, и пришлось ему обмотать голову вынутым из вещмешка шарфом. Прихрамывая, пошёл следом за охотником. Повалил сильный снег, быстро закрашивая белым все остальные краски.

То, что он видел кругом, долго потом не давало ему спать спокойно. Уже хотел повернуть обратно, когда увидел своего начальника и не всего, а только куски, но он сразу узнал его.

Удивился Эдуард, ведь генерал должен был улететь днём раньше. В сторонке лежал и знакомый ему, но весь разломанный кейс генерала. Пакет, который он вручил своему начальнику, торчал из искорёженного кейса. Потянул пакет за верхний угол и с изумлением увидел, что из надорванного нижнего угла вываливаются крупные алмазы. Машинально, не задумываясь, быстро загнул надорванный угол и сунул пакет себе за пазуху. Несколько драгоценных камней просыпались при этом обратно в обломок кейса.

Вернулся назад к костру и задумался. Многое, что раньше было ему непонятно, вдруг в один миг объяснилось. Его поездки по закрытым зонам. Пакеты и всевозможные чемоданы и кейсы, опечатанные, но никогда нигде не регистрируемые в документах, якобы из-за сверхсекретности. Даже в Афганистан и в Африку летал таким образом. Посыльный возил контрабанду. Его, офицера спецсвязи, летающего, в основном, на военных самолётах, ни одна таможенная служба не проверяла.

Вспомнился случай: летел он из Африки на огромном военном транспортнике, гружёном двумя боевыми вертолётами. Почему-то совершили посадку не в Средней Азии, как планировалось, а на Кавказе, в гражданском аэропорту.

Добрался всё же до них каким-то чудом таможенник, добродушный грузин с животом, торчащим, как большой арбуз. Стал задавать неприятные вопросы. Спросил у Эдуарда, что в запечатанном чемодане, а тот и сам не знал, что везёт.

Командир экипажа транспортника, чтобы отвязаться от настырного чиновника и избежать скандала, подарил ему новенький блестящий маузер. Ведь немало нелегальных вещей везли все, начиная от порно-видео и заканчивая оружием, а у Эдуарда был, очевидно, груз поважнее, потому что по радиации поступил срочный приказ: из транспортного самолёта никому не выходить и ждать приказа о взлёте.

Знал хитрый летчик отношение грузин к оружию. Спустя некоторое время тот, ошалевший от роскошного подарка, а, может, и получивший нагоняй, за то, что сунул свой нос не туда, куда надо, принёс небольшой бочонок отличного вина и вопросов больше никаких не задавал.

Два экипажа боевых вертолётов, которые сопровождали свои машины, экипаж транспортного самолёта и офицер-посыльный, вынужденно просидев целых два дня в транспортнике, с удовольствием продегустировали вино.

А причиной изменения курса и такой долгой вынужденной стоянки огромного военного транспортного самолёта, наверно, был контрабандный груз, который вёз он, майор Кронин. Кто-то с кем-то не договорился и самолёт задержали на время переговоров в нейтральной полосе, то есть в гражданском аэропорту и другой республике.

Эдуард вернулся к костру и занялся дровами. Вскоре пришёл и Степан, сообщив, что не нашёл больше ни одного живого или раненого пассажира. Нигде никаких признаков жизни.

Посовещавшись, решили, что лучше всего им перебраться в избушку охотника. Из-за обильного снегопада ни один поисковый самолёт или вертолёт их обнаружить не сможет, так что помощи ждать бесполезно. Женщина так и не приходила в сознание. Мужчины, соорудив что-то наподобие саней-волокуш и уложив на неё свою подопечную, отправились в путь. По дороге подобрали лыжи и вещмешок охотника.

Эдуард не отходил от пострадавшей. Степан с его помощью, пользуясь беспомощностью своей пациентки, поправил ребра. На счастье, молодые гибкие кости не разошлись полностью и не повредили внутренностей. Охотник занимался печуркой и едой. Часто выходил из избушки глянуть на погоду, но снег валил не переставая, и видимость не улучшалась.

Воспользовавшись тем, что охотник вышел из избушки, а женщина была всё ещё без памяти, Эдуард высыпал содержимое пакета в большую пустую консервную банку. Пакет сжёг в печурке. Только теперь, полностью увидев содержимое пакета, понял, почему он был таким тяжёлым. Пришлось задуматься, куда бы спрятать найденное. Сказал Степану, зашедшему в избушку, что тоже сходит до ветру, а заодно выбросит и все пустые консервные банки.

Под скалой, недалеко от хижины, любитель природы поставил своего рода навес, под которым была вырыта довольно глубокая яма, куда сбрасывались не только пустые консервные банки. С удовольствием любил, очевидно, посидеть на воздухе охотник, причём так, чтобы снег не сыпался сверху на голову. Пройдя от туалета вдоль каменной стены, Эдуард увидел глубокий разлом в камне. Пошарил рукой в расщелине. Кончиками пальцев достал дно. Лучше не придумаешь. Сжал верхние края банки так, чтобы содержимое не могло высыпаться, и осторожно опустил тяжёлую банку, стенки которой были обильно смазаны густой смазкой, на дно расщелины.

Женщина пришла в себя ночью. Попросила пить. Эдуард напоил её с ложечки. Успокаивающе поглаживая пациентку по лицу, низко наклонился над ней и заглянул в глаза. Что-то очень знакомое и невыносимый страх увидел он в её глазах. Давно забытая, но до боли знакомая синева, ударила, словно молния, по сердцу. И все три последующих дня ни на минуту не отходил от подопечной. Она, даже будучи без памяти, всё время держала его за руку, будто боялась остаться в хижине одна.

Охотник ещё раз сходил к обломкам самолёта убедиться, не обнаружен ли он поисковиками. Белое, снежное поле расстилалось на месте катастрофы и только поваленные деревья, куски дюралья и пластмассы торчали ещё кое-где из-под снега.

На третий день стало, наконец, очищаться небо от низких тяжёлых туч. А ночью ударил сильный мороз. На четвёртый день заметили всё же лётчики поискового самолёта столб дыма от большого костра, разожжённого мужчинами на большой поляне неподалёку от избушки. Вертолёт прилетел через несколько часов.

Степан тоже не захотел охотиться вблизи обломков, и все трое: двое чудом уцелевших при авиакатастрофе пассажиров и любитель-охотник, каждую зиму проводивший на зимовке свой отпуск, – улетели подальше от этого страшного места.

При взлёте вертолёт пострадавшая, пристегнутая ремнями к носилкам, опять судорожно схватила своего попутчика, который сидел рядом с ней на откидном сидении, за руку, приговаривая: «Боюсь... Я ужасно боюсь лететь».

Весь полёт она пролежала без сознания, судорожно сжимая руку Эдуарда. И только когда носилки выносили из вертолётки, пришла в себя, и мужчина при солнечном свете снова заглянул молодой женщине в глаза. Не тёмно-синими они оказались, как показалось в полумраке, а светло-синими до неправдоподобности. Отогрела эта синева душевный лёд. За многие годы одиночества он впервые мог опять свободно разговаривать с женщиной. И Нина потянулась к нему всей душой. Но боялся Эдуард нового ожога души, и, ломая свои чувства, связывая их в тугий узел, не дал им воли. Слишком тяжелы были для него воспоминания, да и будущее было неизвестным.

Место падения самолёта и огромную территорию вокруг, как всегда, мгновенно объявили запретной зоной и доступ туда на многие годы простым смертным был запрещён.

Несколько дней пробыл майор Кронин в Сибирске, в больнице, куда их доставили. Почти всё время проводил в палате у Нины Поустьяновой. Родом она оказалась с северного Байкала. Синеву глаз Нина получила от сосланной в Сибирь матери-эстонки, а твёрдый характер от отца, забайкальца-гурана.

Арестовали офицера прямо в палате, предъявив обвинение: кража подотчётных денег. Вспомнил Эдуард, что ещё до командировки подписал документ, который подсунули ему в штабе, сказав, что это расписка о получении ста рублей командировочных. Только сумма оказалась теперь другая – несколько тысяч рублей. О пакете следователь ни разу не спросил. Он допытывался всё время у арестованного, куда делись деньги, которые он обязан был сдать по прибытии на Север. Там, естественно, получение денег не подтвердили, и следователь долдонил одно: майор Кронин просадил все деньги, играя в карты. Быстро нашли пару пьяниц, подтвердивших это.

Генерала нет в живых. Пакет должен был прибыть на место после его гибели. Но кому он предназначался? Куда может вести эта веревочка? Холодно стало от таких мыслей.

Страшная догадка озарила арестованного: его начальника просто убрали как пешку из игры, не посмотрев на жертвы, из-за нелегальных алмазов. Очень четко обозначилась логическая цепочка происшедшего: «Генерала убрали, не пожалев остальных пассажиров. Так даже лучше. Кто же подумает, что авиакатастрофа подстроена? Офицер связи, который по плану должен приехать только через несколько дней после своего начальника, будет сразу же арестован и не где-нибудь, а в столице. Обвинение ему приготовлено заранее. Пакет уходит по назначению, и все концы в воду».

Но начальник Эдуарда, очевидно, что-то заподозривший, забрал пакет, который стоил баснословных денег, с собой, и это нарушило чей-то тщательно разработанный на самом верху план. Генерал, занимающийся не совсем приличными делами, рассчитал, очевидно, ходы по-своему: всю вину свалить на посыльного. Пакет исчезает, будто никогда и не был он в руках генерала. Свидетелей-то при передаче не было.

Но устроенная авиакатастрофа и самовольство связного, улетевшего раньше планированного времени, смешало заговорщикам абсолютно все карты.

Эдуарду остается теперь только надеяться на то, что, проверив обломки самолёта и убедившись, что в кейсе есть часть алмазов, охотники за драгоценными камнями успокоятся. Поверят, что он ничего не знает и ни о чём не догадывается. В противном случае, ему несдобровать. Люди, которые стоят за этим делом, крови не боятся. Они это доказали самым страшным способом.

Нужно всё оставить, как есть. Понятны стали и казавшиеся очень странными вопросы, которые задавал адъютант генерала, срочно прилетевший в Сибирск. Он единственный из всех поинтересовался, почему пакет оказался у генерала.

Из следственного изолятора арестованного повели к прокурору. Его удивлению не было конца, когда увидел в кресле прокурора Степана. За четыре дня, что они провели вместе, спасённый пассажир ни разу не спросил своего спасителя, где тот работает. Охотник сам не пожелал рассказать, значит, есть для этого причина. Немало встречал офицер в тайге людей, которые были не совсем в ладах с властями, но чтобы прокурор прятался от цивилизации, такое он встречал впервые. Сухо поздоровались при конвоирах. Отправив их и плотно закрыв дверь, Степан попросил Эдуарда рассказать, почему его так жестоко преследует его начальство.

Такое давление сверху на областную прокуратуру Степан Николаевич Дубок испытывал впервые в жизни, и он своим выработанным годами чутьём понял, что здесь что-то нечисто. Очень дурным запашком несло от этого дела за версту, и стояли за ним высокие чины.

Эдуард решил не открываться прокурору. Помочь тот ничем не сможет, а меньше будет знать, лучше для него. Рассказал всё очень коротко, для протокола, не добавив ничего нового.

Прокурор сидел в кресле, играя карандашом и не глядя на арестованного. Слушал молча, не перебивая.

– Хорошо. Ты не захотел исповедоваться, и не надо. Может, так для тебя и для меня лучше. Но мой многолетний опыт мне подсказывает, что в гнилом болоте ты сидишь майор. По горло сидишь в дерьме и я навряд ли смогу тебе помочь выбраться оттуда. Единственное, что я для тебя сделаю, если ты, конечно, не против, это как можно быстрее оформим дело, и ты получишь сравнительно небольшой срок, и не в специальной зоне, как рассчитывают твои противники, а в зоне общего режима. Это пока ещё в моих силах. Думай. Но мой совет тебе – недолго. Твоё дело могут затребовать наверх, а там я помочь уже не смогу.

Новый перекрёсток судьбы оказался крутым разворотом жизненного пути. Из старших офицеров - в заключённые. Квартира и имущество конфисковано. Повёз специальный вагон бывшего офицера на родину, в Казахстан, на одну из знаменитых строек века, и не на год, а на целых пять. Побежали дни и месяцы нескончаемой чередой. Барак, промзона и обратно, и так изо дня в день.

Только многочисленная родня не бросила Эдуарда в беде, а большинство бывших сослуживцев не захотели иметь ничего общего с заключённым.

Ни одного свидания, которые были разрешены, родные не пропускали. По очереди приезжали все. Часто приезжала и меньшая сестра.

Однажды на общее свидание она явилась вместе с Ниной, которой не давали свидания, потому что не числилась родственницей. Но Эдуард ей сказал, что приехала она зря.

Боясь рассказать ей правду и не зная, как сложится его дальнейшая судьба, не хотел, чтобы и эта женщина была втянута в неприятную историю. Не мог мужчина предложить ей ни спокойного будущего, ни состояния. Так прямо и сказал. В ответ Нина посидела молча, а потом в присутствии сестры выдала, такое, что у бедного мужчины от удивления вытянулось лицо.

– Выслушай меня внимательно, мой дорогой, я тебе расскажу сейчас легенду, которую ещё от своей бабушки слышала.

«Жил в наших краях в прежние времена могучий седой Байкал и была у него красавица-дочь Ангара. Дороже Ангара не было у Байкала никого. Но жизнь берёт свое. Влюбились красавица Ангара и молодой сильный сосед Енисей друг в друга. Знала Ангара, что её отец, седой Байкал, никогда не отпустит дочь от себя. Поэтому и бежала влюблённая Ангара от отца тайком. Обнаружив побег дочери, разгневанный отец метнул ей вслед огромный камень-скалу. Упала скала и перерезала дорогу, но раздвоилась Ангара, охватила с двух сторон злой Шаман-камень и таким путем пробила всё же себе дорогу к своему любимому».

– Я оставила на Байкале мужа и любимое занятие. Устроилась здесь на работу. Сняла маленькую комнатку у пожилых людей недалеко от твоего лагеря, и ты можешь разрезать меня даже на четыре части, но так просто от меня не отделаешься. Ты думаешь, я не знаю, что и ты меня любишь? Глупый! Ты можешь себя обмануть или зажать в кулак, но не меня. Я видела, какими глазами ты смотрел на меня ещё там, в избушке, и не строй, пожалуйста, из себя человека, который своей же любви камни под ноги бросает, да притом ещё гордится своей твёрдостью. Ты даже сам не веришь тому, что говоришь.

Светлана бросилась Нине на шею, приговаривая: «Молодец. Так ему и надо. Ишь супер-герой нашёлся: всем и всегда он жертвует, а о тебе совсем не думает».

Мужчина сидел с покрасневшими ушами, как нашкодивший семиклассник, которого учитель застал во время поцелуя с девочкой.

Три щедрых подарка сделала, наконец, судьба Эдуарду Кронину, несмотря на то, что он был в заключении. Но сама же, удивившись своей щедрости, бросила вслед, как довесок, злой сюрприз.

Подарками были замечательные люди: Нина Поустьянова, Володя Шалшаев и Пётр Павлович Протопопов.

А злым сюрпризом оказалось то, что в разговоре с одним заключённым он совершенно случайно узнал, как трагически сложилась судьба его первой любви Лены Гизбрехт.

Мужчина, отбывающий срок за автомобильную аварию, упомянул фамилию погибшей при аварии женщины. Услыхав до боли знакомую фамилию, Эдуард

попросил рассказать поподробнее. Сопоставил время и спросил об отце девочки.

Аварийщик ничего об отце рассказать не мог, так как погибшая женщина никогда не была замужем. Приехала в их поселок, где каждый знал каждого, одна, и ни с кем ни в какие связи не вступала. Видимо, убежала от нелюбимого бедная женщина – решили все соседи – и спряталась от него в сибирской глуши. Мужчина хорошо знал погибшую, потому что жили они на одной улице. Разговор на суде шёл только о дальнейшей судьбе девочки-сироты.

Выходило, что Лена написала в записке неправду. Она ни за кого не вышла замуж. А ребёнок, родившийся у неё, по всем расчётам, мог быть только его... Но почему Лена убежала? Почему так просто, без всяких объяснений уехала, написав такую странную записку?

Ответов на эти вопросы он так никогда и не смог найти, но мысль, что у него где-то на свете есть дочь, которая одна пробивается через несладкую сиротскую жизнь, не оставляла его в покое.

С Петром Павловичем Протопоповым и Владимиром Шалшаевым Эдуарда подружил случай. Пригнали с Кавказа этап заключённых. Не поладили новые вынужденные жильцы этой зоны со старожилками. Не поделили власть две группировки блатных. Начались каждодневные разборки. Участилась поножовщина. Зону лихорадило каждый день. Все чувствовали, что назревает что-то серьёзное. Началось всё в один из выходных дней.

Трое новеньких, зажав в углу одного из молодых, но авторитетных блатных старожилков, одним взмахом ножа откромсали тому большой кусок ягодицы. Драка, как пожар, вспыхнула по всей зоне. Охране, не успевшей вовремя среагировать, осталось только ретироваться за территорию жилой зоны. Вокруговую на вышки примчались усиленные наряды с пулемётами. В побоище втягивались один барак за другим.

Кавказцы совершили ошибку.

Подавляющее большинство заключённых в зоне общего режима были всё-таки мужики, и именно их заделали горячие головы, вооружившись самодельными ножами. Ворвавшись в один из угловых барачков, кавказцы стали избивать всех подряд. Эдуард и с десятком мужиков вначале забаррикадировались в углу, не желая вмешиваться в драку, но остаться в стороне не удалось. Добрались и до них. Волосатая рука с ножом потянулась к одному из пожилых мужчин в группе, где стоял и бывший офицер. Не выдержал он. Сдали нервы. Напрягся всем телом и дал себе волю. Пустил в ход силу и умение.

Рывок вперёд-вбок – и нападающий бандит подавился собственным «яблочком»: ребро ладони оказалось крепче горла. Разворот в пол-оборота – и тяжёлый, подкованный кирзовый ботинок приподнял следующего нападающего на полметра от пола. Третьего достал головой в подбородок.

Рядом с бойцом-одиночкой, плечом к плечу, встал ещё один крепкий мужчина. Вдвоём стало веселее. Прикрывая друг друга, стали, словно зерноуборочные машины, очищать вокруг себя территорию от блатных. В ход пошло всё, что было под рукой – от табуретов до брусьев половой настилки.

На территорию жилой зоны забегали лишь безоружные офицеры и сверхсрочники, требуя порядка. Но что мог поделать десяток людей с сотнями дерущихся? Зато несколько тысяч мужиков, вооружённых немислимым оружием, взяли дело в свои мозолистые руки и загоняли всю блатную шуштуру толпами в запретную зону за колючую проволоку, а там с этим шутки были плохи.

Несколько длинных очередей из пулемётов заставили опустить головы ниже «колочки» и лечь на живот. Восемь человек погибло в этот день в исправительно-трудовой колонии номер «ХХ», а раненых и покалеченных, вообще, было не счесть. Не один десяток санитарных машин развозил по всем соседним зонам в санчасти пострадавших. Даже все больницы в ближайшем городе были переполнены ими.

Отогнали этапы с зачинщиками побоища во все стороны подальше от этих мест. В зоне установился относительный порядок. Некоторые из оставленных в лагере блатных поинтересовались позднее, кто всё же такой Кронин. Один из пожилых немцев, отбывающий свой срок за веру, объяснил им, как мог, что фамилия Кронин обозначает не что иное, как корону. Так кличка «Корона» приклеилась к заключённому против его воли навечно.

Узнали и про странную судимость и поняли, что с этим бывшим офицером, который дерётся получше любого мастера спорта, лучше не связываться. Кто знает, какие люди за ним стоят?

Пожилым мужчиной, которому Эдуард спас жизнь, оказался Пётр Павлович Протопопов, отбывающий большой срок за хищения в особо крупных размерах социалистической собственности. Соседом и помощником в драке был разжалованный офицер-десантник Владимир Шалшаев.

Где лежат истоки мужской дружбы, наверное, никто объяснить не сможет. Рождается дружба – и всё тут, иногда вопреки всякой логике.

Несмотря на немалую разницу в годах, очень близко сошлись три совершенно разных человека. Поверили друг другу безоговорочно. Пётр Павлович был первый человек, которому Эдуард рассказал всё, не утаив и то, что взял из генеральского кейса и спрятал большую часть алмазов. Пётр Павлович посоветовал ему не дергаться и замереть. Прикидываться и дальше человеком, который ни о чём не догадывается.

Неплохой человек, Пётр Павлович всё же и с близкими друзьями не был любителем общей кассы. Согласившись помочь своему спасителю материально, взял он всё-таки в расчёт и то, что тот владеет несметным богатством. Хорошей гарантией служили алмазы, находящиеся в укромном месте.

– Знаешь что, мой любезный, пусть алмазы будут твоим неприкосновенным запасом. Ты ихпустишь в ход только в крайнем случае. Если нужны деньги не только для тебя, конечно, но и для Нины, ты только скажи. Она ни в чём не будет знать нужды, это обещаю тебе я, Пётр Протопопов. Я прекрасно понимаю, на какие жертвы пошла эта женщина ради вашей любви, и готов помочь ей. Тебе не нужно ничего знать и ей говорить ничего не надо, дай мне только адрес, где она живёт, остальное тебя не касается.

При следующем свидании, которого всё же добилась Нина, выдавая себя за невесту и вручив нужному должностному лицу приличную взятку, она рассказала историю, похожую на сказку.

Постучала как-то к ней незнакомая женщина и, спросив фамилию и имя, вручила красивую женскую сумочку.

Вежливо попрощавшись, быстро ушла, так ничего и не объяснив. В сумочке оказалась такая сумма денег, что на них можно безбедно прожить десять лет, не работая. Нине даже страшно стало.

Эдуард успокоил любимую женщину, объясняя, что, мол, всё правильно. Деньги пришли по правильному адресу, но лучше всего никому про них не рассказывать, даже людям, у которых она живёт. Если есть возможность, то в зону передавать хорошие передачи, а он рассчитается с человеком, который им

так помогает. И ещё посоветовал, как можно быстрее оформить развод с мужем, чтобы они могли официально зарегистрировать свой брак. Денег на дорогу и на взятки чиновникам должно хватить, если же нет, принесут ещё, сколько нужно. Нина не должна стесняться тратить деньги для пользы дела, а коль нравится, то и без пользы, если это приносит ей удовольствие.

Заключённый Кронин отбыл уже больше половины срока и надеялся на амнистию или, по крайней мере, на вольное поселение, попросту говоря, «на химию».

За все те годы, что бывший офицер провёл в заключении, он ни разу не заметил за собой слежки или наблюдения. Очевидно, успокоились всё же люди, охотившиеся за несметным сокровищем. Пришли к выводу, что камни исчезли в тайге навсегда. Возможно, что и совсем другие дела отвлекли их от происшедшего. Уж больно круто и быстро менялся курс всей государственной политики, и под откос летели не только генералы и маршалы, но даже люди, которые управляли целой империей. В последнее время даже почувствовал какую-то опеку над собой.

Его дело прошло без обычных проволочек кассацию, и совсем неожиданно Эдуард оказался на воле. При прощании с Петром Павловичем, которому оставалось отбыть еще небольшой срок, он спросил его, не он ли приложил руку к такому быстрому освобождению?

– Не надо спрашивать того, на что я всё равно не могу ответить, – сказал в ответ Пётр Павлович и продолжил: – Ты поезжай-ка вместе с Ниной в Сибирск. Времена, как видишь, очень круто меняются. Обратись к человеку по такому-то адресу. Скажи, что ты от меня. Он выдаст любые суммы, которые тебе будут нужны, и даже список моих должников. Энергии вам обоим не занимать, вот и займитесь хорошим бизнесом. Быстро вложите деньги, которые будут в наличии, в дело или превратите в металл, камни, в любые природные ресурсы. Я для такого дела староват, а вы с Ниной подходите в самый раз. Откройте что-нибудь похожее на ювелирное производство, но только порознь. Желательно основать совместные предприятия с иностранцами, так вы будете гораздо лучше застрахованы от наших чинуш. Бумажных денег не жалейте. Вспомни керенки. Такие же времена могут и сейчас очень скоро наступить. Сам не выпячивайся. Дела старайся проворачивать под прикрытием иностранцев, всё же, какая ни есть, но гарантия. Будь чист. Пожалуйста, не лезь ни в какие противозаконные дела. Ты мне очень нужен будешь через годик. Загрузи больше Нину, и мой тебе совет: повремени с оформлением брака, порознь вам будет легче работать.

Не зря она торговле шесть лет училась, пусть теперь на практике покажет свои способности. Не бойтесь риска. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Мне тоже не очень много осталось быть в неволе, но в ваши дела вмешиваться не буду. Это всё советы старого человека, битого не только бывшими режимами... Интуиция всё же необъяснимая, но великая сила. Даже за колючей проволокой почувствовал Пётр Павлович скорую кончину советского рубля. А капиталец он собрал немалый и лучшего полномочного гонца на волю, чем Эдуард Кронин, найти было нельзя. Потомок купца по-дружески, но и не без личной корысти, открыл ему неограниченные кредиты.

– У меня к тебе личная просьба, – добавил он напоследок. – Присмотрись к старому заброшенному зданию театра на окраине города. Если подвернётся тебе случай каким-нибудь образом его приобрести, не медля, подай мне весточку. Хочу под старость лет своей жене доставить радость. Послушать

вместе с ней хорошую музыку и песни из глубины нашего народа. Отдохнуть под старость не только телом, но и душой.

И снова крутой поворот на жизненном перекрёстке. Эдуард и Нина, снабжённые Петром Павловичем Протопоповым стартовым капиталом, через пару лет превратились в преуспевающих бизнесменов, ведущих дела со многими иностранными фирмами. Удивительно сговорчивы были иностранцы, когда дело касалось инвестиций в реставрацию Народного театра. Подозрительно сговорчивы. Инвестировали средства без всяких бюрократических проволочек.

Гораздо больше проблем возникало обычно с местными чинушами. И только гораздо позднее раскрыл Пётр Павлович своему доверенному тайну такой щедрости. Не свои деньги подавали щедрой рукой спонсоры.

Театром, в основном, занимался Эдуард, а Нина вела торговые и промышленные дела.

Работы было невпроворот. Нина оказалась настоящим мастером по делам планирования, руководства и торговли. Практически все хозяйственные и управленческие дела вела она сама. Эдуард же больше был в деловых, снабженческих разъездах. Впечатлительная женщина после авиакатастрофы ужасно боялась летать на самолётах, а поездки по железным дорогам требовали очень много времени, и они по обоюдному согласию разделили обязанности.

Вопреки совету Петра Павловича, всё же поженились, но каждый оставил свою фамилию, чтобы не так бросалось в глаза завистливым людям, а таких во все времена хватало.

Жили душа в душу. Так, как люди нашедшие, наконец, тихую счастливую бухту любви. Такой гармонии двух людей можно было только удивляться и по-хорошему позавидовать.

Вовсе не нужно день-деньской ходить по улицам, держась за ручки, и демонстрировать свои сильные чувства. Зачастую всё это показное. Каждый при этом старается обмануть другого наигранным наружным проявлением, а настоящих чувств, которые идут из самой глубины души, именно в этих случаях, как правило, нет.

Не оставляла Эдуарда мысль, что где-то у него есть дочь. Написал в далёкий северный посёлок, где проживала, по словам водителя-аварийщика, Лена Гизбрехт. Просил сообщить данные о дочери. Ответ пришёл нерадостный. При весеннем половодье здание сельского совета смыло водой, и архив утонул вместе с ним. Тётка, у которой проживала Лена с дочерью, давно умерла. Свидетелей, которые могли бы рассказать о дальнейшей судьбе девочки, не нашлось. Только одна из соседок припомнила, что будто бы девочку отправили в какой-то интернат в Казахстан. Дальнейшие розыски привели в детский дом в глубинке Казахстана.

Выбрав время посвободнее, съездил сам в те места. Дряхленькое помещение архива, которое было построено в отдалении от главного корпуса, выгорело почти дотла. Пожарники установили, что причиной пожара была старая электропроводка и негодная крыша. Дождевая вода протекала всюду, а заниматься ремонтом было уже некому.

Многие из обслуживающего персонала детского дома ушли на пенсию, а большая часть разъехалась по другим местностям: немцы – в Германию, а русские подались в Россию. Началось опять великое переселение народов, но только теперь в обратную сторону.

Практически детский дом числился уже только на бумаге. Воспитанников не было никаких, персонала тоже, за исключением сторожа, который рассказал

Эдуарду немного. Но одну очень важную деталь он всё же выяснил, и ему стали понятны все неудачи розыска. Не знал водитель, совершивший аварию, что не фамилия матери, Лены Гизбрехт, у Айфы, а своя – Вайзенкинд. Никаких подробностей о дочери сторож сообщить не смог, только дал адрес подруги Айфы Вайзенкинд, которая поступила в ЮжПИ. При первой возможности побывал и в городе Южном, где училась подруга дочери. Оказалось, что подруга несколько лет назад погибла при очень странных обстоятельствах, и на этом все надежды найти при помощи подруги дочь тоже оборвались.

Розыски дочери Эдуард не прекращал, хотя при всей учётной неразберихе во вновь образовавшихся странах ответы на запросы приходилось ждать очень долго. Не думал страдающий отец, что не в Казахстане живёт его дочь, а в России, и даже в одном городе с ним.

Занимаясь делами театра и как-то роясь в старых списках, случайно наткнулся на очень редкую фамилию Вайзенкинд. Непослушными руками стал листать личное дело артистки. Выходило так, что именно в этом пыльном грязном театральном чулане, куда свалили все ненужные бумаги, случайно наткнулся он на следы своей дочери, которая, может быть, и проживала где-то совсем рядом. Не веря в такую удачу, навёл кое-какие справки. Оказалось, что всё именно так и есть: Айфа Вайзенкинд живёт в настоящее время в Сибирске. За неимением постоянной работы в театре перебивается случайными заработками: пением на различных оргвечерах.

Найти, где живёт Айфа, и выявить круг знакомств было делом техники. Подежурил мужчина несколько дней у дома, где жила девушка. А когда в первый раз увидел её, все сомнения насчёт родства мгновенно рассеялись. Айфа настолько была похожа на Лену, что ошибки не могло быть никакой.

Больше часа просидел мужчина, нашедший, наконец, свою дочь-сироту, уткнувшись лицом в мокрую баранку. Не мог он ехать, не слушались ни руки, ни ноги. Всё пережил за это время вновь. Встречу с Леной, вечера, проведённые с ней.

Айфа была повыше Лены ростом и телосложением покрепче, но сходство было поразительное.

Эдуард решил дочери пока не раскрываться, но всё до мельчайшей подробности рассказал Фриде Альбертовне и Петру Павловичу. Вместе разработали предварительный план, но первым с девушкой должен был поговорить он сам.

Вспомнил Пётр Павлович про своего тюремного должника Аркашу Шамова. Его и использовал Эдуард для организации знакомства с Айфой, правда, не объясняя ему всех подробностей. На счастье, оказалось, что Аркаша лично знает Айфу Вайзенкинд и даже учился с ней вместе. Аркаше была поставлена задача познакомить его с Айфой, и только.

Шёл отец на встречу со своей дочерью, зажав нервы в кулак и надев на лицо маску равнодушия, но если бы ему кто-то в это время измерил пульс, то измерительный прибор показал бы верхний предел.

*Плицы – совки большого размера, предназначенные для перекидки сыпучих грузов, с двумя ручками.

5 глава. Фрида и Пётр

Имена настоящих предков Петра Павловича Протопопова можно найти в списках первопроходцев Сибири. Где мечом, где огнём, а где и торговлей продвигались из средней полосы России всевозможные отряды, ватаги, религиозные общины и просто семьи всё дальше на восток. Шёл, брёл и ехал разношёрстный люд. От землепашцев до последних бродяг, которым безразлично было, где жить, была бы лишь возможность грабить и не работать. Много было беглых крепостных, но не меньше и каторжан-уголовников, которые только разбоем и жили. Стонали от этого нашествия местные племена, но против стихийной силы не устоишь. Уходили извечные охотники всё дальше вглубь лесов, но и там доставали их лихие люди, а порой и царские солдаты.

Предки Протопопова занимались в основном торговлей. Передавалось это ремесло из поколения в поколение. Вначале носили товары заплечными коробами-корзинами и таскали по бездорожью на волокушах. Позднее оседали на реках. Летом на судах, а зимой санными обозами по льду доставляли товары в отдалённые глухие места. Товары свои меняли на пушнину.

Капитал в роду постепенно нарастал, и отец Петра Павловича, имеющий европейское образование и получивший огромное наследство, осел в Сибирске. Имел к тому времени уже немало судов по сибирским рекам, которые уходили с товаром до Ледовитого океана. Дела шли хорошо. Продавал первоклассное кедровое масло и роскошную пушнину оптом и в розницу сибирский купец. Торговал со многими европейскими странами, где в солидных банках складывались довольно большие суммы. Царские рубли по тем временам имели приличный вес на всём европейском рынке. Россия в расцвете своих сил строила в Париже мосты через Сену, православные церкви в Германии и железные дороги у себя дома тысячами километров в год. Поговорка «рубель катится» и сегодня ещё в ходу у представителей старшего поколения не одного западного государства.

Пожились родители Петра Павловича Протопопова в Германии, в городе Дармштадте, который стоит на земле Гессен недалеко от одного из крупнейших городов Германии – Франкфурта-на-Майне.

Обвенчались молодые в православной церкви этого же города. И повёз урождённый сибиряк с европейским образованием молодую жену-германку в далёкую Сибирь. Но была она влюблена в своего мужа настолько, что не испугалась лютых сибирских морозов, которыми пугали бедную девушку все, начиная от близких подруг и заканчивая всеми родственниками без исключения.

Жила купеческая семья в добротном доме, построенном на берегу большой судоходной реки. Капитал богатый купец имел уже немалый и по просьбе своей жены построил, заказав архитектора из-за границы, первый в этих краях театр.

Первая мировая война серьёзного урона торговле не нанесла, наоборот, появились большие многочисленные заказы.

Революция же сломала всё.

Взяв пример с политических лидеров-революционеров того времени, отец Петра Павловича тоже заблаговременно приобрёл себе и жене надёжные

документы, в которых изменил не только своё имя, но и фамилию. Слишком известной была его настоящая купеческая фамилия и невыносимо резала слух пролетарским лидерам, которые, кроме лозунгов «ломай» и «круши», ничего больше не знали и знать не хотели. Пришедшие к власти недалёковидные правители призывали ломать старый мир и лишь после его полного разрушения обещали построить новый, но самый лучший на земле.

Ломать всегда просто. Строить сложно, и зачастую новая постройка разрушается раньше, чем закончена, особенно если фундамент гнилой.

При вновь наступившей власти интеллигентность и ум были прокляты на много лет вперёд. Маузер, наган, зло, хитрость, изворотливость и ненависть стали властвовать повсюду.

Жене предусмотрительный купец добыл настоящие документы немки-колонистки, рождённой на Волге. Слишком опасно было приписывать ей русскую родословную, так как наличие германского гессенского акцента в её речи было очевидно.

Несколько лет назад у одного из приятелей купца умерла прислуга-гувернантка, а документы запасливый человек сохранил на чёрный день. Они пришлись очень кстати.

Детей у Протопоповых к тому времени ещё не было, и они, взяв только саквояжи и чемоданы, навсегда покинули родные края Павла. Осели на Дальнем Востоке. Эмигрировать не удалось, да и не очень хотелось покидать Россию.

Родина была не просто словом для Павла Протопопова. Это было что-то гораздо большее, и понимал он его по-своему, но ничем не мог помочь своей бедной Родине. Передал сыну, когда тот повзрослел, свой завет: «Если когда-нибудь возникнет возможность, то верни театр народу. И не просто верни, а приложи все силы, чтобы он опять доставлял радость людям».

Устроился бывший богатый купец простым скромным служащим в государственном банке и зажили они с женой тихо и мирно. Единственный сын появился на белый свет после многих лет семейной жизни. Этим сыном и был Пётр Павлович Протопопов, который со своими предками ни по фамилии, ни по прежнему социальному статусу официально ничего общего уже не имел.

Был Петя тихим, скромным, но здоровым и рослым мальчиком. Волнистые каштановые волосы красивой шапкой украшали голову Петра. Не одна его одноклассница думала тайно о красивом парне, но он был словно не от мира сего. Никакого различия между ребятами и девушками для него не существовало, в отличие от многих его одноклассников, которые страдали от любви, писали любовные письма и назначали девушкам свидания. В детские и ранние юношеские годы он увлекался только музыкой, которой его заразила мать. Она и научила его понемногу играть на многих музыкальных инструментах, а особенно хорошо на скрипке. В школе учился прекрасно. Учителя не могли нарадоваться на послушного ученика.

Войну семья прожила без особых осложнений. Отца по старости и болезни не трогали, и он исправно нёс свою службу в банке. Голода семья не знала. Припрятанное умным купцом золото было в цене всегда.

Что нельзя было купить за деньги, то можно было обменять на золото. Нужно было только знать, с кем вести дело, а этому не надо было учить опытного предпринимателя. Видно, отложилось и сохранилось за столетия в генах у предков не одного поколения, как обходить подводные камни опасности, сопряжённые с торговлей. Так и прожил Павел со своей женой до смерти под чужой фамилией вдалеке от места своего рождения.

Под чужим именем прошла скромная жизнь простого советского служащего. Счета на его имя в иностранных банках намного превышали шестизначное число и ключ к ним был у него, незаметного банковского служащего, проживающего в более чем десяти тысячах километров от места хранения сокровищ. Основной частью капитала, хранимого в надёжных сейфах, были не наличные деньги, а драгоценности, притом драгоценности высшего качества и от лучших ювелиров мира.

Не зря изучал грамотный купец не только экономику, но и историю, которая приводит множество примеров падения казавшихся вечными безграничных империй.

И сбережения откладывались им большей частью в золоте, золотых царских рублях или же в драгоценных камнях и украшениях. Места занимали эти вещи немного, а цена с годами росла сама по себе и притом без всякого риска для их владельца.

Единственным наследником всего этого состояния был Пётр Павлович Протопопов. Отец перед смертью, оставляя ему, уже взрослому мужчине, ключи и шифры, завещал помочь бедным церквям, а основные средства тратить на помощь школам и театрам.

Многие года наблюдая за тем, как извращается сама идея коммунизма, бывший купец, меценат и тайный сторонник революции одновременно, пришёл к выводу, что новая диктаторская система большевиков нежизнеспособна и кончина её неизбежна. Но ошибся в своих расчётах неглупый человек. Не дождался он при своей жизни конца режима. И не раз жалел позднее о том, что немало вложил своих средств в помощь делу революции.

Многие из политических эмигрантов России жили в неплохих гостиницах и отелях за границей, а их счета оплачивали банкиры купца Протопопова.

Родители посещали все театральные представления и маленького Петю никогда не оставляли дома.

Больше всего мальчик любил музыку. Мог часами играть на скрипке, забыв о времени. Мать, заметив тягу сына, не стала препятствовать его желаниям. Мальчику наняли репетитора.

Но молодой, подающий большие надежды скрипач, по хваткости не уступающий своему отцу, жизненный путь стал прокладывать по-своему.

Родители были шокированы, когда сразу же после школы сын в самой категорической форме заявил, что он поступит учиться в университет города Сибирска, но не на музыкальный факультет.

Почему именно Сибирск, удивлялись они, но сын был твёрд и настоял на своём. Крепя сердце родители дали согласие. Не знали они, что причиной настойчивости сына была маленькая сероглазая девчушка.

Как-то во время летних каникул Петра, ученика выпускного класса, отправили с группой лучших школьников-музыкантов в далёкий Сибирск с концертом на слёт учащейся молодежи. Ходили толпами с одного концерта на другой. Выступали и сами. На одном из концертов, который давали ученики местной школы, молодой скрипач был очарован выступающей девушкой. Парень словно проснулся. Маленькая певица была первой девушкой, которая его заинтересовала, и не просто заинтересовала, а пленила и очаровала на всю оставшуюся жизнь.

Такого чудного голоса Пётр в своей жизни ещё не слышал и решение пришло мгновенно: он должен узнать, кто она такая, и непременно с ней познакомиться.

У молодёжи всего мира и всех времён нет, не было и, очевидно, не будет той консервативности при знакомстве, какая бывает у взрослых.

Парень подошёл к девушке после концерта. Представился. Разговорились. Оказалось, что она слышала его игру на скрипке и осталась довольна. Призналась даже, что впервые увидела такого молодого скрипача. Глядя снизу вверх на рослого парня, невысокая девушка сказала, что по своему крепкому виду он больше похож на атлета, чем на скрипача.

Так свёл случай двух молодых людей: Фриду Альбертовну Антонову и Петра Павловича Протопопова.

Расставались они порою и на года не по своему желанию, но вместе остались на всю жизнь. Оба оказались однолюбам и были верны друг другу до самого конца, несмотря на то, что жизнь их не щадила.

Родилась Фрида в интеллигентной семье учителей в Сибирске. Отец, Альберт Штейгер, был сослан ещё в первую мировую войну в Оренбуржье с юго-западной Украины. Отучился в школе. Повезло грамотному, начитанному парню. Отправили Альберта на годичные курсы учителей, которые он закончил с лучшей аттестацией. По распределению попал в один из небольших городов на Урале. Работа ему нравилась. Очень много занимался с молодёжью, но был своего рода бельмом на глазу у местных властей: слишком уж много читал молодой учитель, да притом не только Ленина и Маркса. Директор школы, неплохой человек, в доверительной беседе посоветовал Альберту, как можно быстрее убраться из этих мест, мол, есть у тебя здесь недруги, и они могут очень скоро отправить туда, откуда далеко не все возвращаются. Очень рисковал этот мужественный человек, но верил он Альберту и желал ему только добра.

Послушался молодой учитель совета доброго человека и при первой же возможности, сославшись на семейные обстоятельства, уехал из красивого уральского города, в далёкую незнакомую Сибирь.

При следующей волне репрессий не оказалось в списках арестованных умного молодого учителя, который слишком много знал о непристойных делах местных комиссаров. Успел он вовремя уехать в далёкую Сибирь, как вольный поселенец. Осел в городе Сибирске.

И снова судьба оказалась милостива к Альберту Штейгеру. Срочно нужен был учитель немецкого языка, и ему предоставили место в одной из городских школ. Встретил прекрасную душевную женщину Аллу Андреевну Антонову, которая работала учительницей в этой же школе. Полюбили друг друга. Сыграли скромную свадьбу. Вскоре родилась дочурка Фрида. Отец, зная по своему опыту, что такое жить с немецкой фамилией, настоял на том, чтобы дочь была записана на фамилию матери.

Убедил жену, что так будет лучше для дочери, не придётся ей постоянно отвечать на дурацкие вопросы чинуш, на которых немецкая фамилия действовала, как красная тряпка на бешеного быка.

Войну прожили голодно. Семью оставили в городе. Опять помогла Альберту Штейгеру профессия. Позарез нужен был преподаватель немецкого языка на краткосрочных курсах переводчиков. Военный комиссар города, коротко переговорив с молодым учителем, решил все вопросы за несколько минут. Жалование назначили даже больше, чем простому преподавателю школы, плюс дополнительный паёк. Для троих было не очень густо, но с голоду не умерли.

Фрида была с детства приучена бережно обращаться с хлебом и это уважение она пронесла через всю свою жизнь. Голодные военные годы отпечатали в детской памяти нестираемые следы. В школе ничем особенно не выделялась,

но училась хорошо. В старших классах стала петь в хоре. Учительница пения из соседней музыкальной школы, которая вела хоровые кружки, обратила внимание на тихую маленькую девушку, даже на стул сажающуюся осторожно, с краешка. Она никогда не шумела, как все. Становилась бочком где-нибудь сзади, и только во время пения её звонкий чистый голос чётко выделялся из всех. Однажды руководительница хорового кружка попросила девушку остаться после занятий. Побеседовала с ней. Девушка, ужасно краснея, отвечала на вопросы руководительницы.

Оказалось, что Фрида очень любит петь, но стесняется, и только в хоре, где она теряется, как в толпе, начинает забываться и голос её приобретает твердость и силу.

С этого дня всё изменилось. Смогла мудрая женщина, педагог не только по образованию, но и по призванию, убедить скромную девушку, что не стесняться надо ей своего голоса, а гордиться им. Такое богатство даётся не каждому и прятать чудесный голос, который может принести радость многим, нехорошо.

Так появилась на сцене молодая, но очень талантливая певица, голос которой, действительно, радовал многих людей, заставляя их сердца биться в одном ритме с исполняемой песней.

Отец оказался прав. Фамилия «Антонова» никогда и нигде не вызывала неудобных вопросов. На всех объявлениях и афишах она выглядела совсем обычно и не обращала на себя внимание бдительных блюстителей комиссарско-коммунистической морали.

Молодую талантливую певицу без особых препятствий приняли в институт родного города Сибирска. Защищала честь института на всех конкурсах, где без труда занимала призовые места. Ребята толпами преследовали бедную девушку. Приходилось даже прибегать к некоторым уловкам, чтобы отвязаться от слишком настойчивых кавалеров. Объявила, что выходит замуж. Это не соответствовало действительности. До замужества было ещё далеко.

Причиной же всему был парень, которого впервые повстречала Фрида ещё учась в выпускном классе школы.

Пётр подошёл после одного из летних концертов на открытой площадке. Заговорил с ней так, будто они были знакомы уже много лет. Узнала в нём парня-скрипача с Дальнего Востока. Игра его понравилась, хотя девушка обратила внимание, что чего-то не хватает в его исполнении. Не смогла бы объяснить, чего именно, но что-то было не так. А парень понравился с первого взгляда. Две недели, которые Пётр пробыл в городе, пролетели, как один миг. Виделись каждый день. Фрида показывала Петру свой любимый Сибирск. Много рассказывала о себе и о городе. Тихая, малоразговорчивая девушка наедине с приезжим парнем превращалась в другого человека. Её было не узнать. О чем только ни говорила она с ним. И в каждой теме находили они что-то общее. Если бы кто-нибудь из знакомых мог послушать девушку в это время, они были бы изумлены.

Открыл ей Пётр и свою тайну. Оказалось, любит он музыку не настолько, чтобы выбрать её профессией на всю жизнь. Играть иногда для души и для себя это одно дело, но день-деньской заниматься ею он не хочет и не будет. Не лежит душа, а насиловать себя – это значит превратить то, что тебе дорого в нелюбимую работу. Нет, на такое он не пойдёт. Он чувствует, что стать лучшим из лучших при таком настроении не сможет, а быть одним из многих он не хочет и не будет никогда.

Поняла теперь Фрида, чего не хватало в игре скрипача. Ему не хватало той одержимости, таланта, которые как раз и выделяют настоящих виртуозов из ряда многих хороших и даже очень хороших музыкантов. Она ему так открыто и сказала.

Парень не обиделся на откровенность девушки, наоборот, подтвердил, что она сумела лучше выразить в словах то, что он сам не смог.

Эти две недели Пётр и Фрида очень часто вспоминали всю жизнь, благодаря судьбу за то, что дала им возможность встретиться на одном из жизненных перекрёстков. При прощании они дали друг другу слово верности, которому оба не изменили до самой смерти.

Поехал Пётр домой на Дальний Восток, убеждённый в том, что в скором времени теперь уже навсегда приедет в ставший ему таким близким город Сибирск.

Сдав отлично выпускные экзамены и получив благословение родителей, отбыл из родительского гнезда Пётр Павлович Протопопов навсегда.

Время от времени посещал он и родителей, и друзей детства, но дальнейшая его жизнь прошла далеко от родных мест. Поступил в тот же институт, где позднее стала учиться и Фрида, но только на другой факультет.

Пошёл сын по стопам отца. Видно, гены – всё же очень серьёзная вещь. Задачу свою они выполняют беспрекословно.

Не помогли старания матери увлечь своего единственного сына музыкой навсегда. Молодой человек увлечения музыкой не оставлял, но по призванию он был совсем другой натурой. Играл на скрипке, но только когда было настроение и для близких друзей. Профессию же выбрал иную. Его мир был миром бизнеса, и здесь он не знал себе равных.

Студенческие годы Пётр Павлович Протопопов и Фрида Альбертовна Антонова провели вместе. Он настаивал на том, чтобы пожениться, но она проявила свой характер, настояв всё же на своём: они поженятся лишь после того, как закончат учебу.

Пётр был активен. Принимал участие во всех общественных мероприятиях института. Неоднократно приходилось ездить по стране по комсомольским делам. Сразу после защиты диплома ему неожиданно предложили очень серьёзную работу в Москве. Переговорил с невестой. Спросили совета у её родителей. Все вместе пришли к выводу, что терять такую возможность нельзя. Решили, что если дела в Москве пойдут хорошо, то молодые, поженившись, переедут жить в столицу.

Два года проработал молодой специалист в столице, так и не поняв, зачем вообще его забрали в центр. Только много позднее узнал, что к нему там просто присматривались и проверяли.

Приказом по министерству, но по негласному повелению свыше, назначили Петра Протопопова директором государственного банка города Сибирска. Для него и Фриды всё складывалось наилучшим образом. Молодая певица очень не хотела оставлять родной город и теперь могла заниматься любимым делом у себя дома, в Сибирске.

Поженились, наконец, люди, любящие друг друга без памяти уже немало лет. Побегали лучшие годы жизни. Пётр, которому предоставили большую свободу действий, занимался любимым делом – финансами. Фрида выступала в различных местах, начиная от больших сцен до промышленных цехов на заводах, но больше всего ей нравилось выступать в бывшем Народном театре на окраине города.

Сцену вскоре пришлось оставить, так как появилась у счастливых родителей маленькая горластая девочка Оля. Тишина наступала теперь в доме тогда, когда малышка спала. И откуда только брался голос у такого маленького существа. Кричала почти всё время между кормлениями и сном. Возили маленькую крикунью по известным врачам, но диагноз был везде один и тот же: ребёнок здоров. Около года в доме не было покоя, а потом как ножом отрезало. Успокоилась девчушка, выкричала, очевидно, ненужную энергию. После смены власти в державе наступила некоторая политическая оттепель. Директора банка всё чаще стали отправлять по делам центра в командировки за границу. Посещал почти все крупнейшие банки мира. Имея всю информацию от умершего отца, Пётр Павлович совсем незаметно для посторонних производил разведку насчёт средств и счетов, переданных ему, как единственному наследнику.

Оказалось, что почти всё осталось неприкосновенным и даже приумноженным во много раз. Только счета в нескольких мелких банках, которые не пережили всех встрясок двух войн, были потеряны.

Кто охранял его во время командировок, банкир не знал, но что охрана при нём имеется и притом самая надёжная, он не сомневался. Удивился бы он, если узнал, что охраняли его за границей люди из «Комитета».

Охранники были из «Комитета», но из отдела, который не проходил ни по каким документам. Не существовало такого отдела официально ни в «Комитете», ни в одном из других министерств страны. Невидимки охраняли Петра Павловича все годы в поездках за границу и исчезли они с лица земли незаметно и тихо, вместе с несуществующим нигде на бумаге отделом, унося важную информацию с собой в могилу. Он, банковский гений Протопопов, очевидно, единственный, который выжил, и то только потому, что сумел просчитать вперёд, что за его заграничными делами кроется что-то большое и незаконное, и застраховаться от очень серьёзных неприятностей. Банкир был нужен государственным мошенникам как живой ключ ко многим вновь открытым счетам, на которые из далёкого сибирского банка окольными путями, через многих посредников, текли государственные и партийные деньги на личные счета самых высокопоставленных лиц в государстве.

Не только застраховался потомок купца, но сумел совсем незаметно пристроить боковые каналы к рекам денег, текущим за железный занавес, и отводить часть их на особые счета, к которым, кроме него, никто уже больше доступа не имел.

О наличии дважды незаконнорожденных счетов, естественно, никто не догадывался. Не доверяя другим, каждый из властителей скрывал, как мог, свои чёрные дела. Именно этим сумел воспользоваться Пётр Павлович. Украденные властителями народные деньги он ополовинил ещё раз, теперь уже забирая часть у воров, незаметно для них самих.

Года летели незаметно. Обзавелись постепенно супруги всем необходимым, чтобы принимать важных гостей. Трехэтажная дача в лесу. Огромная квартира в городе. Шикарный лимузин у крыльца. Но какое-то беспокойство чувствовалось в семье. Дочь часто бастовала против устоявшихся семейных порядков. Нельзя было сказать, что Оля не любила родителей, но, когда к школе подъезжал персональный автомобиль отца и все её подружки, хихикая, показывали на неё пальцем, она выходила из себя. Дома закатывала страшные истерики. Не хотела подросшая девушка выделяться среди школьных подруг.

Отец же не мог объяснить дочери, что он боится за её жизнь. Чувствовал банкир, занимающийся нелегальными делами, что за его спиной что-то двигается, шевелится, но разобраться, кто за ним наблюдает, не мог.

Всё произошло в один из обыкновенных дней. Подъехала к даче легковая машина. Вышли трое мужчин. Один из них нёс в руке небольшой чемоданчик. Четвёртый остался сидеть за рулем. Позвонили. Оля, видевшая их в окне, подумала, что это, как всегда, приехали гости. Она без лишних вопросов открыла дверь. Вошли к ним мужчины, как к себе домой. На ходу быстро одели перчатки. В прихожей «гости» разделились, очевидно, очень хорошо знали планировку комнат. Один из вошедших, грубо схватив девушку за плечо, развернул её и повёл в гостиную. Двое других аккуратно и умело задёрнули шторы на первом этаже. Фриды Альбертовны и Петра Павловича в этот день не было на даче, и непрошенные гости знали об этом. Всё планировалось, наверное, иначе, с расчётом, что в доме никого не будет. Оля нарушила чьи-то планы. Она, почувствовав в этот день недомогание, не пошла в школу. Мужчины, подходя к зданию дачи, неожиданно увидели выглянувшую в окно девушку. Но отступить было поздно и опытные взломщики симпровизировали прямо по ходу действий. Один из мужчин, выглядевший старше других, спросил у девушки, где находится сейф отца. Она сказала, что сейф находится на третьем этаже в кабинете, но, мол, зря стараетесь, отец никогда дома деньги не держит. Молчаливо улыбнувшись, старший показал рукой на лестницу. Толпой отправились наверх. Мужчина с чемоданом, шедший первым, занялся сейфом.

Старший встал у балконной двери и время от времени, стараясь остаться незамеченным, выглядывал наружу. Третий, толкнув упирающуюся девушку в кресло, встал у лестничной площадки.

Дело с сейфом не ладилось. Около часа провозился мужчина с замком. Двое других стали заметно нервничать. Напуганная девчонка сидела, сжавшись комочком в кресле. Наконец, с мелодичным звоном бронированная дверь сейфа мягко отошла в сторону.

Старший группы, вынув из кармана обыкновенный большой пластиковый пакет, стал торопливо складывать в него всё содержимое сейфа.

Взломщик, собрав свои инструменты, быстро двинулся к двери, ведущей на балкон. Третий мужчина всё так же находился возле лестничной площадки.

Опустошив сейф, старший, мельком глянув на сидевшую в кресле девчонку, приказал громиле у лестницы: «Кончай с ней. Она нас всех троих видела. Только побыстрее и бесшумно». Тот, ухмыляясь во весь рот и растопырив руки, направился к своей жертве. Старший стоял теперь возле лестничной площадки. Балконная дверь тоже охранялась.

Остался только один свободный путь: большое, как витрина, окно. Не рассчитали этот вариант опытные взломщики и убийцы.

Одним прыжком, через спинку кресла, головой вперёд, девушка бросилась в окно.словно пущенный снаряд, пробила она цельное стекло и с ужасным криком полетела вниз на бетонную отливку, окружающую фундамент здания. Не дала Оля грязным рукам прикоснуться к себе.

Сосед по даче не поверил своим глазам. Звон выбиваемого стекла. Душераздирающий крик. Девушка, летящая из окна, как кукла. Только живая, кричащая кукла. Из входной двери дачи быстро выбежали незнакомые ему мужчины с какими-то вещами в руках и бегом направились к стоявшему с уже запущенным двигателем автомобилю.

Степан Николаевич Дубок не зря считался хорошим охотником среди своих друзей. Постарел он, но реакция осталась прежняя. Поняв, что у соседей по даче случилось что-то ужасное, он, мигом схватив ружьё и на бегу закладывая в стволы патроны, побежал к калитке. Автомобиль с мужчинами уже проехал мимо дачи, когда Степан оказался на узенькой улочке. Два ствола, один за другим, выбросили заряды средней волчьей картечи вслед автомобилю. Больше двадцати свинцовых шаров пробили всю заднюю часть автомобиля. Заднее стекло осело и стали видны поникшие головы мужчин. Автомобиль, набирая скорость, быстро удалялся, но отъехал недалеко. Одна картечина достала и водителя. Угодила ему точно в затылок. Вытянулся он от предсмертной боли и нога, судорожно подавшись вперёд, нажала педаль акселератора до упора. На первом же повороте неуправляемый автомобиль с большой скоростью врезался в стоявшую на обочине берёзу. Устояло дерево от удара, но загорелось вместе с автомобилем.

Картечь пробила и топливный бак. Пламя хлестнуло вверх на несколько метров, вмиг охватив всю машину. Длинный огненный язык пробежал назад по дороге, сжигая вытекший из пробоины бензин. Ни одна дверца автомобиля не открылась. Одним ярким факелом горели люди, автомобиль и берёза. Только какие-то странные хлопки время от времени перекрывали гул и рёв бушующего огня. Это лопались от жара пистолетные патроны в автомобиле.

Степан Николаевич, бывший прокурор, находящийся теперь на пенсии, побежал во двор соседней дачи. Девушка лежала мёртвая на бетоне. Не медля пошёл домой и позвонил соседу на работу. Секретарша сообщила, что он выехал в один из филиалов и будет не раньше, чем через час. Пообещала сделать всё возможное, чтобы Пётр Павлович как можно скорее был дома. Затем Степан позвонил в ближайший районный отдел МВД и в прокуратуру. В дом соседа заходить не стал, боясь наследить.

Принёс одеяло и, вернувшись к телу погибшей девушки, накрыл её. Услышав шум подъехавшего автомобиля, вышел на улицу, удивляясь оперативности милиции.

Ещё больше был удивлен Степан Николаевич, когда увидел не милиционеров в форме, а одного из знакомых ему местных сотрудников КГБ и с ним двух незнакомых ему мужчин. Крепкие на вид ребята и плечи у всех оттопырены. Значит, оружие в подмышечной кобуре, и на серьёзное дело вышли, а не прогуляться.

Прошлись они по двору и даче, ничего не трогая руками. Местный сотрудник остался у входа, двое приезжих вошли в здание и поднялись на третий этаж. Особенно внимательно осмотрели сейф. Затем, спустившись вниз, направились к догорающему автомобилю.

Одновременно с ними подъехали к месту пожара и милиционеры. Оцепили всю округу. Тушить было уже нечего. Автомобиль выгорел дотла и низко осевшие тела четырёх сгоревших мужчин выглядели, как страшные, вылепленные из чёрной глины манекены. Руки водителя скрюченными огарышами-пальцами всё ещё сжимали покорёженный руль.

Подъехал и знакомый Степану Николаевичу следователь прокуратуры. Пошла обычная для всех присутствующих работа. Трое комитетчиков держались в сторонке, о чём-то тихо переговариваясь.

Один из милиционеров, выломав остатки боковой дверцы, стал осторожно, боком вытягивать одного из сгоревших. Что-то тяжёлое металлическое упало рядом с ним на землю. Следователь, нагнувшись, подобрал упавшую вещь и присвистнул. Очень редкая вещица оказалась у него в руках. Младшего брата

знаменитого «Макарова» держал в руках следователь. Калибром эти пистолеты были поменьше, чем стандартное офицерское и милицейское оружие, но пробойная сила пули намного больше. Пуля, выпущенная из пистолета, который был на вооружении только у сотрудников КГБ, пробивал любые пулезащитные жилеты. Не один, а целых два очень редких пистолета оказались в сгоревшем автомобиле. На одном из пистолетов можно было разобрать номер: 00203«5,45*18 = И-75». Немало, наверное, душ отправило на тот свет это страшное оружие. Одним из первых был изготовлен на оружейном заводе этот инструмент смерти.

Сотрудники КГБ, поняв, что совершили большую ошибку, допустив милиционеров и следователя районной прокуратуры к досмотру автомобиля, немедленно вмешались в дело.

Пистолеты были мгновенно изъяты и в заведённом уголовном деле они никогда не фигурировали. Все присутствующие были строго предупреждены об ответственности за хранение государственной тайны.

Пётр Павлович и Фрида Альбертовна не могли поверить в случившееся. Разум отказывался принимать происшедшее. Молча просидели до вечера. Несколько раз приходил Степан Николаевич Дубок. Поил чаем, заставил обоих поесть. Арестовали Петра Павловича ночью. Всё прошло тихо и быстро. На следующий день его уже не было в Сибирске. Немало месяцев провёл в московской одиночке человек, который привык в последнее время жить в достатке и относительной роскоши. Человек, который думал, что он, как хороший шахматист, просчитал все шаги на годы вперёд. Смерть дочери нарушила всё. Он не знал наверняка, чьих рук это дело, но догадывался, кто может за этим стоять.

Вызывали Протопопова несколько раз к следователю. Обвинение – кража социалистической собственности в особо крупных размерах. Но доказательств следователь не мог предъявить никаких. Брал на испуг.

Кричал и требовал, чтобы Пётр Павлович во всём признался сам, а в чем конкретно, следователь так объяснить и не смог.

Не глуп был банкир Протопопов и понял, что следователь – пешка, которая абсолютно ничего не знает. Нужно ждать основного разговора с кем-то посерьёзнее. Долго ждать не пришлось. Беседа состоялась в другом месте.

Увезли подследственного в тёмном воронке неизвестно куда. Провели по длинным коридорам. В небольшом кабинете увидел человека, с которым его познакомили много лет назад во время его недолгой работы в Москве. Охрана быстро удалилась. Остались вдвоём.

Хозяин кабинета предложил бутерброды и кофе. Глядя, как оголодавший Пётр Павлович ест, промолвил:

– Ты мужик неглупый, и я буду с тобой откровенен. Твоя судьба в твоих руках. Времена у нас наступают тревожные и очень сложные. Я навёл кое-какие справки и понял, что ты круто ополовинил то, что должно было принадлежать мне. Если хочешь жить, то верни добром всё, что взял у меня, и я забуду о твоём самовольстве.

Пётр Павлович молча доел бутерброд. Выпил кофе. Вытёр губы салфеткой. Демонстративно бросил её на стол перед своим собеседником и лишь затем заговорил:

– Я знал, что ты меня достанешь, но на то, что ты так по-зверски со мной поступишь, я не рассчитывал. Тебе не надо было убивать мою дочь. Теперь ты развязал мне руки, и я уже ничего не боюсь. Что ты ещё можешь мне сделать? Одним махом ты убил всю нашу семью, а добьёшь меня или нет, мне

безразлично. Я жить не хочу после случившегося. На твои вонючие деньги мне плевать, но злую шутку я с тобой сыграю, даже после моей смерти. Счёт в банке, код которого я тебе передал, автоматически переводится на другого человека сразу же после моей смерти. Знак о том, что я жив наши банкиры получают каждый квартал, и я даже сам не знаю, кто является их осведомителем.

Суммы, которыми ты сможешь пользоваться только пока я жив, я тоже ограничил. Брать сможешь на пропитание, но и только. Так что не пугать тебе меня надо, а охранять пуще своей собственной задницы. Понял? Гадина ты последняя! Тебе нужно было переговорить со мной по-человечески. Мне твоих денег не надо. Вторая твоя половина в целости и сохранности. Она находится в другом банке. Но ты никогда не сможешь перевести всю сумму или всё забрать одним махом. Шифр для второй половины я для надёжности тебе не дал, потому что у твоего заместителя уж больно длинные и скользкие пальцы, а ты ему всё доверил, даже счета. Тебе его надо было бояться, а не мне объявлять войну.

Хозяин кабинета сидел за столом, белый, как стена. Задумался он над словами Петра Павловича и с ужасом стал понимать, что тот, очевидно, прав. В ловушку заманили его, и кто – самый доверенный человек. Ведь именно он уговорил произвести нелегальный обыск на даче Протопопова в надежде, что все нужные документы будут изъяты. Убедил даже в том, что и счета Петра Павловича прихватят.

Убийством дочери банкира испортили всё тщательно запланированное мероприятие. Неужели заместитель намеренно убрал девушку, чтобы разжечь внутреннюю войну и на этом нагреть руки? Да, именно на это, очевидно, он и рассчитывал, но в огне сгорели и хитроумные планы.

Что такое совесть, хозяин кабинета давно забыл. Он был рад, что его заместитель погиб при проведении операции. Одним и притом самым опасным свидетелем меньше. Если всё, что сказал Пётр Павлович, правда, то прощай вилла на Средиземном море или ещё где-нибудь в тёплых краях. И не уберёшь еще одного лишнего свидетеля, а охранять придется его, как зеницу ока... До поры до времени. Может, блефует? Нет, ему, действительно, терять нечего. Единственная дочь убита. Жена сошла с ума. Придётся с ним торговаться. Нахрапом ничего не сделаешь.

Уступили в сделке оба: Пётр Павлович и хозяин кабинета. Блефовал все же немного Протопопов. Своей жизни после смерти единственной дочери ему не было жаль, но жизнью жены он не хотел рисковать.

Очень беспокоила его Фрида. Ради неё пошёл он на частичные уступки. Отдал несколько своих вложений с условием, что жена будет обеспечена всем необходимым. Срок должен получить небольшой и место заключения должно быть недалеко от дома.

Так оказался Пётр Павлович Протопопов в одном из северных городов Казахстана. До Сибирска было рукой подать.

Исправительно-трудовая колония «ХХ» приняла ещё одного человека, наказанного совсем не за то, что совершил. По быстрому научили его шить знаменитые ватные штаны, фуфайки и полосатые, страшные на вид, матрацы.

Фрида Альбертовна будто и не заметила потери единственной дочери и мужа. Безучастно ходила по дому, не подавая голоса. Ничего её не волновало и не беспокоило. Двигалась, словно робот, у которого энергия батарей на исходе: медленно, плавно, не делая никаких резких движений. Захлопнулась какая-то защитная заслонка. Не стала она больше пропускать раздражители в мозг,

спасая разум от полного безумия. Прервались все контакты с внешним миром. Но кто может сказать точно – сделала это она сознательно или природное устройство человека вмешалось, спасая перегруженную психику бедной женщины? На такие вопросы ответить непросто. Врачи называют такое состояние по-разному: от тихого помешательства до безумия. Но разве эти диагнозы точны? Кто вообще может конкретно сказать, что такое безумие? Разве не безумие убивать молодое, ни в чём не повинное существо? Разве не безумие охотиться на людей, словно на диких животных?

Выручал Фриду Альбертовну Степан Николаевич Дубок. Не зря говорят: «Друзья познаются в беде».

Дружили они до несчастья семьями. Ходили друг к другу на чай, на огонёк, на дни рождения. Беда показала, как может и должен поступать настоящий друг и человек. Степан Николаевич и его жена были рядом с Фридой Альбертовной все года, пока Пётр Павлович был в заключении.

Лишь через год после несчастья впервые расплакалась Фрида Альбертовна на могиле дочери. Беззвучные слёзы ручьями лились из её глаз, а она неподвижно стояла и смотрела на цветную керамическую пластину с изображением Оли. С двух сторон, обняв её за плечи, стояли Степан Николаевич и его жена.

Ещё на месте пожара понял бывший прокурор, что что-то не в порядке со всем этим делом. Откуда могли знать сотрудники КГБ о происшедшем?

Он позвонил лишь в райотдел и прокуратуру, а на месте происшествия первыми, словно по специальному заказу, оказались малоразговорчивые, неприветливые, неизвестно откуда прилетевшие, ребята. Не представились даже, предоставляя местному мелкому чину изворачиваться, как сможет.

Такие вещи случайными не бывают. По приказу они примчались. Кто-то что-то где-то не рассчитал, и прилетели лихие молодцы заметать допущенные глупыми исполнителями ошибки.

Не побоялся бывший фронтовик и прокурор Степан Николаевич Дубок осложнений. Лично организовал похороны Ольги. Не отходил от Фриды Альбертовны. Попробовал через друзей узнать о судьбе Петра Павловича. Безрезультатно. Никто ничего не знал, а, может, и скрывали, боясь сказать правду.

Везде натёкался Степан Николаевич на глухую стену. Никто, даже из надёжных друзей, ничего вразумительного сказать не мог.

А тут по всей стране, как шторм, пронеслась ошеломляющая весть: верховная власть за ночь сменилась. Встал на трибуну новый фанерный король.

Очередной правитель безграничной империи, которого выдвинули вперёд люди, действительно, правящие государством, но не желающие показывать своё лицо, приступил к своему, как оказалось впоследствии, недолгому правлению.

Страна в течение нескольких месяцев превратилась в огромное гетто. Крутые ребята в форме и без формы появились на автомобильных дорогах, автовокзалах и просто на улицах, как во время войны.

Даже рейсовые автобусы потрошились ими так, будто одни преступники, а не обыкновенные граждане, ехали по своим делам. В кинотеатрах во время дневных сеансов устраивались облавы и проверки документов. Проверяющие требовали предъявления справок с места работы и из всевозможных советов о посменной работе и т. д. и т. п.

Про Петра Павловича забыли, но зато загредел под фанфары хозяин кабинета, из которого во все страны тянулись нити финансовых и политических интриг. Дошли до Петра Павловича вести, что хватил всемогущего вельможу

сердечный удар или что-то в этом роде. Оборвались с его смертью для Петра Павловича все нежелательные контакты и можно было, наконец, свободнее вздохнуть. Беда была в одном: срок, навешенный за несовершенно преступление, пришлось отбывать почти до конца. Его делом, очевидно, никто не хотел заниматься.

Туго приходилось опальному банкиру в заключении с год, а потом полегчало. Стали поступать хорошие передачи. Завёл в зоне нужные знакомства. Деньги любят везде, и служивые люди на скудной государственной зарплате охотно закрывают глаза на некоторые отступления от строгих правил при солидной взятке, разумеется. Осталась всё-таки у Протопопова пара верных друзей, которым он в своё время помогал не только по мелочам, поэтому в деньгах у него нужды не было. Узнал он и цену настоящему физическому труду. Беспокоила жена, но добравшийся всё же до него Степан Николаевич успокоил, сообщив, что она чувствует себя уже лучше. Стал и Пётр Павлович понемногу приходить в себя. Власть в стране опять круто изменила свой курс. Он начал проявлять деятельность, даже находясь в закрытой зоне. При помощи подставных лиц приватизировал кое-какие предприятия. Усмехался про себя: «В зоне никто никогда и не подумает, что у меня на воле неплохо идут дела». Проснулся как-то бывший банкир. Плакал его сосед по нарам Аркадий. Успокоил и расспросил его. Оказалось, проигрался парень в пух и прах в карты, кроме этого, задолжал ещё немалую сумму. Помог ему при условии, что тот в зоне никогда больше в карты играть не будет. Ещё одного должника заимел хитрый потомок купца.

Несчастный случай свёл и сдружил Петра Павловича с Эдуардом Крониным и Владимиром Шалшаевым. Спасли Эдуард и Володя ему жизнь в бешеной драке-побоище. Ходил Эдуард по зоне, всегда низко опустив голову, ни на кого не глядя и ни с кем не вступая в контакты, но в драке показал высший класс. Володя до побоища тоже ничем не был примечателен. Угрюм и малоразговорчив. Вся зона ходила после всеобщей драки смотреть на них, как на диковинку.

Эдуард в один миг уложил двух отпетых головорезов, а Владимир прикрывал его тылы, и не пассивно, а очень даже активно. Многие из бандитов потеряли зубы от его кулаков. Вдвоём они зажгли пламя сопротивления мужиков против беспредела кавказцев.

Только у дверей барака Эдуард и Владимир удивленно оглянулись, не встретив больше никаких противников. Уложили они на пол целую кучу шпаны, и мужики неплохо помогали им при этом. Свой барак мужики при лидерстве Эдуарда и Владимира очистили без посторонней помощи от разбуянившихся молодцов.

Эдуард закрыл собой Протопопова от бандитского ножа, а Владимир прикрыл спину того.

Странными показались вначале разжалованные офицеры бывшему банкиру. Лишь со временем он разобрался в этих людях и доверился им полностью. Пётр Павлович уговорил Владимира охранять после освобождения Фриду Альбертовну, самое дорогое, что у него осталось в жизни. Владимир согласился при условии, что будет исполнять свою работу так, как он считает нужным. Пётр Павлович, зная способности разжалованного офицера, ничего не имел против его самостоятельности.

Первым на свободу вышел Владимир. В общей сложности чуть меньше шести месяцев пробыл он за колючей проволокой.

Немало часов после освобождения Владимира провели за разговорами Эдуард и Пётр Павлович. Каждый учился у другого по-иному смотреть на жизнь. Так и прозвали их в зоне: «неразлучными».

Бывший банкир сказал Эдуарду, что ему не хватает цели в жизни и поэтому у того всё идет наперекос. Подбросил ему идею о театре и пообещал все финансовые дела взять на себя. Эдуард, не долго думая, согласился. Чем-то же надо и для души заниматься после выхода на свободу. Освободили разжалованного офицера немного раньше, чем его кредитора.

Конкретные инструкции дал опытный финансист Эдуарду при прощании.

Закупать всё, что только можно из недвижимости. Дома в престижных районах. Магазины. Промышленные цеха. Лучше всего, конечно, всё, что связано с природными ресурсами – углём, металлом, газом и так далее. Протопопов выдал своему поверенному доверенности на ведение дел и список своих должников и объяснил, что нужные люди сами найдут его сразу после выхода на волю и обеспечат всем необходимым.

Освободили Петра Павловича не по амнистии, а по реабилитации. Нужным чиновникам, конечно, были при этом вручены очень серьёзные суммы для ускорения процесса. Эти же самые чиновники помогли хорошо оплачиваемым адвокатам доказать, что по фальшивому подлогу было сшито всё уголовное дело.

После освобождения Пётр Павлович официально уже никакими делами не занимался. Помогал, где мог, советами Эдуарду с Ниной. Жил со своей любимой Фридой в старом, но капитально отремонтированном особняке в глухом переулке. Построен был этот дом ещё в царское время, но стены, простоявшие почти сто лет, были намного крепче многих стен, построенных в последние годы.

Протопоповы стали регулярно посещать все праздничные и воскресные богослужения в церкви (мучили, наверное, главу семьи старые грехи, а, может быть, сказало влияние Фриды Альбертовны, которая ещё в детстве переняла от родителей веру в бога).

Вместе с ними, как третий член семьи, жил в доме и Владимир Шалшаев.

Несколько раз выезжал Пётр Павлович по туристическим путевкам вместе с женой в круизы за границу, где привёл в порядок все свои валютно-банковские дела.

6 глава. Айфа Вайзенкинд

Старое, обшарпанное здание театра ремонтировалось, приобретало новый внешний вид. За время своего существования оно уже немало раз переходило из рук в руки, а построил его, по рассказам стариков, ещё в царское время один из богатейших людей города. Пели и играли в этом здании все знаменитости мира. Не один раз поменяли уже его название, но суть от этого не менялась. Акустика, несмотря на катастрофическое внешнее и внутреннее состояние, оставалась великолепной. Когда-то, при своём рождении, театр находился почти в центре города, но город рос, притом рос однобоко, вдоль реки, а театр, конечно, не имел ни ног, ни колёс и со временем оказался на окраине. Значение его утрачивалось. Душа его, по мнению старых знатоков-театралов, умерла уже много лет назад. Настоящего хозяина не стало, запустение и разруха постепенно воцарились в нём.

Но последнее время жизнь вокруг театра забила ключом, притом таким мощным, что все жители окраины только удивлялись. Можно было даже подумать, что какая-то иностранная компания решила порезвиться на этой стройке и немного облегчить свои переполненные тугие кошельки. Из многочисленных строительных фирм, действительно, очень чётко выделялась одна иностранная. Это была даже не фирма, а только группа реставраторов-архитекторов. Они же вели все организационные и производственные дела. Нанимали и подряжали все остальные фирмы. Когда кто-то из местных представителей власти поинтересовался всё же, откуда идут деньги на реставрацию, то ответ последовал мгновенно и притом очень чёткий: спонсором является Международный фонд по поддержанию культурного наследия человечества. Учреждён он, оказывается, много лет назад, только во времена железного занавеса его благотворительные дела в бывшей огромной восточной империи были невозможны. Сегодня же, наоборот, его работа очень

даже приветствуется. Гарантом выступает один из крупнейших банков Австрии. Ну и лады, решили власти. Не надо самим тратить деньги на это хламьё. Лучше какой-нибудь Дом Советов или, по-новому, Думу построим, а на культуру пусть капиталисты потратятся.

Да и темпам можно было только позавидовать. Обычно, такие работы тянулись с десятков лет, а здесь не прошло и года, как здание заблестело снаружи и изнутри получше нового. И вывеска «Народный театр» засверкала всеми весенними неоновыми цветами радуги. И ещё одно было совсем необычно. В условиях контракта фирмы было оговорено, что управление театром они должны передать персоне, которую изберёт жюри, а его состав назначит спонсор. Но выбранная персона должна быть обязательно из местных.

Такого бума в этих краях ещё не бывало. Кто только не заносил себя в списки претендентов: от бывших секретарей различных «комов» до директоров мясных магазинов и т. д. От бывших театральных руководителей организаторы конкурса отбивались, как от надоедливой гнусы.

А выбрали, всем на удивление, бывшую выпускницу театрального училища, которая, не имея могущественных покровителей, уже пару лет прозябала на второстепенных ролях в районных и городских театрах. Представители жюри, почти все иностранцы и в основном сотрудники спонсирующего банка, торжественно вручили вновь испечённому главе театра символические ключи. Звали девушку совсем уж не по-здешнему – Айфа Эдуардовна Вайзенкинд. Жюри ни в одном пункте не нарушило оговоренных условий. Его члены очень серьёзно отнеслись к делу и приготовили копии всех необходимых документов родословной девушки. Ими, для настырных чиновников, была собрана целая папка различных справок и свидетельских показаний.

Айфа Вайзенкинд – круглая сирота. Воспитывалась в одном из окраинных детдомов. Мать девушки, Гизбрехт Елена Густавовна, погибла в автомобильной аварии, а маленькая девочка чудом осталась жива.

Отец неизвестен. Мать записала дочь под странной чужой фамилией, нигде не указав, ни в одном документе, даже намёком, кто настоящий отец ребёнка. Родом мать Айфы Вайзенкинд из сосланных в Сибирь немцев. Приютил у себя ссыльную немку, бабушку Айфы, Марту Фрисланд, сердобольный кержак Илюха Елизаров. Полюбили эти рождённые на разных континентах люди друг друга, но недолго пришлось им наслаждаться редкими минутами счастья.

Загремел бравый сибиряк Илья Елизаров на Запад освобождать Европу от фашизма, а в обратном направлении неслись эшелоны с пленёнными солдатами вражеской армии. Всего через пару месяцев после отбытия Ильи на фронт прилетело издали чёрное известие на белом обрывке бумаги: «Погиб при исполнении».

Плод сердобольства и короткой любви, Лена-Леночка не заставила себя долго ждать. Имя получила в честь великой сибирской реки, на берегу которой она, возможно, и была зачата. Именно отсюда, в последующих поколениях Лены, можно было в тёмных, почти чёрных глазах потомков увидеть яркую синеву.

Немало пройдёт ещё лет, прежде чем появится на белый свет внучка Лены, которую в честь бабушки назовут этим же красивым, звучным именем. Не будет маленькая Леночка точной копией бабушки, но цвет глаз унаследует она от своей прародительницы один к одному.

Брак Ильи Елизарова и Марты Фрисланд не зарегистрировали в сельском совете, и чиновники в помощи ей и ребёнку отказали: «Мол, говорить можно всякое, каждая ссыльная хочет быть вдовой погибшего на фронте и за это получать хлеб».

Осталась бедная женщина с маленькой дочуркой на руках в чужом краю. Но сибиряки – народ добрый, и не умерли женщина с ребёнком с голоду только благодаря им, староверам-сибирякам, которых за их упрямый характер уже не один век ругают невежды.

По странной игре судеб сошлась потом бабушка Айфы с германцем-военнопленным, отбывающим свой десятилетний срок на лесоповалах Сибири. Позднее он удочерил девочку официально. Так обзавёлся семьёй и остался жить навсегда в Сибири бывший солдат Германии Готлиб Гизбрехт, а Лена Готлибовна Гизбрехт стала его официальной дочерью. Только самые близкие друзья и родственники знали, что Лена – не родная дочь Готлиба. Он вырастил своих детей и приёмную дочь, ничем не выделяя и не обижая её. Тепло и ласку получала она наравне с остальными детьми, только по крови была она наполовину чалдонка, а по воспитанию – немка. В совершенстве владела двумя языками, хорошо пела и умела отлично рисовать.

Мужскую сторону предков Айфы Эдуардовны Вайзенкинд проследить дальше было невозможно из-за отсутствия свидетелей. Прописана девушка в городе постоянно, и этим фактом все формальности были соблюдены.

А как же дальше? Строители-реставраторы, собрав вещи, уехали. По поручению фонда осталась на неопределённое время только небольшая группа советников-наблюдателей. Но они в организационные и управленческие вопросы не вникали. Наблюдали только за тем, чтобы все финансовые дела и документы оформлялись надлежащим образом.

Местным властям этот театр был до лампочки: со своими делами справиться бы. Деньги для начала деятельности театра были на счёту в местном банке. Сумей только с умом ими распорядиться.

И Айфа Вайзенкинд с помощью своих бывших однокурсников-единомышленников взялась за дело. Несколько довольно известных певиц, певцов и музыкантов изъявили желание проверить акустику обновлённого помещения. Открытие капитально отремонтированного театра прошло с блеском, вопреки всем пророчествам бывших, теперь отстранённых от дел, театральных деятелей.

Репертуар, правда, был необычный. Отсутствовал анестезирующий все нормальные чувства оглушающий грохот музыки. Музыка была, но в основном живая. Молодая хозяйка театра оказалась, действительно, с организаторским талантом. Потянулись не только опытные профессионалы, но и молодые люди в новый культурный центр.

Корифеям музыкальной эстрады даже неуютно как-то стало в городе от такой конкуренции. Им в прежние времена было намного проще. Заимей музыкальную установку с силой звука в несколько реактивных турбин – и ты уже король или, по крайней мере, маленький царёк эстрады. Даже и выдающегося голоса не надо: стучи по микрофону ноготком, да по мере необходимости, язычком прищёпывай по нему, и все в зале оглохнут и подумают, что на сцене лучший из лучших. Да ещё надо было, конечно, иметь сильных и могущественных защитников наверху, и чем выше был этаж, где находился покровитель, тем лучше. Приказ сверху – и все билеты проданы или розданы. Разница небольшая, главное – посещаемость есть и есть кому платить.

Но теперь времена изменились и посетители стали посещать именно те места, где им, несомненно, нравилось. Грохот надоел. Хотелось чего-то тёплого, естественного, а новый театр именно это и предлагал, притом в самом лучшем исполнении.

Новая хозяйка театра сама присутствовала на всех представлениях. Можно было только удивляться запасу энергии молодой женщины. Целый день проводила она на ногах и увидеть её можно было где угодно: начиная от билетной кассы до гримёрных за кулисами. Учредила и своего рода аварийную команду. В случае, если всё же отсутствовала, для решения проблем всегда был на месте один из её помощников. Практически с раннего утра до позднего вечера в театре царила буйная хлопотливая жизнь. Но окончательное решение, кому предоставить место на сцене, а кому нет, всё-таки принимала всегда сама Айфа.

Всё ещё не могла она поверить в то, что происходило с ней в последнее время. Сначала полное падение, разочарование в жизни и во всех идеалах, сплошная серая тоска, доводившая порой до мыслей о самоубийстве.

А потом взлёт, о котором только в сказках пишут. Не может такого быть на самом деле. Противостоит это как-то. Вот проснётся она завтра утром – и всё будет опять как прежде. Чудесный сон прервётся так же, как и начался. Безысходность. Нищета на грани голода. Впору идти в ночной ресторан для obsługi иностранцев, что многие из её подруг и сделали. Да при этом ещё и посмеивались над ней: «Неужели тебя убудет? Да с такой внешностью, как у тебя, от клиентов не будет отбою. Час нехлопотливой работы, и на месяц обеспечена. Дурочка, никто же не узнает. Иностранец уедет, и дело с концом. А если всерьёз потрудиться, то можно совсем даже неплохой капиталец за полгода сколотить. Решайся. Не дури. Или, если не хочешь иметь дело с иностранцами, заведи себе старого, но обязательно богатого любовника. Он тебя на руках носить будет, не в прямом смысле, конечно, а в переносном. Завалит вещами и деньгами, лишь бы не потерять такую красавицу».

Нет, она лучше бросится в реку с моста головой вниз, но ни за какие деньги не ляжет в постель с нелюбимым. Одна мысль об этом сводила Айфу с ума. Какая-то чёрная волна поднималась у неё тогда в голове, кровь прилиwała к мозгу, и казалось, что разум покидает её. Будто какие-то закодированные гены запрещали ей даже мысленно затрагивать эту тему. И девушка не жила, а полунищенствовала последние несколько лет. От государства помощи ждать было нечего. Она перебивалась случайными заработками – своим пением. Предложений для более быстрых и легких денег было, конечно, в избытке, но она знала уже по опыту, что за этим всегда стоит одно и то же.

Потом, как слабый проблеск света, это странное знакомство на вечере встречи выпускников их курса. Общение с этим мужчиной взволновало её до глубины души. Он ничего не обещал. Даже намёка никакого не сделал. Но она почему-то была уверена, что её будущее как-то связано именно с этим незнакомцем.

Из какого-то совсем другого мира, чем тот, в котором выросла девушка-сирота, был он. Интуиция подсказывала, что пришёл этот незнакомый мужчина на вечеринку именно ради неё. Объяснить свое чувство она не смогла бы, но была в нём уверена.

Он появился поздно. Принёс с собой огромную корзину всякой всячины, от которой молодёжь совсем очумела. От коньяка и шампанского до лучших сортов икры можно было в ней найти. Передал ребятам корзину, а сам без слов, скромненько примостился в углу возле Айфы.

Пришёл он с бывшим однокурсником, Аркадием Шамовым, с которым она в последнее время потеряла все контакты. Поговаривали, что Аркаша за какие-то валютные махинации попал в места, не предназначенные для пения, но конкретно никто ничего не знал. Да и кто афиширует чёрные стороны своей жизни? Каждый предпочитает оставлять их в тени. Аркаша, добравшись,

наконец, до угла, обнял девушку, а затем представил ей своего спутника, назвав его Эдуардом Крониным. Тот выглядел обычно, даже серо, но с какой-то еле заметной элегантною грацией, с каким-то шармом, совершенно незнакомым бедной сироте. Откуда могла она знать, что одни брюки на прищельце стоили больше, чем все штаны в этой комнате, вместе взятые.

Сидели рядом. Собеседником вновь пришедший был неважным. Порядком старше Айфы, минимум на пару десятков лет. Стройный. Сухой. Жилистый, как комочек корней. Седые виски не портили общего вида. Глаза тёмные, но с какой-то глубоко спрятанной болью. Девушка, немного опьяневшая от шампанского, которым после прихода Аркаши с Эдуардом были уставлены столы, смело отвечала на вопросы Эдуарда. Какой-то незнакомой, притягательной силой владел этот человек. По детдомовски боевая, она многое порассказала своему собеседнику. Он слушал внимательно. Ушёл первым, так ни разу и не прикоснувшись к спиртному. Аркаша после вечеринки проводил её домой, до двери крохотной коммуналки. Лез целоваться. Болтал всякую чепуху. Еле отвязалась от него.

На следующее утро проснулась с тупой головной болью и тревожным чувством. Что-то было не так, но в чём дело, понять не могла. Наконец, мысли споткнулись на новом знакомом. Он беспокоил Айфу. Пришёл, расспросил, как на исповеди. Ушёл, не попрощавшись. Необычно как-то всё для неё. Ни разу не предложил потанцевать или прокатиться за город, что, обычно, делали практически все мужчины при знакомстве с ней. Даже не предложил встретиться, что было совсем уж из ряда выходящее. Даже обидно как-то. За пешку или кое-что похуже принял? Правда, повода вроде никакого не давала. Её новый знакомый, Эдуард Кронин, не вписывался в обычные рамки поведения нормального современного мужчины. Не от мира сего. Чудик какой-то. Может, монах или что-то в этом роде?

Вдруг раздался длинный звонок в дверь. Открыла. Перед дверью стоял Аркаша. Свежевыбритый, надушенный, словно экспонат парфюмерной фирмы. Вежлив до смешного.

– Привет. Прости, пожалуйста, за вчерашнее. Больше в жизни не повторится. Мигом собирайся, – проговорил он на одном дыхании.

– Да что случилось? – с тревогой спросила Айфа Аркадия. При всём его шике и блеске видно было, что очень уж он бледен. Прямо как-то болезненно бледен.

– У меня всё в порядке. С похмелья мутит, но это скоро пройдёт. Пожалуйста, собирайся быстрее. Мне позвонил приятель. Ему срочно нужен человек для организации концертов. У него свое СП. Деньги девать некуда. Чтобы не платить большие налоги, решил поиграть в хорошего дядечку. Музыкальное образование ты имеешь, а остальное приложится. Да собирайся ты, в конце концов! Не век же мне тебя ждать. Или и дальше хочешь по кафешкам алкашей веселить?

Не знала девушка, что ещё вчера вечером очень серьёзный разговор Аркадия с её вчерашним собеседником моментально выветрил из него все винные пары, да в придачу и дурные грешные мысли.

Одним словом, Аркашу поставили в угол и не просто в угол, а голыми коленками, да на очень крупную соль. Тут не до фантазий. Выжить бы и не остаться при этом без нательной рубашки.

Собравшись на скорую руку и даже не успев привести в надлежащий порядок причёску, Айфа вместе с Аркадием вышла из дома. У подъезда стоял автомобиль. Водитель предупредительно приоткрыл девушке заднюю дверцу, вежливо поклонившись. Он только мельком посмотрел на остановившегося в

сторонке Аркашу. Ехали молча и достаточно долго. В центре города, но в тихом проулке, остановились у подъезда большого дома, очень похожего на старинные дворянские особняки из кинофильмов. Весь фасад в художественной лепке, но, внимательнее приглядевшись, можно было понять, что дом только недавно отреставрирован. Работы, правда, проведены по высшему классу. Придаться было не к чему. Не хуже оригинала. Шофёр, проведя свою подопечную по огромному безлюдному и гулкому фойе, вежливо открыл перед ней небольшую резную ореховую дверь и сделал приглашающий жест. Она прошла вперёд, а дверь за ней бесшумно, как западня, закрылась. Полумрак, но очень уютный. Из кресла в глубине комнаты, отложив в сторону газету, поднялся мужчина. Высок. По-офицерски строен. И какая-то породистость чувствовалась в нём. Он вежливо пожал руку гостье и пригласил сесть. Кожаное кресло обняло её мягко, словно пуховое.

Мужчина заговорил мягким приятным голосом.

– Зовут меня Пётр Павлович Протопопов. Про меня рассказывать много нечего, да и неинтересно будет тебе, – он внимательно посмотрел девушке в глаза. – Я надеюсь, ты ничего не имеешь против, если я буду тебя называть на «ты»?

Айфа энергично закивала головой в знак согласия. Вся эта необычная обстановка вывела бедную девушку из равновесия, и она не нашла вовремя слов для приличного ответа.

– Ну и хорошо. Мы с тобой сделаем так: первым делом ты расскажешь о себе всё, что ты знаешь сама. Всё. Времени у нас достаточно. Можешь не торопиться. Если тебе понадобится целый день, будем разговаривать до вечера. Согласна? Ты уже позавтракала? Нет? Ну и прекрасно. Моя половинка как раз готовит на стол, вот мы вместе и позавтракаем.

В соседней комнате, рядом с кабинетом, действительно, всё было приготовлено к завтраку.

Пётр Павлович церемонно представил свою жену. Звали её Фрида Альбертовна.

Крохотная, миниатюрная женщина, выглядевшая помоложе Петра Павловича, приветливо кивнула гостье, не переставая при этом хлопотать у стола. Во время завтрака Фрида Альбертовна время от времени перебрасывалась лёгкими шуточками с Петром Павловичем, и Айфа понемногу успокоилась, перестала нервничать. Хозяйка дома постепенно разговорилась девушку, и завтрак затянулся, перейдя незаметно в милую беседу. Фрида Альбертовна после завтрака-беседы, обняв гостью за плечи и склонив голову к уху, спросила: «Вкусно было, доченька?»

Вкусно – это не то слово. Было не просто вкусно. Такую еду сирота нечасто видела в своей жизни, а уж всерьёз наестся вдоволь не приходилось ни разу. Девушка от избытка чувств к внимательной женщине поцеловала её в щеку.

Хозяйка, внимательно глядя в глаза Айфе, тихо, словно для себя, проговорила: «Доченька, всё образуется. Ты мне понравилась».

Девушка, конечно, не поняла истинного значения произнесённых женщиной слов. Не знала, да и не могла знать гостя, что семья Протопоповых проинформирована о её судьбе. Пётр Павлович, энергично боднув головой и многозначительно посмотрев на жену, пошёл в кабинет. Гостя последовала за ним.

Хозяин дома сделал приглашающий жест к креслу, а сам сел напротив. Айфа, успокоившись во время завтрака, немного огляделась в кабинете. Всё старинное и не действует на нервы возбуждающе.

– Нравится? – спросил хозяин, – мне тоже. Я повторяюсь, доченька, ты уж прости, пожалуйста, старика, но я прошу тебя рассказать о себе абсолютно всё. Не как в анкетах, а по-живому, и как тебе будет удобно. Я ненавижу эту бумажную канитель. За ней видно всё, кроме живого человека, его души и его чувств. Я же хочу знать о тебе всё. Пойми меня правильно и не обижайся, пожалуйста.

Девушка задумалась. Пётр Павлович ни одним движением не тревожил её. Она начала свой рассказ о детских годах с того момента, когда уже чётко могла вспомнить почти все подробности.

– Про отца я вообще ничего не знаю, но думаю, что мои имя и фамилия как-то связаны с ним. Никаких документов или писем, подтверждающих мои догадки, не сохранилось. Если что-то и было, то тётка, у которой мы с мамой жили, очевидно, всё уничтожила, чтобы у меня не было никаких претензий на оставшееся после смерти мамы имущество. Одним словом, про моего отца мне ничего не известно.

Жили мы у маминой дальней тётки на окраине небольшого посёлка с тех пор, что я вообще могу что-либо вспомнить. Другого дома я не помню. Мама работала в детском садике, и мы с ней никогда не расставались. Уходить мама никогда никуда не уходила, а если такое и случалось, то всегда брала меня с собой. Тётка меня не любила, и если выдавался момент, когда матери не было рядом, а я в чём-нибудь провинилась, она называла меня байстрючкой. Что это слово обозначало, я тогда не знала, но на всю жизнь оно осталось в памяти, как очень злое ругательство. Мама очень любила петь. В детском садике в хорошую погоду, когда она на игровой площадке занималась с детьми и разучивала с ними песни, то даже прохожие останавливались послушать бесплатный концерт. Её голосу могли бы позавидовать и профессиональные певцы. Однако на все просьбы заведующей выступать с концертами в ансамбле шефов мама отвечала отказом. За что тётка ее постоянно укоряла: «Дура-а-а...! Лишняя копейка никогда не помешает. Да и муженька, может быть, какого-нибудь там бы подцепила. Не вечно же бобылкой по чужим домам болтаться! А в своём садике с этими сорванцами-спиногрызами совсем одичаешь».

Мама отмалчивалась, только сильнее прижимала к себе меня, свою Афочку. Лишь гораздо позднее узнала я, что это слово обозначает. А по ночам плакала она, уткнувшись в подушку, не зная, что я тоже не сплю, а лишь притворяюсь.

Потом – ужасное! Пьяный до бессознательности шофёр на огромном грузовике на тихой улице. Мама успела отбросить меня толчком в сторону, но сама увернуться не успела. Страшный, огромный, чёрный ящик-гроб долго снился по ночам. Он гонялся за мной, как живой, бодал меня своими острыми углами так, что я вскакивала с истошным криком-воем. Тётка постаралась побыстрее избавиться от меня, считая, что я помешалась. Так я и попала в детский дом-приют для круглых сирот...

Айфа замолчала, сдерживая дыхание.

Пётр Павлович встал, приговаривая: «Знаешь что, пойдём-ка попьём кофейку. Я думаю, моё золотце не прогонит нас с тобой из своих владений».

Фрида Альбертовна встретила их так, словно уже не меньше часа провела за приготовлением стола. Кофе был чудесный, а хозяйка и того лучше.

Как и во время завтрака, всю инициативу разговора взяла на себя Фрида Альбертовна. Дар общения был у этой женщины необыкновенный. Может, правда, только на гостью она так действовала, но несколько добрых слов, приветливых улыбок, весёлых шуток, и всю удручённость от печальных воспоминаний с девушки как рукой сняло. Час пролетел, как одна минута.

Хозяин, поднимаясь из-за стола, проговорил: «Спасибо, золотце, за кофе и беседу, но, к сожалению, нам с Айфой нужно ещё кое-что обговорить».

– Петя, ты уж, пожалуйста, не обижай мою доченьку, посмотри, какая она стала бледненькая.

Хозяин дома понял скрытый смысл сказанных слов и молчаливо кивнул жене в ответ, мол, всё ясно для меня. Я полностью согласен с тобой.

Уже в двери Пётр Павлович молча поднял руки, как бы говоря этим своей жене: «Всё исполню».

Девушка продолжила свои воспоминания.

– Кто планировал или распределял, кому из сирот в каком детском доме-приюте находиться, я не знала. Сила чьей-то подписи и судьба забросили меня в казахстанские степи. Находилась территория детдома на границе между двумя большими целинными посёлками Степным и Свободным. Рядом проходила условная в те времена граница между Россией и Казахстаном. Занятая когда-то только большими стадами, эта местность в военное и послевоенное время густо покрылась сетью посёлков. Немало сюда было выброшено народу. От закарпатских украинцев, прибалтийцев, немцев и многочисленных кавказских народов до амурских корейцев можно было встретить в этих краях. И только местного населения, бывших вольных кочевников, было в этих краях совсем немного.

Как могло такое случиться? Однажды, из разговора местных жителей, работающих у нас в детдоме, узнала я простую до трагичности историю жизни одной семьи. В республиканской газете была опубликована статья о передовиках-механизаторах. Здешний житель, Роман Алиев, казах по рождению, русский по имени, воспитанный в детдоме в Сибирске, вычитал в газете знакомую фамилию. Написал письмо в редакцию. Получил адрес однофамильца. Поехал туда и, представляете, встретились два родных брата! После более двадцати лет разлуки. Из всей большой семьи, состоявшей из матери, отца и восьми детей, нашлись только двое. Остальные неизвестно где, скорее всего их давно нет в живых.

Видно, здорово постаралась «матушка»-власть, что сумела пораскидать детей такого мирного народа, как казахи, по всей Сибири вплоть до Урала и Северного моря. Можно было как-то понять, не оправдать, конечно, но хотя бы понять, что во время войны чистили целые области на западе да и на востоке. Но здесь, в центральных областях Казахстана, где со времен гражданской войны не гремели выстрелы, зачем надо было передвигать народы, как пешки на шахматной доске? Тоже чистили территории по принципу: «Чем меньше народу, тем лучше»?..

Наверняка, именно так и было. Моя подруга Гульмира позднее, роясь в архивах, изучая статистические данные, пришла к страшному заключению: «У казахского народа произошёл очень странный скачок. Нет у него или, если совсем точно сказать, почти нет людей, рождённых и проживавших на территории Казахстана в тридцатых годах. По данным переписи, совсем небольшое их количество рассеяно, как горох, по всей Юго-Западной Сибири». Гульмира невольно сделала вывод, что за этим крылся какой-то очень уж странный, вернее сказать, страшный замысел. Плановая чистка определённой территории. Только кому это было нужно? Кому было выгодно? Ведь ни один другой народ от этого страшного плана никакой выгоды не имел. Я тоже так и не смогла это понять.

Темой истории казахского народа меня увлекла моя близкая подруга по детдому Гульмира Жумасинова. Её отец отбывал срок неизвестно за что и неизвестно где, а мать умерла, когда девочке исполнилось двенадцать лет.

Бликих родных у сироты не оказалось, и девочка попала к нам в детдом. Она очень любила исторические романы. Зачитывалась Есенберлиным и Джандарбековым. Школу закончила с золотой медалью. Поступила в городе Южном в ЮжПИ. Я получала письма от Гульмиры чуть ли не каждый день. Она подробно описывала всё, что с ней происходило, была очень активна и, может, именно её чрезмерная и преждевременная активность привела к трагедии.

Последние её письма были полны какой-то непонятной тревоги. Открыто писать, что она связана с определёнными кругами, которые борются с существующим режимом, Гульмира, очевидно, боялась, но при наших редких встречах она мне рассказала, что такие существуют, однако она не совсем согласна, какими методами эти люди ведут борьбу.

Гульмира была принципиально против любого насилия, а умерла именно страшной насильственной смертью. Её, ещё живую, но сильно избитую, выбросили с четвёртого этажа из окна студенческого общежития, в котором она жила. Виновных, как обычно в таких случаях, не нашли. Можно лишь по древнему как мир принципу предположить, что совершили преступление те, кому это было выгодно...

Ой, Пётр Павлович, пожалуйста, извините меня. Уж слишком далеко отвлеклась я от темы моей жизни, которая вас интересует.

– Нет, доченька. Ты ошибаешься. Именно здесь ты раскрылась для меня с неожиданной стороны. Поверь, я прожил долгую и очень сложную жизнь, но почему-то именно с этой позиции никогда не ставил себе вопроса. Даже никогда не задумывался над этими, такими большими для всех нас, вопросами. А ты своим рассказом открыла совсем новую для меня страницу истории. Спасибо тебе. Не зря говорят: «Век живи, век учись». Ты преподала мне урок, что не только у старших нужно учиться, а иногда и – наоборот – прислушаться к молодым, к их мнению. И я благодарен тебе за это.

Айфа продолжала:

– Годы, прошедшие в детдоме, не были плохими. Научили многому. Например, постоять за себя, если надо. Разницы нет как: руками, ногтями, зубами или криком. Воровать бесшумно яблоки по ночам в близлежащих садах. Драться иногда вместе с мальчишками, ватага на ватагу, с молодёжью из соседних посёлков. Но и работать в полную силу. В общем, бывало всякое, только скучно не было никогда. На скуку не хватало времени.

Начиная со средних классов, я очень много пела в кружках. Не по принуждению, а по душевной надобности, ведь с хорошей песней ты как бы живёшь вместе. Превращаешься в того, о ком поёшь. Про журавлей поёшь – чувствуешь, как паришь под облаками. Поёшь про самолёт – чувствуешь рёв мотора и гул ветра. Про степь – и вот оно, бескрайнее море колышущейся травы, перед глазами. Так и пролетели годы. Конечно, не без слёз. В выпускном классе первая любовь, как кипятком, ошпарила. Оказалась, на мою беду, а может и на счастье, что только мимолётная, а не жар-птица. Воспитатель-практикант из большого города. Красавец. Высокий и кучеряшки на всю голову. Карьеру решил сделать. Всё перестроить по-новому. Ломать всегда хорошо, а что взамен? А взамен у него были только пустые мёртвые идеи. Хилые, гниловатые и нежизнеспособные. А ведь для хорошего дела, помимо хорошей идеи, нужна ещё и душа, и не просто душа, а душа тоже

хорошая. У него же не оказалось ни того, ни другого, но я, неопытная деревенская глупышка, поверила ему. Отдалась душой и телом. Хорошо, что ребёночек не появился. Как прилетел наш гениальный революционер, так и улетел, с весёлой улыбкой, нагадив всем и вся. Но жить надо было дальше. Хорошо, что никто в детдоме не узнал про мою любовную науку, кроме двух самых лучших подруг.

Я продолжала петь, зажав свою волю в тиски до отказа, правда, больше грустные песни. Потом рана подзатянулась. Всё постепенно опять вошло в свою колею. Очень выручили подруги. Не дали мне уединиться, уйти в себя со своей бедой.

В нашем детдоме такие случаи, как у меня, были исключением, и узнай руководство об этом, мне бы пришлось сразу же упаковывать свои вещи и перебираться в другой приют. В этих вопросах компромисса не знали. Существовали самые строгие правила, и придерживались их все: и начальство, и воспитанники. После выпуска – пожалуйста. Даже приветствовалось, если женились наши ребята, но во время проживания в детдоме это было строжайшим табу.

Кляузы, кстати, тоже были в нашем детдоме, по неписаному закону, под строжайшим запретом. И не только со стороны воспитанников. Директор детдома был чудаковатый старик. Он жил один в маленьком флигельке, прямо на территории детдома. Мог иногда прийти на работу, одев при этом разные носки. Заметив удивлённые взгляды коллег и глянув на ноги, извинялся, мол, задумался, извините, сейчас исправлю. Но кляузников он презирал. Было несколько таких попыток. В основном, это были воспитанники, переведённые к нам из других детдомов за какие-либо проделки-делишки.

Им наш старый директор говорил коротко: «У меня ни от кого секретов нет, у вас тоже не должно быть. Я ем из общего котла вместе с вами. Есть проблемы, пожалуйста, на линейке все обсудим. При всех». Посмеивались над ним иные шибкие специалисты. Считали даже чуточку тронутым, но просто так выжить его из директоров было непросто. Детдом был на неплохом счету. Да и кто уж сильно позарится на такую беспокойную должность? Крупных ЧП тоже никогда не происходило. Старшие группы уже сами очень чётко за этим присматривали. И когда директор в один из пасмурных осенних дней не вышел из своего флигелька, все удивились. Так, совсем тихо и в одиночестве, ушёл из жизни этот необыкновенный человек. Ребята сообщили мне срочной телеграммой о смерти директора, и я успела приехать на похороны.

На сельском кладбище были все, за исключением малышей. Холодный злой ветер вперемешку с дождём стегал по лицам, и непонятно было, плачут ли все или же мокры от дождя. Но я плакала, и не просто, а до истерики.

Дорог был мне этот, по сути, совсем чужой человек. Он, человек с очень чувствительной душой, организовал всё так, что я вне всяких, рвущих нервы конкурсов, попала в театральное училище. Меня прослушал всего один человек в присутствии нашего директора. А чуть позднее я совершенно случайно услышала их разговор. Вернее, говорил только приехавший гость: «Ты прав. Это редкостный талант. И разбрасываться таким добром нам нельзя. Не могу я взять такой грех на свою душу. Она певица от природы. Не её учить нужно, а у неё учиться. Голос можно и нужно подшлифовать, но и только. Ни в коем случае не пытаться что-то переделывать. Природа сделала всё сама и лучшим образом».

Так, благодаря Владимиру Максимовичу Онищенко и Виктору Сергеевичу Дудорову, этим двум людям с большими сердцами и открытыми душами, стала студенткой театрального училища и даже с повышенной стипендией...

Стук в дверь прервал рассказ девушки.

На пороге стояла Фрида Альбертовна, приговаривая: «Хватит, мои хорошие. Пора обедать. Как тебе не стыдно, Петя? Совсем замучил девушку. Пойдёмте обедать, иначе всё остынет и покажется невкусным, а этого я ни в коем случае не хотела бы».

Сели за стол. Широко раскрытыми глазами смотрела Айфа на руки Фриды Альбертовны, как те очень умело управляют с хлебом.

– Ты что так смотришь, доченька, что-то не так? Что случилось? – с тревогой в голосе спросила гостью хозяйка.

– Нет, ничего не случилось, но вы держите хлеб точно так же, как моя очень давняя знакомая.

– Расскажи про неё поподробнее, – попросила Фрида Альбертовна, усаживаясь за стол после всех подготовительных хлопот.

– Не торопись. Кушай, а между делом и расскажешь. Хорошо?

– Я вспомнила детдом и маму Розу, которая работала у нас на кухне. Мы как-то очень близко сошлись с ней, простой деревенской женщиной с нелёгкой судьбой, твёрдым в вопросах веры и чести и очень добрым по отношению ко всему, что касалось нас, воспитанников детдома, характером. Я частенько сама напрашивалась дежурить на кухню, и она рассказывала о себе, о нелёгкой судьбе ссыльных. Как их, немцев, ещё в тридцатых годах в скотских вагонах зимой провезли через всю Европу, с Западной Украины до Северного Казахстана. На глухом, безлюдном полустанке остановили поезд. Два последних вагона отцепили, загнали в тупик, а поезд повёз остальных ещё дальше, в Сибирь. Зима. Мороз. Топливо для буржеек кончается. И вдруг непонятный шум. Огромные, лохматые верблюды. Какие-то страшные люди, одетые в шубы из овчины и большие кожаные сапоги до пояса. А шапки вообще ни на что не были похожи. Они закрывали головы до самых плеч и со всех сторон, притом, висели ещё какие-то невиданные доселе бедными изгнанниками хвосты.

Мужчины выходили из теплушек сами, а детей и женщин выволакивали с воем. Откуда могли знать эти бедные сосланные люди, в жизни не видевшие степных казахов, что те спасают им жизнь. Везут в тепло. Попрячут их по своим юртам, сараям и землянкам. Полузамёрзшие люди только спустя время поймут, да и то не все, что должны быть век благодарны добродушным бывшим кочевникам, испокон веков считавшим гостеприимство главным делом жизни. Ведь только благодаря им часть ссыльных всё же выжила.

Мама Роза, очень добрая душа, выходила из себя и начинала иступленно кричать, если видела, что кто-то небрежно обращается с хлебом. Хлеб для неё был святыней. Она и обращалась с ним надлежащим образом. Брала булку только двумя руками и на стол всегда клала корочкой кверху и губами при этом шевелила.

В детдоме молитвы были запрещены, но все знали, если мама Роза режет хлеб, то сперва, не вслух, естественно, а про себя, помолится. Пробовал отучить её от этого не один вновь пришедший горе-администратор, даже увольняли несколько раз по этой причине. Но мама Роза оставалась верна себе и Богу.

А на кухне после её увольнения очень скоро наступали чёрные времена. Одни проворовывались. Другие не могли так хорошо готовить и приходилось чиновнику, скрепя сердце, идти к маме Розе домой на поклон, благо жила она

недалеко от детдома, в близлежащем посёлке. Мама Роза не чванилась и сходу, без лишних слов, приступала к своей привычной работе. Со временем её вообще оставили в покое, да и бешеные года преследования религии понемногу уходили в прошлое. Можно сказать, что каждая хлебная булка, разрезанная руками мамы Розы, а была их не одна сотня и даже не одна тысяча, не только подана на стол, но ещё и благословлена ею.

– Кто голод познал, тот знает и настоящую цену хлебу, – тихо сказала хозяйка. Пётр Павлович поднялся из-за стола, приговаривая: «Спасибо хозяйка за вкусный обед. Тебе, милая, особенно большое спасибо за добрый рассказ, но нам необходимо сегодня закончить кое-какие формальности, и, я думаю, Фрида Альбертовна нас простит за то, что мы ещё раз ненадолго удалимся».

И снова девушка старательно вспоминала свою нехитрую биографию, сама увлекаясь рассказом:

– Студенческие годы были лучшими из прожитой жизни. Какое-то беззаботное, бесшабашное время. Очень сдружилась с девушками из Казахстана Майрой Сейсембаевой и Эльвирой Берндель. Майра научила меня петь казахские песни, а Эльвира – немецкие.

Учение давалось мне легко: не надо было сидеть и зубрить часами, как некоторым студентам. Многие из моих сокурсников удивлялись этому: «Никогда не занимаешься в общаге, а схватываешь всё на лету». Но это было правдой только наполовину. Я сама предписала себе твёрдые правила: лекции не пропускать ни в коем случае, отговорки не должно быть никакой, на лекциях садиться по возможности ближе к преподавателю и отключаться от всего мира, сосредотачиваться на учебном материале. И это у меня получалось. Я всегда схватывала суть темы, а остальное можно было и дофантазировать. По вопросам пения у меня даже возникали трения с преподавателями. Всё время казалось, что меня стараются как-то поменьше нагружать, а я хотела петь в полный голос и как можно чаще. Я пела во всех хорах и кружках, которые у нас существовали. Часто выезжала с нашими группами на концерты по глубинным селам и деревням и там, когда было свободное время, ходила и собирала всевозможный песенный материал: от весёлых частушек-нескладушек до заунывных протяжных грустных песен. Если бы вы, Пётр Павлович, только знали, какое богатство ещё хранится у наших старушек! Да и деды иногда выдавали такие частушки, что уши у меня становились красными, как перезрелые помидоры. Авторства я, конечно, ни у кого не отнимала. Если автор был известен, то так и записывала, а не было автора, то писала, что народное. Потом в городе, если выдавалось свободное время, работала над собранным сокровищем и при следующем выезде пела уже песни, которые пришли оттуда, куда мы выезжали ранее, из глубинки.

Была я, конечно, не одна. Нас собралась целая группа энтузиастов. В основном девушки, но было и несколько парней. Парни занимались музыкой и инструментами, а мы – сбором и оформлением текстов.

Не обошлось в моей жизни и без увлечений. Сначала нравился один студент из старших курсов. Но выяснила, что для него в жизни существенна лишь наука.

Как он попал в театральное училище, можно было лишь предполагать, он бредил другими планетами и космосом. Мог часами говорить об одном и том же, не останавливаясь. Такое и чугунная скамья не выдержит, а по моему живому характеру всё это было, как ледяные примочки. Они же и отрезвили, и быстро вернули на землю. Потом подружилась с Аркашей Шамовым. Парень неплохой, но до серьёзных чувств у нас с ним так никогда и не дошло. Ходили вместе на танцульки, студенческие вечера, диспуты.

Спорили с ним иногда до хрипоты о жизненных идеалах. Он был как-то приземлённее меня. Мне всегда не хватало денег от стипендии до стипендии. То мороженое захочется, то брючки или кофточка по случаю подвернутся, и, пожалуйста, месячный лимит исчерпан, несмотря на то, что я не брезговала всевозможными заработками на стороне. Аркаша же имел деньги всегда, но уж очень прижимист был. Считать деньги он умел и в долг нашим студентам давал очень неохотно.

Я была исключением. Но брать и не отдавать я не могла, старалась в долги никогда не залезать.

Потом выпуск. Прощальные слёзы. И понесли наших ребят поезда и самолёты во все стороны. Друг друга не теряем и встречаемся своим курсом ежегодно, но только каждый год в разных местах.

Мне повезло. Политологию преподавал у нас человек с огромными, во всё лицо очками, имеющими невообразимо толстые стекла. Один из самых скучных, если не сказать противных предметов. Но как я уже говорила, я не делала различий между предметами и политику принимала также серьёзно, как и все остальные. Чем-то пришлась я по душе этому сухарю и, пожалуйста, мне было обеспечено место в театре в Сибирске.

Отказываться было грех, ведь именно о такой работе я и мечтать не смела. Было очень интересно. Пару лет пролетело незаметно. Получила крохотную коммунальную квартиру как молодой специалист. Много занималась своим любимым делом – народным фольклором. Пригодился собранный в студенческие годы материал.

Потом перестройка. Театр стал нищать на глазах. Приевшееся уже никто ни смотреть, ни слушать не хотел, а новое создать не так-то просто. Старое руководство, привыкшее к централизованному управлению, по-новому думать не умело. Ждало команду и подачи сверху. Но наступили другие времена. Государство прекратило всякое финансирование.

Жить надо, и в последнее время я перебиваюсь случайными заработками в кафе и на оргвечерах.

Девушка замолчала, положив руки на колени и глядя на Петра Павловича.

– Если ты не против, я задам тебе ещё пару коротких вопросов и наш официальный разговор будет закончен.

– Ты сочиняешь стихи?

Айфа, чуть покраснев, коротко ответила:

– Да.

– Если бы перед тобой возникла дилемма: стать знаменитой, очень хорошо оплачиваемой певицей или же администратором, но таким, что может помочь сотням молодых непризнанных талантов выйти на сцену без оскорбительных и унижающих мучений, что выбрала бы ты?

Девушка, не задумываясь, ответила:

– Второе.

– Это значит, что ты согласишься бы управлять большим театром, несмотря на огромную ответственность, которую нелегко будет нести?

– Да, я согласилась бы работать творческим администратором, но только в том случае, если это могло бы, действительно, кому-то помочь.

– Хорошо, – проговорил Пётр Петрович, вставая, И добавил, увидев, что собеседница тоже встает.

– Посиди, пожалуйста, ещё немного, мне нужно тебе кое-что объяснить, а мне лучше говорить стоя. Вопрос идёт о руководителе нового театра. И не только о руководителе, а о владельце нового театра. Нового в полном смысле этого

слова, несмотря на старые стены. Мы с моим компаньоном вложили в реставрацию немало денег. Официально это проделали иностранцы, но всё это только ширма для подстраховки. Мы с Фридой Альбертовной стары для этого. Наш компаньон занят другими делами. Нам нужен надёжный человек, который согласился бы взять тяжёлый груз управления театром на себя. Быть владельцем – не только удовольствие, но и большая ответственность. Не каждый устоит от соблазнов весело провести жизнь, ни о чём не думая, а мы бы хотели иметь преемника, болеющего душой и телом за народ, живущий в наших краях.

Идея наша такова: возрождение народной музыки и песни – русской, немецкой, казахской и любой другой. Жизнь насильственно смешала в этих краях много кровей. Практически вырос новый народ, но не имеющий ничего. Осколки народного культурного наследия придется по крупинкам, по капелькам собирать и это очень нелёгкая работа. В наше смутное время многие стараются опять, как и во времена всевозможных революций, захватить побольше власти и капитала. Такие люди идут на всё. Для них нет ничего святого. Они не верят ни в Бога, ни в разум человека, натравливают народы друг на друга и разжигают ненависть с целью личного обогащения. Мы же видим театр в роли примиренца народов. Какую форму примет кристаллизация этой идеи, решать новому поколению. Наша задача обеспечить, так сказать, им материальное снабжение, чтобы вновь пришедшие люди были свободны от финансовых проблем и занимались только своим любимым делом.

Мой компаньон своё мнение уже сказал: «Или Айфа Вайзенкинд будет новой и первой в этой стране владелицей театра, или никто». Мы с Фридой Альбертовной, познакомившись с тобой поближе, полностью с ним согласны. Окончательное решение принимаешь ты. Но я обещаю тебе, в любом случае, каков бы ни был твой ответ, с сегодняшнего дня ты больше не будешь испытывать нужды ни в чём. Моя жена за последние годы ещё ни разу никого не назвала дочерью. Сегодня она сделала это впервые и мне ясно: она полюбила тебя с первой встречи и, может быть, именно благодаря тебе она, наконец, оттаёт сердцем и душой.

И ещё одно я должен обязательно сказать тебе. Мы не случайно остановились на твоей кандидатуре. Ты далеко не первая приглашённая для беседы, но ты первая, с кем я столь откровенен. И я прошу тебя, чтобы этот разговор остался между нами. Чиновникам не обязательно знать о нашем договоре. С сегодняшнего дня опять же только с твоего разрешения, у тебя будет личная охрана. Если ты согласишься вступить во владение театром, мы формально организуем жюри, но тебе бояться нечего, все его члены выберут кандидатуру, которую укажу я, то есть тебя, а документы, заверяющие, что ты являешься полноправной владелицей театра, наш нотариус оформит в Вене сразу же при получении от тебя официального согласия.

А теперь пойдём, попрощаешься с нашей хозяйшкой и, пожалуйста, заступись за меня, иначе мне придётся опять выслушать кучу упреков, что замучил тебя, – пошутил напоследок Пётр Павлович.

После сердечного прощания с Фридой Альбертовной Айфа направилась к выходу. У двери её вежливо встретил шофёр, доставивший к дому Петра Павловича и Фриды Альбертовны. Хозяин дома, проводивший девушку до крыльца, кивнув в его сторону, тихо проговорил ей на ухо:

– Доченька, присмотришь к этому человеку, и, если ты ничего не имеешь против, он будет твоим личным водителем и по совместительству телохранителем. Он уже не один год сопровождает мою золотую половинку, но

она всё реже выходит из дома. А сидеть без дела ему не нравится. Он просил у меня активную работу, так пусть теперь крутится. Я думаю, ты не всё своё время проводишь в четырех стенах, и при всех твоих выходах в свет он будет сопровождать тебя. Охранника, который был бы надёжнее его в наших краях не найти.

До свиданья, милая. И я ещё раз прошу тебя: подумай хорошо, твой выбор должен быть абсолютно добровольным. Но бояться тебе не надо. Ошибок не делает только тот, кто ничего не делает. Мы с Фридой Альбертовной уверены, что сделали правильный выбор. Ты именно тот человек, которому можно доверить театр. На нашу помощь ты можешь рассчитывать днём и ночью.

Девушка, сидя на заднем сидении, с трудом могла собраться с мыслями. Полный разворот жизни на все сто восемьдесят градусов, как на самом важном жизненном перекрёстке.

Нужно выбрать правильный путь в будущее.

Придется постоянно работать с живыми людьми и даже очень часто самой решать судьбы людей, но опять же и помогать им. Такая возможность на долю начинающим выпадает не часто.

В основном люди, находящиеся на Олимпе славы, власти или имея большой капитал – разницы нет в этих вещах – стараются спихнуть любого претендента на их место, как можно ниже и дальше. А мне же придётся не о себе заботиться, а о других, притом, иметь в основном дело с очень чувствительными людьми, которые фальшь и неправду ощущают особенно остро, как и все талантливые натуры. Выдержу ли?..

Задумавшись, Айфа не заметила, что они подъехали к её дому. Лишь тогда, когда водитель вышел и вежливо открыл ей дверцу, она, вздрогнув, торопливо стала выбираться из автомобиля. Споткнувшись о порожек, стала неуклюже, боком, вываливаться. Твёрдая, как железо, рука шофёра моментально подхватила её сбоку и не дала упасть. Она, покраснев от неловкости и вежливо поблагодарив его, направилась к своему подъезду.

Шофёр молча смотрел ей вслед. Если бы девушка смогла прочесть его мысли, то ей стало бы жарко, но в то же время и лестно.

Он её тоже не оставил равнодушной. Заинтересовал Айфу молчаливый мужчина. Вспомнила она о руке, мгновенно подхватившей её, и подумала про себя, что было бы неплохо, если бы эта надёжная рука всегда поддерживала её во все трудные минуты жизни.

7 глава. Володя Шалшаев

Калмыки – немногочисленный народ. Растеряли они при всех больших и малых переселениях и былую численность, и былую культуру. Около ста пятидесяти тысяч насчитывается их в настоящее время. Заселили большую часть прикаспийской низменности. Позабыли потомки ойратов, которые переселились в начале XVII века из Китая к низовьям Волги и звались тогда «хальмг», свои настоящие имена и фамилии. Петряевы, Каляевы и другие, похожие на уже названные фамилии стоят в списках переписи населения. Только графа «национальность» подтверждает, что это всё же калмык по рождению.

Веру практически тоже растеряли при переселениях. Только древние старики и старухи помнят и чтят буддийские обряды. В основном калмыки, как и все другие народы огромного колониального государства, стали дисциплинированными послушниками новых духовных диктаторов.

Свой родной язык калмыки почти полностью позабыли, а древняя письменность, основанная на монгольском алфавите, утрачена совсем. Осталась у калмыков только письменность с русским алфавитом.

Недолго просуществовало независимое калмыцкое ханство. В 17-18 вв. все улусы вошли в Российскую империю.

Сначала царская, а затем советская власть, причинили маленькому по численности народу немало боли и несчастий.

Кожаные, не только по одежде, комиссары пришли в Калмыкию в 1918 году. Повеселились на славу новые господа. За время принудительной коллективизации всеобщее поголовье скота в местах проживания калмыков значительно уменьшилось. Знаменитая неприхотливая калмыцкая порода крупного рогатого скота, выведенного немало лет назад калмыцким народом, не хотела жить в закрытых стойлах колхозных ферм. Лошади, привыкшие к свободе и воле, также очень страдали от содержания в большой скученности.

Пошли эпидемии и заразы.

Нередко можно было увидеть в эти годы человека с наганом где-нибудь на краю глубокой канавы, ямы или глухого оврага. Подводили к нему высокопородных лошадей. С наслаждением стрелял в ухо беззащитной лошади «мужественный» комиссар, и падали замертво в яму прекрасные экземпляры

редких пород, селекционируемых веками умельцами-скотоводами. Скотомогильники заваливали горючим материалом. Огонь прятал безобразные преступления человека. Безусловно, далеко не все животные были больны или заразны. Немало вредительства было в то время, но кто и кому вредил, это большой вопрос. Ведь ни один из простых скотоводов не прятался под чужой фамилией, в отличие от всемогущих комиссаров.

Пострелял всласть по всей округе знаменитый палач Иван Сероштанов. Тёмные, страшные слухи ходили про него по всему степному краю. Откуда могли знать люди, ведущие со слезами на глазах своих лучших лошадей на убой, что этот убийца такой же Иван Сероштанов, как они марсиане. Лишь позже выяснилось, что под именем Сероштанова скрывался известный всей политической верхушке вновь образующейся империи Исаак Голдштейн.

Карьеру надо как-то делать. А как? Лучше всего громкими делами. «Стопроцентная коллективизация и плюс к тому ликвидация самых страшных для человечества эпидемий». Лучшего предложения для быстрого прыжка вверх по служебной лестнице не найти. Человек, проделавший такую «трудную работу с риском для жизни», имел в руках все козыри для крупной игры в верхних эшелонах партийной знати.

Отечественная война тоже ничего хорошего калмыцкому народу не принесла. Он страдал, как и все, но только до определённого времени, а потом наступили особенно трудные времена.

Прорвались германские моторизованные воинские части в Прикаспие. Поездили фашистские захватчики пару месяцев по бескрайним степям и, подстёгнутые крепким пинком, быстро убрались восвояси на запад.

Всего два месяца, с декабря 1942 по январь 1943 года, находилась часть калмыцкой территории под фашистской оккупацией, а обернулась бедой для бедного народа на десятилетия.

Лучше бы проклятые фашисты не объявлялись здесь никогда. Вначале пострадали бедные калмыки от захватчиков, а потом свои отстегали до полусмерти.

Появилась у власти веская зацепка для массовых репрессий: мол, все калмыки без исключения помогали фашистским захватчикам. Пошутила кормилица-власть ещё раз. Повеселилась за счет многострадального окраинного народа и пошли, начиная с зимы 1943 года, эшелоны, перегруженные детьми и стариками, на восток. Одним росчерком пера вышвырнули маленький мирный, безобидный народ с обжитых мест. Как осенние листья ураганом, размело их по всей Сибири и Северному Казахстану.

Так оказались в маленькой сибирской деревне Александеркрон калмыки. Невысокие ростом, с широкими скулами, они своим внешним видом очень отличались от коренного населения. Расселили калмыков по свободным землянкам, набивая их народом, как бочки селёдкой. Те, кому не хватало места в землянках, рыли себе ямы поблизости. Крыли их хворостом и соломой. Далеко не все пережили лютые сибирские морозы. Не одна новая могила появилась на местном кладбище.

Не было среди ссыльных калмыков взрослых, здоровых мужчин. Им «оказали честь» и разрешили погибать на фронте, защищая Родину. Только не было больше у них Родины. Упразднена была Калмыцкая АССР в 1943 году. Лишь четырнадцать лет спустя после безжалостного избиения, а точнее сказать целенаправленного уничтожения, целого народа бросили калмыкам подачку: повторно основали Калмыцкую автономную область. А ещё через два года под общественным давлением вернули, наконец, обездоленному народу

республику и, чтобы загладить вину за прошлые репрессии, накидали в последующем кучу ничего не стоящих правительству орденов на новое знамя Калмыцкой АССР.

Подростка Улана Шалшаева, как и всех его сверстников, с первых же дней запрягли работать. Трудился, как взрослый мужик. Летом пас телят, а зимой убирал в коровниках. Навоза на поля вывез немало.

Повзрослев и окрепнув, стал работать ездовым. Зимой и летом на санях и на бестарках* возил всё, что только можно и нужно было транспортировать. Летели года. Калмыки понемногу, кто нелегально, а кто после снятия комендатуры и легально, стали собираться домой, поближе к седому Каспию и Волге. Но не просто было вернуться в родные края. В Сибирь везли эшелонами за государственный счёт, а назад выбирайся, как хочешь.

Денег в колхозе не было никогда. Об обыкновенной заработной плате не было и речи. Подведёт в конце года хитрый, грамотный в свою пользу чиновник итоги и, пожалуйста, – должен ещё остаётся бедный член колхоза государству.

«Добровольными» займами окончательно добивали не только калмыков, а всех рядовых колхозников без исключения. Попробуй, не заплати, последняя корова мигом исчезнет со двора.

Богатые урожаи давала жирная чернозёмная сибирская земля. Только плоды трудов доставались не труженикам, а исчезали без остатка в бездонных государственных закромах.

Но голь на выдумки хитра. Занимались гонимые нуждой колхозники иногда и воровством. Жить-то надо. Старшее поколение самым категорическим образом возражало. Напуганные страшными годами репрессий они даже вязанку соломы, по праву им принадлежавшую, боялись взять без разрешения, но молодое поколение думало уже иначе. Они считали, что хотя бы малая часть их каторжного труда должна возмещаться, хотя бы и таким, не одобряемый стариками, способом. Молодёжь была уверена, что не ворует она мешок пшеницы или другого зерна, а берёт своё, законное.

Били их за такие крамольные мысли нещадно, но молодёжь всегда идёт новыми путями, пусть и не всегда правильными. И, наверное, именно в эти годы не без помощи какого-нибудь талантливостого остряка-рассказчика появился широко известный анекдот с горьким юмором: «Социалистические соревнования председателей колхозов».

Как-то при очередной совместной пьянке поспорили три соседствующих председателя колхозов. Каждый из них доказывал, что именно он сможет допечь своих подчинённых и вынудить их если не к революционным действиям, то хотя бы к какому-нибудь пассивному сопротивлению.

Тот из председателей, который проиграл бы пари, был обязан устроить следующую пьянку за свой счёт. Но не пришлось им на этот раз повеселиться. Ни один из председателей не нашёл того средства, что заставило бы рабов-колхозников бунтовать.

Первый председатель говорит своим колхозникам на утренней разрядке: «Завтра весь домашний скот сведёте на колхозную ферму. Приказ пришёл сверху. Вопросы есть?»

Молчат подчинённые ему колхозники, лишь чешут свои затылки, ни слова возражения и ни одного вопроса.

Второй председатель говорит своим колхозникам на утренней разрядке: «Завтра весь остаток зерна, выданный на трудодни за прошлый год, вернуть в колхозный склад. Приказ пришёл сверху. Вопросы есть?»

Молчат подчинённые ему колхозники, лишь чешут свои затылки и ни слова возражения, и ни одного вопроса.

Третий председатель думает, что бы такое сотворить, чтобы, наконец, вывести колхозников из терпения и этим отличиться. Придумал всё же и говорит им на утренней разрядке: «Завтра будем организованно вешаться всем колхозом. Приказ пришёл сверху. Вопросы есть?» Молчат подчинённые ему колхозники, лишь чешут затылки, ни слова возражения и ни одного вопроса.

Смотрит председатель и видит, что не удалась его хитрая уловка. Решил дополнительную информацию дать и говорит: «А начнут, как всегда, добровольцы. Ты, ты и ты, а затем все остальные. Может, всё же есть вопросы?», – добавил он недовольным голосом.

Первый из «добровольцев», на кого указал пальцем председатель, поднял руку.

– Наконец-то, хоть один смелый колхозник нашёлся и задаёт вопрос, – подумал председатель колхоза, давая тому жестом разрешение.

– А как с верёвками будет? Колхозные дадут или свои приносить? – тихим смиренно-испуганным голосом спросил отчаянно смелый старый колхозник...

Смешного в этом анекдоте, конечно, немного, больше трагической правды, взятой из повседневной колхозной жизни. После выявления недовольствия среди рабов-колхозников можно было бы придать этой шутке и вполне официальный ход. Чем такие дела заканчивались, знали все: недовольные пропадали неизвестно где, а власть имущие могли безнаказанно безобразничать ещё больше.

Молодые колхозники не считали за воровство, если брали себе малую толику своими же руками выращенных плодов, и были по-своему правы.

Подсолнухи давали невиданные урожаи. Убирали их, обычно, последними из всех полевых культур и стояли они, дразня своими огромными шляпами, набитыми ядрёными зёрнами, до снега на полях.

Кто первым из молодых ввёл в обиход выражение «похлопать», неизвестно, но все знали, что это значит.

Брался обыкновенный рогожный мешок. В верхний край наподобие кольца вшивался тонкий гибкий прут, и таким образом можно было одним движением руки приоткрыть сверху и так же быстро полностью закрыть зев. К верхней части с двух сторон пришивались две длинные крепкие тесёмки. Так готово было хитрое приспособление для ручного сбора подсолнечных семян в ночное время.

Торба при помощи тесёмок вешалась на шею. При постановке кольца горизонтально универсальный зерноуловитель открывался и можно было взять одной рукой подсолнечную шляпу, а второй рукой, вооружённой дубинкой, быстро выбить подсолнечные зёрна в разинутый зев.

Стоило кольцо поставить вертикально, и оригинальное приспособление плотно закрывалось, так что при беге ни одного зернышка не терялось.

Больше чем наполовину можно было таким образом наполнять эти хитро устроенные торбы. И «хлопали» тёмными вечерами мальчишки и девчужки без разрешения своих родителей на колхозных полях. Подмешивали потом добытое ночным сверхурочным трудом добро к подсолнечным семенам, собранным на личном огороде. Удивлялись иногда родители такому богатому урожаю, но и радовались. Семечки в хозяйстве всегда были большой подмогой. Из них можно было получить прекрасное подсолнечное масло. Поджаренные семечки можно было продать на базаре и заплатить «добровольный заём», который, как дамоклов меч, постоянно висел над головой. А кроме того, на

вырученные от проданных семечек деньги молодёжь могла купить себе кое-каких обнов или сладости.

Улан Шалшаев не был исключением. «Хлопал» и он вместе с друзьями и подругами на колхозных полях, но эта ночная работа становилась всё опаснее. Председатель колхоза каким-то образом узнал о нелегальной помощи при уборке урожая. Стал он совершать ночные контрольные рейды вокруг необранных подсолнечных полей. Молодёжь еле успевала унести ноги после первых же хлопков дубиной.

Стрелял председатель по подсолнухам не только холостыми патронами. Дробь со свистом пробивала иногда широкие повисшие шляпы подсолнухов.

Ночью стук по подсолнечной шляпе разносился на многие сотни метров и служил стрелку хорошим ориентиром. Выручала опять же находчивость. Договорившись заранее, делилась молодёжь на несколько групп. Заходили в темноте на поле с разных сторон и «стучали» по очереди. Услышав громышающую телегу или стук копыт, затихали. Прятались в высоких, как деревья, подсолнухах, а с другого конца поля следующая группа принималась энергично «хлопать». До пены загонял председатель лошадь, преследуя неуловимых добытчиков.

Поняла молодёжь: всё, надо кончать, иначе несдобровать, совсем озвереет председатель.

И вовремя сообразили. Вскоре появились в деревне сотрудники НКВД. Пошли по домам с проверками. Но попробуй-ка отличить домашние семечки от колхозных. Семена одинаковые и земля тоже. Как доказательства, торчат по всему огороду стволы подсолнухов, которые осенью специально никто не убирает. Зимой они служат хорошим снегозадержанием на огороде, поэтому сухие подсолнечные стебли сжигают только по весне, а иногда даже используют их для строительства.

Убедились ретивые блюстители порядка, что не местные колхозники воровали семечки, а какие-то чужие. Милиционеры, успокоившись на этом и по пьянствував за счёт колхоза, уехали, но председатель при каждом удобном случае упрекал подчинённых ему колхозников, обвиняя их в воровстве. Уверен он был, что на полях шалят не чужие, а свои люди, и именно поэтому они так неуловимы...

Собрался повзрослевший и возмужавший Улан на свою Родину, и не один поехал назад, а с невестой. Самую красивую девушку-немку увёз он с собой из маленькой сибирской деревни. Ещё раз подтвердилась старая народная поговорка: «Любовь слепа».

Тайком от подруг, сестёр, родных и родителей, собрав скромненькие пожитки в узелок, навсегда ушла из родительского дома молоденькая Катя Тиссен.

Причём выбрала она спутником жизни Улана, несмотря на то, что не было у неё отбоя от деревенских ухажеров. Ухаживали за ней и ребята-немцы, но любовь имеет свои законы, и они сильнее общепринятых правил и установившихся обычаев.

После отмены власти комендатуры Катя Тиссен и Улан Шалшаев при первой возможности, получив на руки паспорта, навсегда уехали из Сибири в Приволжье. Вместе прожили долгую жизнь. Счастливой она была или несчастной, судить им самим. Но вырастили они шестерых красивых и здоровых детей.

Семья Улана Шалшаева и Екатерины Тиссен уже мало походила на типичную калмыцкую семью, хотя проживала на территории Калмыкии и глава семьи был калмык. По рождению Улан, конечно, был калмык, но по воспитанию он

был уже больше «советский». Мальчишкой попал он в сибирскую немецкую деревню, и вся окружающая среда воспитала в нём человека с новыми чертами характера. Улан ходил на вечеринки местной немецкой молодежи. Говорил на местном немецком диалекте без акцента и запинок. Пел со всеми вместе русские и немецкие песни.

Так уж сложилось в его несладкой жизни, что при родителях-калмыках, он по существу стал частично русским и частично немцем, а точнее сказать, «советским».

Дети этой интернациональной семьи уже вообще не принадлежали ни к одной конкретной нации. Только по широковатым скулам и чёрным до вороньей синевы волосам некоторых из них можно было понять, из какого народа их корни.

Владимир был третьим ребенком в интернациональной семье Шалшаевых. Рос, как и все его сверстники, на свободе. Зимой школа, а всё лето носился верхом на лошади наперегонки с джейранами. Жили безбедно, но и не в роскоши, как и большинство калмыцких семей, проживающих в сельской местности. Родители приучили мальчика к труду с детства, но не перегибали палку. Нагружали в меру, так, чтобы работа доставляла радость, а не превращалась в каторжный труд. В основном предоставляли мальчику самому выбирать дело по душе. Володя всегда подыскивал себе работу вне дома и свои обязанности выполнял без особого напоминания.

После школы никак не мог решить, куда податься. Лето провёл с отцом у табуна. Объезжал полудиких лошадей. Вечерами ездил на мотоцикле в посёлок, на встречу к любимой девушке.

Подшло время идти в армию. На призывной медкомиссии военный комиссар обратил внимание на крепкого мускулистого парня. Полистал медицинскую карточку и личное дело.

Особенно внимательно прочитал характеристику, написанную тренером школы. Силы призывнику было не занимать. С большой охотой занимался боксом. Двухпудовками играл, как мячами. Рост тоже не подвёл: планку при замере пришлось поднять выше 180 см. Спросил военный комиссар парня, нет ли у него желания поступить в офицерское училище.

Так стал Владимир Шалшаев курсантом военного воздушно-десантного училища. Не прошло и года, как младшая сестра сообщила ошеломляющую новость: его девушка, Тамара Грабова, обещавшая ждать солдата, вышла замуж за молодого специалиста, назначенного работать на их племенной конезавод. Первый раз в своей жизни с горя напился Владимир до полусмерти при увольнении в город. Подобрал его курсантский патруль в какой-то забегаловке совершенно невменяемым. Сопrotивления не оказывал. Залил пьяными слезами весь мундир молодому лейтенанту, начальнику патруля, объясняя тому, что жить на земле не стоит, если происходят такие страшные измены.

Пришлось повозиться с ним дежурному врачу. От чрезмерных доз алкоголя произошло у молодого человека отравление организма. Оказалось, что не только водку употреблял образцовый по всем показателям курсант, а и большие дозы спирта.

Встал вопрос об отчислении проштрафившегося курсанта Шалшаева из училища. В оправдание своё он ничего не говорил, считая, что слова делу не помогут. Равнодушным каким-то стал. Выгонят, так выгонят. Не на училище свет клином сошёлся, а на любви. Поговорил с ним его командир. Из

настоящих офицеров-воспитателей был он. Понимал молодые души и верил в серьёзные чувства.

Объяснил старый офицер курсанту, что не плакать ему надо, а радоваться. Если девушка не смогла подождать его несколько лет, пока он закончит училище, то какая же из неё может быть спутница жизни?.. Не было у неё настоящей любви к парню, а однобокая любовь никогда не бывает счастливой. Одни неприятности можно ждать от неё, ничего больше.

Помог капитан Скотынянский курсанту Шалшаеву. Поручился за него у начальника училища и ни разу не пожалел об этом. Не подвёл своего наставника Владимир. Училище закончил с отличием.

К службе лейтенант относился серьёзно. По рекомендации командира направили его в команду быстрого реагирования. Во многих тёплых и даже очень горячих точках пришлось побывать молодому офицеру. Не всегда носил при выполнении различных приказов только воинскую форму. И милицейскую, и гражданскую одежду надевали, бывало, десантники. Насмотрелся за эти годы молодой офицер всякого.

В разрушенном землетрясением городе их команда оказалась через два часа после случившегося. Прямо из транспортного самолёта на бронетранспортерах рванули к центру города. Был приказ: закрыть мародёрам доступ к разрушенному зданию государственного банка.

Иногда приходилось, пользуясь городским планом, объезжать полностью разрушенные улицы. В темноте охватили цепью городской квартал, в котором находился банк. Команды стрелять не было, а попробуй, останови для проверки летящий на тебя, как торпеда, автомобиль. Подстроили хитрую, злую ловушку. Два БТРа поставили поперёк единственного свободного проулка, оставив неширокий проезд между ними. В проезде, как живой шлагбаум, стоял солдат, подающий знак остановиться. Те жители, которым нечего было прятать и у которых совесть была чиста, спокойно останавливались и позволяли военным проверить документы и автомобиль. Грабители же ломались в наглуго, и здесь срабатывала злая ловушка. Солдат при опасности делал несколько шагов назад под прикрытие броневика, а вместо него в казавшийся открытым проезд высовывал свой хищный острый нос третий БТР. Он не закрывал полностью щель, но места для проезда беглецам уже не хватало. Благоразумные всё же тормозили, а настоящие бандиты шли ва-банк. Три многотонные туши броневиков даже не сдвигались с места от удара, а автомобиль превращался в металлолом. Именно в этих автомашинах находили страшные вещи: оружие, огромное количество денег, а иногда и драгоценности, которые были ещё в крови. С мёртвых, а может ещё и с живых, пострадавших во время землетрясения, снимали грабители золотые украшения. Не рассчитывали они на то, что так быстро будет установлен контроль в полностью разрушенном землетрясением городе.

Военным приходилось не только охранять, но и спасать людей с риском для своей жизни. Неся вахту, слышали из ближайших развалин крик о помощи. Оставив надёжных ребят для охраны проезда, Владимир, прихватив с собой сержанта и солдата, помчался на крики.

Хрущёвские пятиэтажки складывались при землетрясении, словно спичечные коробки, в огромные бесформенные кучи обломков. Призывы о помощи раздавались из-под бетонных плит. Изгибаясь, как ужи, парни всё же добрались до кричавшей женщины. Несколько обломков, став торчком, образовали маленькое подобие пещеры. В этом укрытии она и лежала, только

чудом не раздавленная бетонной массой. Кончики пальцев её левой руки были намертво зажаты между двумя бетонными перекрытиями.

Ломов нет, а вся куча над головой грозила каждую секунду обрушиться и похоронить под собой всех четверых. Офицер решился на отчаянный шаг.

Его помощник, сержант срочной службы, поняв командира с полуслова, снятой с себя гимнастёркой закрыл женщине голову. Солдат лёг ей на ноги. Куском проволоки Владимир перетянул, как жгутом, защемлённую руку. Солдатской саперной лопаткой перерубил онемевшие пальцы пленнице обрушившегося дома. Втроём, передавая пострадавшую, словно куклу, один другому, через дыры и щели между обломками дома выбрались наружу.

Наказывать бандитов – одно дело, а своими руками рубить живое человеческое тело – это совсем другое. Командир, поняв состояние своих подчинённых, отправил всех троих на час в БТР, шепнув подчинённому на ухо: «Возьми у меня в чемодане две бутылки, и не ради пьянки, а для разрядки, налей каждому по стакану коньяка...»

Пили ребята крепкий непривычный коньяк, словно воду, не разбирая его вкуса. Бледность их понемногу проходила. Разное видел на своей службе Владимир Шалшаев, но то, что он только что выполнил вместе со своими ребятами, было самое страшное для него и, будь он один среди обломков, наверное, не решился бы на такой шаг. Только присутствие подчинённых, которые уважали его за прямоту, смелость и справедливость, заставило мужчину действовать автоматически дальше и примитивным образом ампутировать пальцы женщины. Офицером он был отличным, но хирург из него никогда бы не вышел. При только что произведённой операции сам чуть не потерял сознание, настолько плохо ему стало. В первый раз, после чрезвычайного происшествия с пьянкой, взял он в руки стакан со спиртным и выпил его, словно воду.

Глядя со стороны на офицера Шалшаева, можно было сказать, что он чёрствый и малоразговорчивый человек. Но это только внешне выглядело так. Никогда он, в отличие от многих офицеров, не кричал на солдат, как на скотину. Не применял матерные слова.

Скотина слушается и боится громкого крика, а у интеллигентного человека от крика растёт чувство неприятия, и выходит, что не помогает крик управлять человеком, а затормаживает выполнение тобой же поданной команды.

В состав своей специальной группы Владимир с позволения начальства выбирал ребят сам. Своим личным примером показывал, как нужно жить и служить. При выполнении опасных заданий не прятался молодой офицер за спины других, а шёл впереди, и не было случая, чтобы ребята оставили его в беде. Не зря в мирное время был он награждён медалью «За отвагу» и орденом Боевого Красного Знамени. И не в штабе их заработал, а в боевых, нигде официально не объявляемых операциях.

Времена и власти менялись, но «центурионы»** нужны всегда. Исправно нёс свою службу Владимир Шалшаев. Ездил раз в год в отпуск домой. Помогал по хозяйству, ходил с младшими сестрёнками в кино и на танцы, но девушками не увлекался.

Хроническое чувство недоверия к женщинам превратилось у него в своего рода болезнь. Шутили над ним сестрёнки. Попытались познакомить своего брата со многими подружками, но безрезультатно.

Как-то приехала в село порезвиться городская молодежь. Стали приставать к девушкам. Сильно избили пару сельских ребят. Не хотел опытный воин-десантник вмешиваться в местные междоусобицы. Знал он, чувствовал, что добром это для него не закончится, но когда в один из вечеров услышал шум на

танцевальной площадке и узнал громкий возмущённый голос сестры, поспешил на помощь. Четверо пьяных приезжих ребят, встав кольцом вокруг девушки, со смехом толкали её от одного к другому. Владимир подошёл и попросил оставить девушку в покое и тем только подлил масла в огонь. Заржала блатная команда и быстро применила давно отработанный ими трюк. Один сильно толкнул своего противника в грудь, а второй быстро нагнулся за его спиной к полу. Обычно жертва, нелепо задрав ноги, летела кубарем через согнувшегося в дугу члена банды. Но на этот раз, на удивление резвящихся молодцов, и не просто кубарем, а как пущенный пращёй камень, процарапал грязный пол носом сам нападавший. Как волки, ощерились приятели посрамлённого зачинщика. Кучей навалились на осмелившегося оказать им сопротивление парня.

Но не на того нарвались ребята, привыкшие побеждать количеством. Не только подбитыми глазами и расквашенными носами отделались они в этот вечер. Не выдержал у одного из хляков шейный позвонок. Инвалидом остался на всю жизнь. Влиятельные родственники пострадавших настроили целую папку заявлений. Схлопотал бравый орденосец от местного коррумпированного правосудия пару лет за избиение малолетних и мигом оказался на одной из «великих» строек века.

Написал офицер своему бывшему командиру письмо с просьбой о помощи. Просил не снисхождения, а объективного разбора дела. Разобрались повыше умные люди, сняли судимость, но, пока суть да дело, полгода всё же поработал офицер землекопом.

В зоне случай свёл с интересными людьми. Прикрыл специально обученный ближнему рукопашному бою боец-десантник в драке спину одному из соседей по нарам. Познакомились поближе. Один из новых знакомых предложил после освобождения работу охранника.

Что делать? Офицерская карьера закончена. В армии всё валится. Тысячами отправляют в запас, точнее сказать, выбрасывают на улицу. А жить дальше как-то надо. На жиденькое пособие не проживёшь. Идти в вышибалы желания большого нет. Принял заключённый Шалшаев предложение Петра Павловича Протопопова. Уехал прямо с места отсидки в Сибирск и стал личным шофёром и охранником Фриды Альбертовны. Новой работой был очень доволен. Свободного времени было много, а хозяйка относилась к нему, как к родному сыну, и лишней работой не обременяла. Много читал, благо домашняя библиотека Протопоповых была очень богатой. Охранял Владимир Фриду Альбертовну при поездках к мужу и при нечастых посещениях магазинов. После освобождения Петра Павловича сопровождал иногда и его в деловых поездках. Возил их в театры и в деревню, где они приобрели большой земельный участок с домом в придачу.

Приходилось Володе, так звала его хозяйка, иногда возить и Эдуарда Кронина. Много и часто занимался иностранцами. Они, словно дети, терялись на оживлённых улицах северной столицы. Никто из них не хотел садиться за руль автомобиля. От одного предложения показать, как западный водитель сможет справиться с автомобилем и движением, не совсем привычным для них, они с испугом отмахивались руками и бормотали только одно слово: «Каос... Каос...», что, очевидно, означало хаос. Разбалованные шикарными дорогами и хорошо отлаженным движением, они при довольно жёсткой езде по городу, когда бывший военный лихо выдавливал кого-нибудь на обочину, хватались за боковые ручки и осуждающе покачивали головами.

Как-то Пётр Павлович сказал, что Владимир на целый день поступает в распоряжение компаньона.

Володе нравилось работать с Эдуардом. Они настолько хорошо понимали друг друга и настолько близко сошлись, несмотря на различие характеров, что при отсутствии посторонних называли друг друга братьями.

Обычно, в такие дни совместной работы они долго были в дороге.

Иногда мужчинам приходилось довольно круто разговаривать с людьми, которые пытались присвоить себе то, что им вовсе не принадлежало. Вдвоём они убеждали крутолобых, упрямых ребят в том, что это лишние труды и они зря рискуют своим здоровьем.

Станным оказался этот день. Очень отличался он от предыдущих. Целый день Владимир с заведённым до крайности другом носились по городу. Таким нервным и взбешенным он не видел своего приятеля ещё ни разу. Несколько раз заезжали в театр, которому компаньон Петра Павловича в последнее время посвящал почти всё своё время.

Долго искали какого-то парня. Наконец, нашли его в маленьком кафе, в центре города. Эдуард о чём-то переговорил с ним.

Володя, сидя в автомобиле, хорошо видел их через большое, во всю стену, окно. Парень только кивал головой и очень вежливо, даже заискивающе, улыбался своему собеседнику.

Выйдя из кафе, Эдуард впервые за день заулыбался во весь рот. Сев на сиденье и хлопнув приятеля по плечу, проговорил: «Ну, братишка, половину дела мы с тобой сегодня уже сделали. Очень важного для меня дела. Жизненно важного». Остаток дня прошёл спокойнее. Товарищ, дав Владимиру приличную сумму денег и попросив его закупить огромную корзину лучших продуктов и спиртного, остался до вечера в своём офисе.

Вечером они вдвоём, подобрав по пути парня из кафе, поехали в один из окраинных микрорайонов. Эдуард, попросив друга подъехать через час, вошёл с парнем в один из обшарпанных подъездов.

Удивился водитель-охранник, когда его друг, вышедший из подъезда, объяснил, что они немного поиграют в детективов. Такую работу он ещё ни разу не выполнял, но согласился с удовольствием. Интересно было, что ещё нового придумал его неугомонный названный братишка.

Вышедших в темноте из подъезда молодых людей толком разглядеть не удалось, но девушка бросилась в глаза, как факел. Чуть выше среднего роста. Стройная, как тростинка. В короткой, спортивного кроя курточке она выглядела как школьница, и только пышные, чудесные волосы, уложенные в причёску, выдавали, что это взрослая женщина.

Парочка тормознула такси. Володя спокойно поехал следом. Ехали недолго. Парень, расплатившись с таксистом, побежал следом за девушкой к дому. Эдуард сказал, что им придётся немного подежурить. Ждали совсем недолго. Спустя несколько минут парень, чертыхаясь, выскочил из подъезда. Эдуард вышел ему навстречу. О чем-то коротко, но серьёзно переговорил с ним и вернулся назад. Парень остался стоять на месте с низко опущенной головой. Друг сказал Владимиру, что он после того, как доставит его домой, может быть на сегодня свободным, а завтра с утра должен подъехать утром сюда же. Забрать девушку и отвезти к дому Протопоповых. Дальнейшие распоряжения даст Пётр Павлович лично.

Приказано – сделано. Утром на одном из самых шикарных служебных лимузинов в назначенное время подъехал к подъезду дома в окраинном микрорайоне. Немного погодя, в подъезд прошмыгнул выскочивший из

подъехавшего такси вчерашний собеседник друга. Примерно через четверть часа парень и девушка вышли из подъезда.

Володя, приоткрыв перед пассажиркой заднюю правую дверцу автомобиля, заглянул ей в глаза. Какой-то неправдоподобной синевой отдавали они, и азиатский разрез глаз только подчеркивал их неземную красоту.

Задела девушка дремавшую до поры до времени чувствительную струнку души мужчины. Впервые за много лет с интересом посмотрел на женщину, и сам застеснялся своих нескромных мыслей. Обнять, поднять на руки вдруг захотелось ему эту недотрогу. Сжать в своих объятиях так, чтобы у неё дух занялся. Зацеловать её, как в песне поётся: «допьяна»...

Целый день провалялся у себя в квартире на диване перед телевизором. Настроение было отвратительное. Раненой птицей билось у него сердце в груди, и образ синеглазой женщины, как живой, всё время стоял перед глазами. Околдовала молодая женщина его одним своим взглядом. Уже вечером позвонил Пётр Павлович и велел доставить гостью домой. При выходе из машины, задумавшаяся о чём-то пассажирка споткнулась о порожек. Владимир подхватил её одной рукой и с трудом удержался от того, чтобы не обнять всерьёз.

Как зачарованный, стоял он возле автомобиля, глядя женщине вслед, и понял, что пленила его она, притом пленила навечно, и, вопреки здравому смыслу, рад он этому неожиданному плену. Рад бесконечно.

А молодая женщина, не догадываясь о нескромных мыслях мужчины, торопливо простучала каблучками к подъезду.

Айфа Вайзенкинд, молодая женщина с небогатым женским опытом, унесла с собой, сама того не подозревая, частицу сердца Владимира Шалшаева. Не стал Володя при этом бессердечным. Наоборот, проснулся, очнулся он, наконец, от долгого наркотического сна, в который отправила его душу измена любимой девушки. Забилося его сердце в беспокойном и радостном ритме. Вновь ожил замерший от боли предательства и находившийся длительное время в замороженном состоянии человек. И если можно было бы заглянуть в его душу, то у Володи обнаружили бы рост буйных любовных побегов.

*Бестарки – грузовые повозки, снабжённые деревянным коробом для перевозки сыпучих материалов.

**Центурион – командир небольшого подразделения.

8 глава. Театр

Ни один человек не знает заранее, что произойдёт с ним через минуту, день, год. Неизвестны человеку дальнейшие пути его жизни. Многие, далеко рассчитанные планы очень часто судьба ломает одним махом. Не зря существует поговорка: «Вся жизнь – театр». Возможно, что так и есть, только в театре роль можно прекратить играть, а в жизни это не так просто сделать. Но именно это и хорошо. Человек всегда, до последнего вздоха, надеется на что-то лучшее, если даже и сам не признаётся себе в этом.

Театр на окраине северной столицы оказался не только местом встреч, но и одним из главных жизненных перекрёстков для многих людей. Иных новый Народный театр радовал, а других злил. Разве можно критиковать государственных чиновников в театре, который существует за счет государственных дотаций? Да ни в жизнь! Иначе пришлось бы бедным работникам и артистам не по пять-шесть месяцев ждать жалкую заработную плату, а вечно.

Но новый театр мог позволить себе бичевать злободневные проблемы и их виновников открыто и остро. Богата необъятная Сибирь народными талантами. А если талантам ещё дано право голоса, то туго приходится иным и весело смеются другие.

Весёлый юмор, летящий с открытой сцены, бьёт подчас намного сильнее кнута или даже пули.

Ведь неприятно идти через людный перекрёсток нагишом. А именно в новом театре иных «зарвавшихся» и «дорвавшихся» раздевали догола. Конечно, с критикуемых не срывали принародно все одежды, а только те шкуры, под которыми прятались бессовестные воришки и «шалунишки», кричащие с трибун всякие гадости в виде красивых лозунгов и забывшие о своих простых человеческих и гражданских обязанностях.

Стали молодые люди посещать в Народном театре не только музыкальные вечера, но и театральные представления. Не все, конечно, а только те, которые задумывались о жизни. Те, которым дорог был свой край и народ. В театр приходили те, кто хотел принимать участие в общественной жизни. Двери для всех желающих были открыты всегда. Приходили и просто любопытствующие, из которых очень быстро выявлялись активные, способные и талантливые. Театр оживал. Театр жил. Театр постепенно становился народным, и не просто народным, а и открытым для всего народа.

Конечно, не только юмор и критика приходили на сцену нового народного театра. Звучали здесь музыка и песни народов, живущих в Сибири. Звучала и современная музыка, но именно музыка, а не глушащий живую душу непрекращающийся грохот.

Холоден климат в Сибири, чего нельзя сказать о сердцах и душах сибиряков. Неслись со сцены театра тёплые, сердечные песни. Плясали на сцене искромётные танцы. Произносились зажигательные речи. И юмор, хороший врач и целитель, громогласно звучал со сцены нового, финансово независимого театра во весь голос.

В театре обрела смысл всей своей жизни Стефания. Почти полвека проработала она в театре, отдавая свою энергию людям, стараясь для каждого быть доброй и внимательной.

Нужда, голод и лишения – плохой попутчик человека. Но, как ни парадоксально это звучит, именно они являются серьёзным жизненным экзаменом для людей. Не каждый человек в тяжёлых условиях остаётся верен своим убеждениям. Встречаются и такие, кто очень быстро приспосабливается к изменяющейся среде.

Именно нужда выковывает, закаляет душу и характер сильной личности. Человек, познавший беду, нужду, голод и лишения, становится особенно чувствительным к болям других.

Кто подаёт нищему кусочек хлеба?

Нищему подают только те, кто сам имеет немного.

Можно спросить тысячи людей, переживших войну и голодные годы, и все они в один голос подтвердят правоту этих выводов.

Стефания никогда, до самой смерти, не изменила себе и своим принципам. Не афишируя свои действия громкими словами и речами, помогала всем, кто нуждался в её помощи. Причём просить её о помощи не надо было никогда. Она всегда чувствовала, что кто-то нуждается в поддержке, и сразу спешила на не слышимый другими зов.

Так и ушла из жизни незаметно и тихо скромная и очень чистая душой.

Только после того, как её не стало, поняли сослуживцы, как не хватает этой доброй женщины в театре. Не дождалась Стефания с фронта и второго мужа, которому даже ни разу не довелось поцеловать свою жену.

Сложил свою голову Николай Мороз где-то на подступах к Берлину, который хотели взять щедрые на человеческие потери вершители судеб – главнокомандующие – во что бы то ни стало к Первомайским праздникам. Гнали под жерла фашистских пушек, вал за валом, своих воинов высшие чины Советской Армии, стараясь вырвать один у другого первенство великой победы. Страдал же при этом, как всегда, простой трудяга-мужик. Голой грудью проламывал он бетонные укрытия фашистов, и сколько солдат полегло без надобности, не знает никто. Поговорку, смахивающую на каннибальскую: «Война всё съест», придумали не зря и списывали со счетов по этому принципу миллионы безропотных, непрехотливых и отважных солдат, словно отработанный негодный инвентарь.

Влилась кровь Николая Мороза в море крови, что смыло с лица земли коричневую чуму фашизма, а его ни разу им не целованная жена стала вдовой второй раз за одну войну.

В театре, помогая маме, провела детство и юность дочь Стефании и Ивана Марина, вышедшая замуж за инженера-энергетика Андрея Коскуна.

Она, закончив школу и специальные курсы косметического массажа, вернулась в театр и посвятила свою жизнь красоте людей. Грубые невзрачные лица после прикосновения рук кудесницы-массажистки становились другими.словно по волшебству, проступало что-то мягкое, доброе на окаменело-наигранных лицах профессиональных актёров. Размягчались их гипсовые неживые маски и человеческие живые улыбки расцветали на лицах, как весенние цветы, принося радость зрителям и актёрам.

Полновластной хозяйкой закулисного мира стала Марина после прихода в театр новой владелицы Айфы Вайзенкинд. Она приняла на себя все права и, конечно, обязанности по обеспечению спокойного и надёжного тыла выступающим на сцене театра.

Не стеснённая в средствах активная женщина повыгребла вместе со своими помощниками старый ненужный хлам из нескольких чуланов и организовала в освобождённых помещениях первоклассный массажный салон для артистов.

Эдуард Кронин организовал доставку и установку новейшего оборудования. Слава о чудо-салоне мгновенно разнеслась по городу. Многие городские щеголихи мечтали стать постоянными клиентками мастера Марины Коскун, но она обслуживала лишь артистов своего театра. Только Нина Поустьянова стала редким исключением, и не потому, что она была женой Эдуарда, а потому, что лучшими подругами стали Марина и Нина. У них не было тайн друг от друга. Именно заведующая закулисным хозяйством и рассказала Нине об очень сложных и натянутых отношениях между Айфой и Эдуардом.

Нина и сама чувствовала, что Эдуард что-то скрывает от неё, но была уверена, что как мужчина он принадлежит ей одной. В таких делах женщину, а особенно без памяти любящую женщину, обмануть невозможно. Она несколько раз пыталась разговорить Эдуарда, но он круто и недовольно менял тему. Нина понимала, что задевает какую-то старую незажившую рану и лучше разговор прекратить, чтобы не сделать любимому человеку больно.

Не будь театра, Эдуард Кронин, наверное, ещё не скоро нашёл бы свою дочь Айфу Эдуардовну Вайзенкинд. Немало проработали они теперь уже вместе в театре, но он всё ещё не решался открыться дочери. Откладывал до лучших, более спокойных времен тяжёлое для него объяснение, несмотря на частые упреки Петра Павловича в малодушии.

Именно какую-то невысказанность чувствовали Эдуард и Айфа при каждой встрече. Часто спорили по пустякам, недовольные друг другом. Особенно часто конфликты возникали из-за установки нового оборудования. Он старался оформить всё по высшему классу, а она утверждала, что театр должен быть в первую очередь хорош своими артистами, а не занавесами. Расставались рассерженные.

Обиженная девушка уходила в свою комнату со слезами на глазах, а Эдуард некоторое время после особенно жаркого разговора не показывался в театре.

Театр помог встретиться Айфе и Володе, и не просто встретиться, а влюбиться друг в друга без памяти. Будто самой природой были созданы друг для друга эти два человека.

Не знали молодые люди, что ещё задолго до их объяснения в любви, Пётр Павлович и Фрида Альбертовна, как бы условно, усыновили и удочерили чужих для них Айфу и Володю и составили завещание в их пользу. Прямыми наследниками немало по любым временам наследства Протопоповых были записаны Айфа Эдуардовна Вайзенкинд и Владимир Уланович Шалшаев. Не заменили молодые люди Протопоповым погибшую дочь, но стали, как родные.

Именно в театре нашли, наконец, давно искомую гавань радости и спокойствия Фрида Альбертовна и Пётр Павлович. Фрида Альбертовна, имеющая большой опыт сценической работы, во многом помогала своей любимице Айфе дельными советами, но никогда не вмешивалась в организационные дела. Пётр Павлович же был лучшим советником по финансовым и хозяйственным делам и активно помогал Владимиру Шалшаеву, который добровольно принял на свои плечи все хозяйственные дела театра.

Вся ответственность за охрану и безопасность легла на бывшего офицера. Приходилось ему хлопотать чуть ли не сутками, организовывая всё так, чтобы концерты и спектакли проходили без помех и инцидентов.

Семья Протопоповых не пропускала ни одного нового представления или концерта и радовалась всей душой каждой удаче молодого коллектива. Поддерживала она молодёжь театра морально и материально. Валютный счёт в банке, которым имела право пользоваться новая владелица театра, никогда не был пустым. Благодаря помощи состоятельных, и притом не жадных

спонсоров, встал театр на ноги и стал, безусловно, народным. Причём и цены на входные билеты были доступны всем, желающим посетить представления. Конечно, если оценивать новый Народный театр с чисто хозяйственной стороны, то он, по словам экономистов, был бы нерентабельным. Но искусство во веки веков не приносило больших прибылей, особенно в начальной стадии, так сказать, в младенческом возрасте, а Народный театр можно было сравнить с годовалым ребенком. К настоящему искусству, как правило, уже позднее, в зрелом возрасте, присасываются различные паразиты и используют его в корыстных целях. Можно привести тысячи примеров, когда лучшие картины и скульптуры, изготовленные руками человека и для человечества, перекупаются за баснословные цены и прячутся потом по различным клеткам, от золотых до железобетонных. Достояние человечества теряется, таким образом, для настоящего владельца. Получают удовольствие от шедевров только считанные единицы. Если бы все знаменитые художники и ваятели в один миг ожили вновь и смогли распорядиться своими произведениями, то не одному скряге пришлось бы распрощаться со спрятанным от глаз людей сокровищем.

В театре провёл всю жизнь после войны и до смерти и Дмитрий Герцен.

Оторван был Дмитрий от стремительно пролетающей мимо жизни. Для него время как бы остановилось в детстве, конечно, не в прямом смысле этого слова, а только в его надломленном сознании. Но это вовсе не означало, что чувства его притупились или атрофировались полностью. Нет, пожалуй, наоборот.

Дмитрий намного обострённее чувствовал всё происходящее вокруг него и переживал намного сильнее, чем обычные люди. Любое громко сказанное, обидное слово задевало его до глубины души. Оторван был этот мужчина от жизни остальных людей, но совсем не так, как иные себе это представляли. Он всё видел, всё слышал и всё прекрасно понимал. Только своё мнение он вслух высказать не мог.

Видел он натянутые отношения между Эдуардом и Айфой и, конечно, страдал вместе с молодой женщиной, а, может быть, даже намного сильнее её.

Дмитрий Герцен, приёмный сын Стефании, прекрасно справлялся с осветительным хозяйством театра. С новым инженером-осветителем Андреем Коскуном у него вообще не возникало никаких проблем. Они оба прекрасно понимали язык жестов, а что ещё надо во время спектаклей и концертов для организации чёткой и своевременной подсветки?

За время работы у Мити, так звали его все без исключения работники театра, сменилось немало начальства. Иные из них, не доверяя немому, отстраняли его от работы оператора-осветителя, и безропотно брал он тогда в руки веник, метлу или тряпку. Наводил чистоту и порядок во всех тёмных, пыльных углах и чуланах театра.

Ни одна женщина не могла угнаться за ним в этой работе. Только на подъездах к театру в солнечное время он не убирал никогда. Страх перед тенью остался у него с детских лет.

Мощные лампы, которыми управлял Митя, тоже бросали причудливые тени, но их он не боялся и не волновали они его, не будоражили покалеченное сознание. Только от тени, которая закрывала солнце и особенно, если она накрывала его сзади, с ним случались неожиданные нервные припадки.

Прошедшие полвека были для одинокого мужчины однообразны. Дом и театр. Затемно приходил он на работу и уже в потёмках уходил домой.

Часто оставался в театре и за ночного сторожа. За все годы он ни разу никуда не выезжал. После смерти приёмной матери жил в домике один. Его часто

навещали Марина с мужем, которые жили в центре города. После перестроечных изменений заработную плату в театре почти полностью перестали выплачивать. Жил эти годы тем, что давал приусадебный участок и продавал накопившиеся за много лет вещи, но театр не покинул. Да и кому был нужен этот пожилой мужчина с разумом ребёнка?

Чем могли, помогали ему Марина с Андреем, которые и сами жили не в роскоши. Они привозили ему продукты, но, самое главное, Митя не чувствовал себя одиноким, когда приезжала его сводная сестра. Он радовался, словно ребёнок, каждому посещению Марины и Андрея. А потом мир для него будто возродился. Появилась в театре женщина, похожая на добрую фею.

Всегда живая улыбка на лице и ласковое слово на губах были у новой хозяйки театра – Айфы Вайзенкинд. Не было дня, чтобы она не улыбнулась оператору-осветителю или не помахала ему на репетициях рукой. Очень близко душой и сердцем принял Дмитрий Герцен женщину, хотя по возрасту она годилась ему во внучки.

Он был готов сдувать с неё пылинки. Если кто-либо грубо разговаривал с Айфой, то он готов был растерзать наглеца голыми руками. Ни одна живая душа в театре не подозревала о буре чувств, разбушевавшихся в Митиной голове. Писал длинные поэмы и романы, посвящённые Айфе, но, боясь, что кто-нибудь чужой доберётся до его записей, сжигал все рукописи в печи. Вглядываясь в разгоравшиеся страницы, оплакивал свои строки. И кто знает, о чем думал лишённый дара речи человек в эти минуты, перечитывая свои творения в последний раз...

Немного погодя, начинал всё сначала. И снова многое летело в топку печи. Жаль, что прекраснейшие вещи, написанные мужчиной-мальчиком, исчезли навсегда. Улетели многие необузданные мечты и мысли ещё одного непризнанного таланта, фантаста и мечтателя через обыкновенную печную трубу. Лёгкими бумажными журавликами исчезли они в голубом небе, которому так мало мог радоваться мальчик, подросток и юноша Митя Герцен.

Никто никогда так и не прочитал потерянные навсегда сочинения Дмитрия Генриховича Герцена. Никто не узнал мыслей и желаний, которые мучили, а, может быть, и радовали его в последние дни. Но то, что с ним творится что-то неладное, стали замечать многие коллеги, проработавшие с ним вместе немало лет. Оператор-осветитель стал намного нервнее и агрессивнее в последнее время. Особенно несдержанным делался при виде вездесущего Кронина. О причине его беспокойства можно было только догадываться, но, когда в театре появлялся Эдуард, Митя моментально исчезал в одном из тёмных углов. Наверно, энергичный покровитель театра был чем-то внешне похож на бывшего председателя колхоза Крылькова, а, может быть, немой мужчина своим особенным обострённым чутьём понял, что Эдуарда и Айфу тяготят какие-то невыясненные, напряжённо-натянутые отношения. Ему было очень больно за Айфу и смотреть спокойно на Эдуарда он уже не мог. С каждым днём неприязнь его росла, пока, наконец, искалеченный разум не нашёл очень своеобразный выход из создавшегося положения.

Дмитрий ещё мальчишкой, играя на тёмном чердаке своего дома, нашёл грубо сработанный, но отлично сохранившийся и хорошо смазанный двуствольный ружейный обрез. Патроны зарядил сам. Всё необходимое для этого позаимствовал без разрешения у Андрея Коскуна, заядлого охотника. Заряженный ружейный обрез незаметно для окружающих пронёс в театр и спрятал до поры до времени в тёмном, одному ему известном углу.

В один из обыкновенных рабочих дней, когда все были заняты хлопотами по большому дому, как говорили все работники, Дмитрий Герцен, не выдержав больше своих мук, решился на поступок, который стал крупным перекрёстком для всех присутствующих.

К Айфе по давно введённому ей порядку все входили без стука. В кабинете на короткой планёрке кроме хозяйки театра, присутствовали Владимир с Эдуардом, которые собирались в этот день съездить в соседний район для решения некоторых проблематичных вопросов с должниками. Мужчины заехали в театр лишь для того, чтобы обговорить несколько вопросов, касающихся вечернего концерта.

Мите уже из коридора были хорошо слышны громкие голоса спорящих. Никто из них не удивился, когда в приоткрытую дверь вошёл осветитель с какой-то толстой, но короткой палкой в руках.

Выстрел раздался неожиданно для всех. Куцый ствол обреза выбросил длинный язык пламени в направлении Эдуарда. Почти одновременно с первым выстрелом прогремел второй. Следующая струя пламени вырвалась из второго ствола, но ударила уже мимо мужчин. Слабеющие руки Мити не удержали ружейной отдачи и второй заряд ушёл в сторону.

Владимир поздно сообразил, что предмет, находящийся в руках Дмитрия, не что иное, как настоящий ружейный обрез, но всё же отреагировал бывший десантник мгновенно. Как пантера, вытянувшись в прыжке, успел он подставить свою грудь под смертельный заряд, который был предназначен его другу.

Упали оба. Эдуард от толчка Владимира, а Володя от удара дробового заряда и силы прыжка. Они не увидели, что лицо стоящей чуть в сторонке Айфы залила кровь. Она беззвучно, как в замедленном немом кино, осела на пол.

Отрыгнулась ещё раз война страшной смертельной отрыжкой и ржавой, но острой косою устрашающе провела над поколением, только по рассказам знающим о войне.

Эдуард первым вскочил на ноги и бросился к Мите. Но тот уже не был опасен. Ружейный обрез, выпущенный из безвольных Митиных рук, с глухим стуком ударился о пол, а сам он широко раскрытыми глазами смотрел в сторону лежащей на спине Айфы.

Его бледные губы беззвучно двигались, мучительно пытаясь произнести какие-то звуки. Наконец, из глубины горла стало раздаваться хриплое, невнятное бормотание: «Иаа...Иааа... Иаа... неее... оооотел...» Продолжая произносить всё те же невнятные слова, он схватился двумя руками за голову таким резким движением, будто его поразило током и, скрутившись в клубок, боком опрокинулся на пол.

Эдуард тоже повернул голову в сторону дочери и замер от ужаса. Лицо лежащей Айфы покрылось белой известковой маской и красные пятна крови изменили черты девушки до безобразия. Отец подбежал к дочери, встал на колени перед ней, приподнял её за плечи и, не отдавая себе отчета, закричал во весь голос: «За что именно тебя? Почему не меня. Доченька, ты не можешь меня просто так покинуть. За что...? За что...? За что... Нет! Нет! Нет!...»

Марина, забежавшая в кабинет на шум, ничего не могла понять. В комнате всё выглядело, как в хорошо разыгранном трагическом спектакле во время финала. Но сильный запах горелого пороха, настоящая кровь на лице хозяйки театра, большое чёрное пятно копоти на белой рубашке Владимира, сидящего всё ещё на полу в шоке от сильного удара в грудь, говорили о том, что не репетиция спектакля идёт здесь, а свершилось нечто ужасное.

Впервые за всё время Марина заперла кабинет на ключ изнутри, пропустив внутрь прибежавшего Андрея. Володя, ещё вялый от шокирующего удара, стал подниматься с пола.

Андрей с Мариной занялись Митей, тело которого била крупная дрожь, а Эдуард с Владимиром колдовали над Айфой.

В причитания Эдуарда, всхлипы и бормотания Владимира вдруг совершенно ясно вплёлся девичий голос: «Я знала, что люблю вас обоих, только никак не могла разобрать, кого сильнее. Наконец-то, знаю всё!»

Мужчины вытаращенными глазами оторопело смотрели на девушку, которая, упёршись руками в пол, попыталась приподняться. Длинная рана через весь лоб продолжала кровоточить.

Только одна крупная дробина второго заряда, вскользь, слегка оглушив и продрав своим острым краем лоб, задела Айфу, а весь основной заряд угодил в стену. Длинная рана-царапина и создала вид смертельной раны. Крови-то выступило немало, это и привело мужчин в ужас.

Кто из людей внимательно рассматривает знаки смерти на лицах родных и любимых? Слишком больно это. Далеко не каждый способен спокойно разглядывать раны, нанесённые самым дорогим существам.

Эдуард, всё также стоя на коленях, в упор, снизу вверх, заглянул дочери в глаза и спросил едва слышным голосом: «Ты что, всё слышала?..»

– Не всё, наверное, но достаточно для того, чтобы узнать, какие мужчины трусы. Герой-отец ходит вокруг да около, боясь признать меня за свою дочь, а второй, дурачок, больше года мучает себя и меня, вместо того, чтобы прямо сказать, что любит. Нужно сначала умереть, чтобы, в конце концов, они признались в своих чувствах!

Пристыжено стояли двое мужчин возле Айфы, не находя слов в оправдание. Права была девушка во всём. Только несчастье отодвигает все задвижки в душе человека, и именно тогда он шепчет, говорит или кричит открыто о самом сокровенном.

Хозяйка кабинета, ещё слабая после контузии, опустилась в кресло. Эдуард, виновато отведя глаза, занялся раной на лбу дочери.

Владимир, исподлобья поглядывая в их сторону, стал снимать с себя забрызганную пороховой копотью рубашку. Одетый под рубашкой прямо на хлопчатобумажную футболку лёгкий эластичный защитный жилет ещё раз с честью выдержал испытание. Ни одной пробоины. Очевидно, самодельно заряженный Митей патрон не был в порядке.

От нормального дробового заряда, выброшенного из ствола в упор, на теле под защитным жилетом всегда оставались крупные, похожие на большие блюда, синяки. А на наружной матерчатой части жилета появлялись дыры похожие на те, что выедает моль. Уже несколько раз в своей жизни пришлось бывшему офицеру поносить на себе эти огромные медали, и цену им он знал очень хорошо. На этот же раз кожа под защитным жилетом в местах удара дроби стала лишь крапчато наливаться краснотой.

Повезло начальнику охраны Шалшаеву, что именно в этот день он со своим другом собрался в серьёзную поездку. Одед на всякий случай свой испытанный жилет. Очередной раз сыграла судьба шутку. Обдала копотью. Наградила болью и синяками, но оставила жизнь.

Володя нагнуллся и поднял с пола два полуобгоревших скомканных клочка бумаги. Так и есть, самодельные, неплотно забитые бумажные пыжи пропустили часть горящего пороха через себя, ослабляя этим силу заряда.

Стало понятно, почему такие длинные языки пламени вылетели из куцых стволов обреза. Это неплотно сжатый порох догорал в полёте.

Володя обернулся на голос Андрея: тот жестом попросил помощи. Поспешно бросив обрывки бумаги, помог поднять с пола Митю.

Вдвоём, подхватив тело на руки, поспешно понесли его к выходу. Марина, приоткрывшая им дверь, торопливо набросила на Владимира свою лёгкую курточку.

Через несколько минут автомобиль резко затормозил напротив входных дверей станции «Скорой помощи». Выбежавшие на шум подъехавшей машины врачи унесли всё ещё находящегося в беспомощности Дмитрия в свои владения.

Вернувшись в театр, прошли в кабинет. Эдуард не очень умело занимался перевязкой раны на лбу дочери. Марина, приводившая в порядок комнату, снова заперла за вошедшими дверь на ключ. Постояв немного, молча глядя на своих взъерошенных коллег, она потребовала объяснить ей, что же всё-таки произошло.

Каждый рассказал, что видел. Посидели молча некоторое время.

Хозяйка кабинета в категорической форме заявила, что всё, происшедшее в этом помещении, никогда не должно выйти за стены театра. Все вместе решили: тайна умрёт в этой комнате. Пострадавших нет. Посторонних свидетелей при выстреле тоже не было, а молодому театру скандальная слава ни к чему. Дай только братьям-чиновникам зацепку, замарают грязью новое дело и затаскают по кабинетам, выясняя: кто, как, зачем да почему...

Володя сказал, что отвезёт Айфу к своему приятелю-врачу для обработки раны, а попутно избавится и от ружейного обреза.

Эдуард с Андреем останутся в театре и будут продолжать работать, как ни в чём не бывало. Марина, закончив прибираться в кабинете, пойдёт в находящуюся недалеко больницу узнать о состоянии Дмитрия и успокоить его. Решили – сделали.

Каждый занялся своим делом.

Марина, прибежавшая в больницу, взяла Митю за руку и, успокаивая его, сказала, что ничего страшного не случилось. Все живы и почти здоровы, передают привет и желают ему самого быстрого выздоровления. Бледное лицо осветила слабая улыбка.

После повторного нервного шока, через полвека после первого, появилась снова речь у Дмитрия Генриховича Герцена. Но не выдержало больное, изношенное сердце. Так и уснула эта невинная жертва войны в больничной постели, крепко сжимая в руках руку единственного близкого человека, сводной сестры.

Марина всё же разобрала слова, которые до последнего вздоха шептал Дмитрий. Не останавливаясь, он твердил одно: «Я не хотел...».

Только несколько сохранившихся обрывков бумаги с сочинениями Мити нашла Марина после его смерти в печи, набитой доверху бумажной золой.

Содержание

Главы	Титульная страница/Посвящение	Страницы
	Слово автора/Фото автора	2
	Предисловия	3-5
	Пересечения судеб	6
	Названия глав	
1 глава	Стефания и Митя	7-19
2 глава	Жибек и Арон	20-31
3 глава	Уполномоченные	32-38
4 глава	Эдуард Кронин	39-65
5 глава	Фрида и Пётр	66-80
6 глава	Айфа Вайзенкинд	81-95
7 глава	Володя Шалшаев	96-106
8 глава	Театр	107-114
	Содержание	115

